

ЗНАКОМЬТЕСЬ:

- 3 Михаил ПРИШВИН *Ёж*
6 Геннадий КАЛАШНИКОВ *«Как продолжение смутных снов...»*
8 Наталия ЕЛИЗАРОВА *Чёрные ветви деревьев*
8 Михаил ПРИШВИН *Моя родина*
10 Валерий АНИШКИН *Язык мой – враг?*
12 Борис БАРТФЕЛЬД *«Как осень долго не кончалась...»*
14 Геннадий МАЙОРОВ *Артист*
17 Ольга АРИСТАРИНА *«Клёны-вертолётники курносые...»*
18 Людмила ИВАНОВА *Генералова жена*
20 Елена АЛБУЛ *«И вы на меня посмотрите...»*
21 Михаил ТАРКОВСКИЙ *«Не приближаясь к собственной душе...»*
22 Александр ПОЛЫНКИН *Любовь к небу*
24 Александр ТРУНИН *«И становится жизнь милее...»*
25 Виталий МОЛЧАНОВ *«Иссяк на дне его родник...»*
26 Михаил КОНЬШИН *Семь лепестков ромашки. Белая кофточка*
28 Анастасия АГОШКОВА *«Любовь наматывает стометровки...»*
29 Елена ПИМКИНА *«Космос увлечёт в немые царства...»*
30 Александр САПРУНОВ *Орловский пскович*
32 Владимир САМАРИН *Ночаут*
36 Душко ПЕТРОВИЧ *«Хочется снова в душе поселиться...»*
37 Сергей ПАГЫН *«Дует ветер осипший в рожок...»*
38 Евгения ДЕКИНА *Играй-играй!*
39 Игорь ЗОЛОТАРЁВ *Куст хризантем*
40 Елизавета МАРТЫНОВА *«Видишь лица за дождливой синью...»*
41 Владимир МАКАРЕНКОВ *«Я для тебя срывал сирень в букет...»*
42 Валерий ПРОТАСОВ *Адам и Ева*
44 Виктория ТКАЧ *«И становимся ближе друг другу...»*
45 Ольга СОКОВА *«И волны листьев к берегу летят...»*
46 Виктор ЛИВЦОВ *Судбищенская битва*
48 Николай ПЕРОВСКИЙ *«Гром гремел на голые деревья...»*
49 Дмитрий ПОРУШКЕВИЧ *«В твоих лесах боюсь забыться...»*
50 Дмитрий КОРЖОВ *Тот, кто зажигает свет*
52 Владимир ЕРМАКОВ *Между будущим и грядущим*
55 Юрий СТЕФАНОВ *«В том моя судьба, а не твоя вина...»*
56 Анастасия ЕРМАКОВА *Котёнок*
57 Илья БОРОДИН *Цапля*
58 Виктория НИКОЛАЕВА *Щука Пенелопы*
59 Арсений АШИХМИН *Я нужен!*
59 Альбина ВОВЧИК *Моя берёза*
60 Валерия МАКСИМОВА *Яблоки на снегу*
61 Надежда УСКОВА *По новой*
63 Марина КУРКИНА *Эта сказка учит...*
64 Кирилл ЦУКАНОВ *Весна начинается...*

ISBN 978-5-86843-075-6

Альманах «Тургеневский бережок» № 6-2023

Учредитель и издатель: РИФ «3-е ИЮЛЯ»

(г. Орёл, ул. Октябрьская, 12)

тел. 8-920-281-53-33

Руководитель проекта – Геннадий МАЙОРОВ

Главный редактор – Михаил КОНЬШИН

Литературный редактор – Наталия ЕЛИЗАРОВА

Дизайн, вёрстка: GM

16+

Подписано в печать: 01.05.2023 г. Выход в свет: с 07.05.2023 г.

Тираж 350 экз. отп. на базе издательства «3-е ИЮЛЯ»

в АК МедиаГруппа «Дворянское гнездо»

(г. Орёл, ул. Октябрьская, 34а)

Распространяется в ЦФО бесплатно

Рассылка: Администрация Президента РФ,

Совет Федерации ФС РФ, Госдума РФ,

Министерство культуры РФ,

Минпросвещения и Минобрнауки РФ,

Администрации: Белгородской, Брянской, Владимирской,

Воронежской, Ивановской, Калужской, Курской, Липецкой,

Орловской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской, Тверской,

Тульской, Ярославской областей.

союзписателей - 57,рф

Геннадий МАЙОРОВ,
председатель ОРО
«Союз российских писателей»

Нас ждут новые открытия

«Добром за добро!» – это наш 7-й именной Всероссийский просветительский проект: в 2018 году «Бежин луг» был посвящён 200-летию И.С. Тургенева, в 2019 году «Спасите пушкинский язык!» – 220-летию А.С. Пушкина, в 2020 году «Вернись на родину, душа!» – 150-летию И.А. Бунина, в 2021 году «Жемчужное ожерелье» – 190-летию Н.С. Лескова и 150-летию Л.Н. Андреева, в 2022 году «Небываемое бывает» – 350-летию Петра Первого и «Искусство видеть мир» – 130-летию К.Г. Паустовского.

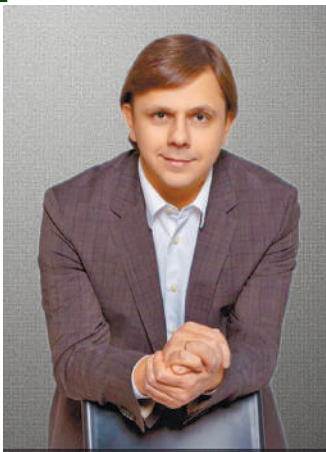
Этот номер альманаха посвящён 150-летию М.М. Пришвина и итогам конкурса «Добром за добро!»

Параллельно мы проводим Всероссийскую акцию «Вечный огонь», посвящённую 80-летию Великой Победы, которая вызвала большой общественный резонанс.

Но главная наша задача – поиск талантливой молодёжи и помощь ей в поиске себя. Достаточно сказать, что ежегодные литературные конкурсы собирают сотни юношей и девушек, любящих русский язык и литературу, пробующих свои силы в поэзии и прозе. Нас уже знают на всём постсоветском пространстве, заявки присылают и из-за рубежа. Отрадно, что в пришивинском конкурсе активно участвовали и орловские школьники, и их сверстники из Становлянского района Липецкой области, с малой родины М.М. Пришвина.

А сегодня члены оргкомитета уже планируют новые проекты, связанные с великими литературными именами. И безусловно главным событием будет конкурс «Спасите пушкинский язык» к 225-летию Александра Пушкина.

Так что покой нам только снится...

Андрей Евгеньевич КЛЫЧКОВ,
губернатор Орловской области

*Уважаемые орловчане!
Уважаемые конкурсанты!*

Альманах «Тургеневский бережок» в 2023 году посвящён 150-летию Михаила Трещина. Писатель родился в с. Хрущёво-Тёвшино Елецкого уезда Орловской губернии (ныне Липецкая область).

Благодаря очень продуктивной работе Орловского регионального отделения Союза российских писателей в нашей области юбилей ознаменован просветительской акцией-конкурсом «Добром за добро!»

Это масштабное начинание, направленное не только на популяризацию творческого наследия классика, но и на воспитание у детей любви к чтению и бережного отношения к родной природе. По итогам конкурса зазвучат новые имена молодых литераторов, готовых продолжить великое дело ярчайшей плеяды наших земляков: Эвана Тургенева, Леонида Андреева, Николая Лескова. Их творчество в своё время выполняло поистине миротворческую миссию, помогло раз и навсегда определить позиции России, русского языка в глобальном культурном пространстве. Позиции, которые нам довелось отстаивать в напряжённой и святой борьбе.

«Тургеневский бережок» познакомит орловцев с новыми произведениями писателей-земляков, даст слово юным творцам и патриотам. Публикации вновь сложатся в стройный и величественный гимн малой родине, нашим выдающимся соотечественникам.

Журнал станет площадкой для пламенных трибун справедливости и тонких лириков, профессиональных историков, истинных патриотов, людей с большим трепетным сердцем.

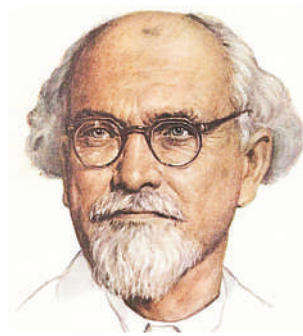
Редколлегия и авторский коллектив, Орловское региональное отделение Союза российских писателей своей литературной, патриотической, общественной работой в очередной раз доказали, что «поэт в России – больше, чем поэт». В наше непростое время голос людей искусства звучит убедительно и величественно. В его интонациях – и наследие прошлого, и образ будущего, и великий призыв к единению.

Правительство области продолжит оказывать содействие творческому сообществу, совершенствовать систему поддержки литераторов. В настоящее время предусмотрена выплата губернаторских стипендий орловским писателям. В рамках госпрограммы «Развитие отрасли культуры в Орловской области» осуществляется финансирование издания книг современных местных авторов.

Уверен, новый выпуск альманаха послужит самым высоким гуманистическим целям, будет востребован орловцами, напомнит о важности изучения истории, сохранения родной природы, проиллюстрирует процесс развития современной литературы.

Михаил ПРИШВИН

ЁЖ

Раз шёл я по берегу нашего ручья и под кустом заметил ежа. Он тоже заметил меня, свернулся и затукал: тук-тук-тук. Очень похоже было, как если бы вдали шёл автомобиль. Я прикоснулся к нему кончиком сапога – он страшно фыркнул и поддал своими иголками в сапог.

– А, ты так со мной! – сказал я и кончиком сапога спихнул его в ручей.

Мгновенно ёж развернулся в воде и поплыл к берегу, как маленькая свинья, только вместо щетины на спине были иголки. Я взял палочку, скатил ею ежа в свою шляпу и понёс домой.

Мышей у меня было много. Я слышал – ёжик их ловит, и решил: пусть он живёт у меня и ловит мышей.

Так положил я этот колючий комок посреди пола и сел писать, а сам уголком глаза всё смотрю на ежа. Недолго он лежал неподвижно: как только я затих у стола, ёжик развернулся, огляделся, туда попробовал идти, сюда, выбрал себе наконец место под кроватью и там совершенно затих.

Когда стемнело, я зажёл лампу, и – здравствуйте! – ёжик выбежал из-под кровати. Он, конечно, подумал на лампу, что это луна взошла в лесу: при луне ежи любят бегать по лесным полянкам.

И так он пустился бегать по комнате, представляя, что это лесная полянка.

Я взял трубку, закурил и пустил возле луны облачко. Стало совсем как в лесу: и луна и облако, а ноги мои были как стволы деревьев и, наверное, очень нравились ёжику: он так и шнырял между ними, понюхивая и почёсывая иголками задники у моих сапог.

Прочитав газету, я уронил её на пол, перешёл в кровать и уснул.

Сплю я всегда очень чутко. Слышу – какой-то шелест у меня в комнате. Чиркнул спичкой, зажёл свечу и только заметил, как ёж мелькнул под кровать. А газета лежала уже не возле стола, а посредине комнаты. Так я и оставил гореть свечу и сам не сплю, раздумывая: «Зачем это ёжику газета понадобилась?»

Скоро мой жилец выбежал из-под кровати – и прямо к газете; завертелся возле неё, шумел, шумел, наконец, ухитрился: надел себе как-то на колючки уголок газеты и потащил её, огромную, в угол.

Тут я и понял его: газета ему была как в лесу сухая листва, он тащил её себе для гнезда. И, оказалось, правда: в скором времени ёж весь обернулся газетой и сделал себе из неё настоящее гнездо. Кончив это важное дело, он вышел из своего жилища и остановился против кровати, разглядывая свечу-луну.

Я подпустил облака и спрашиваю:

– Что тебе ещё надо?

Ёжик не испугался.

– Пить хочешь?

Я встал. Ёжик не бежит.

Взял я тарелку, поставил на пол, принёс ведро с водой и то налью воды в тарелку, то опять волью в ведро, и так шумлю, будто это ручеек поплёскивает.

– Ну иди, иди, – говорю. – Видишь, я для тебя и луну устроил, и облака пустил, и вот тебе вода...

Смотрю: будто двинулся вперёд. А я тоже немного подвинул к нему своё озеро. Он двинется, и я двину, да так и сошлись.

– Пей, – говорю окончательно. Он и залакал. А я так легонько по колючкам рукой провёл, будто погладил, и всё приговариваю:

– Хороший ты мальчик, хороший!

Напился ёж, я говорю:

– Давай спать.

Лёг и задул свечу. Вот не знаю, сколько я спал, слышу: опять у меня в комнате работа.

Зажигаю свечу, и что же вы думаете? Ёжик бежит по комнате, и на колючках у него яблоко. Прибежал в гнездо, сложил его там и за другим бежит в угол, а в углу стоял мешок с яблоками и завалился. Вот ёж подбежал, свернулся около яблок, дёрнулся и опять бежит, на колючках другое яблоко тащит в гнездо.

Так вот и устроился у меня жить ёжик. А сейчас я, как чай пить, непременно его к себе на стол и то молока ему налью в блюдечко – выпьет, то булочки дам – съест.

Ёж – рассказ Михаила Пришвина, который подходит для семейного чтения. В нём от имени рассказчика говорится о встрече с ежом. Повествователь встретил лесного жителя неподалёку от ручья и забрал к себе домой, так как дома у него водились мыши. Как себя повёл новый питомец в жилище рассказчика, прочтите вместе с детьми в небольшом рассказе. Он учит относиться к диким животным с любовью и вниманием, помогать им.

Фото - Сергей Краснухин

Высокопреосвященный
ТИХОН,
митрополит
Орловский и Болховский

+ Тихон

Дорогие грузья!

Ечередной номер альманаха посвящён 150-летию со дня рождения нашего земляка Михаила Михайловича Пришвина. Писатель известен с самого детства каждому русскому человеку. На его рассказах выросли уже многие поколения наших соотечественников. М.М. Пришвин стал писать довольно поздно, в 30-летнем возрасте. Однако его творчество заняло совершенно особое место в русской литературе. Особое внимание М.М. Пришвин уделял описанию русской природы.

В отличие от многих русских писателей первой половины XX века М.М. Пришвин не покинул Россию и не уехал в эмиграцию. Любовь к своей Родине и к русской природе была для него предметом вдохновения.

В настоящий альманах вошли произведения победителей и призёров Всероссийского конкурса «Добром за добро» и сочинения орловских школьников на тему «Моя малая родина».

Желаю всем начинающим авторам Божией помощи в их трудах!

Желаю помощи Божией в дальнейшей работе членам Союза российских писателей за их важную просветительскую деятельность.

О ЛЮБВИ

Любовь – это значит бороться за любимого человека.

Любовь похожа на море, сверкающее цветами небесными. Счастлив, кто приходит на берег и, очарованный, согласует душу свою с величием всего мира.

В любви можно доходить до всего, всё простится, только не привычка.

Красит человека только любовь, начиная от первой любви к женщине, кончая любовью к миру и человеку, – всё остальное уродует человека, приводит его к гибели, то есть к власти над другим человеком.

Чувство любви содержит в себе возможность рождения и роста нового человека, и если у любящих и не родится физическое дитя, всё равно мы измеряем любовь по делам их, направленным к счастью нового человека.

Начало любви – во внимании, потом – в избрании, потом – в достижении.

Подлинная любовь, прежде всего, бывает внимательной, и от силы внимания зависит сближение. У победителя счастье. И только счастливый может великодушно любить. Неудачник хватается за любовь, как утопающий за соломинку, и его любовь – это любовь для себя.

Цитаты М.М. Пришвина

Гигиена любви состоит в том, чтобы не смотреть на друга никогда со стороны и никогда не судить о нём вместе с кем-нибудь.

Любовь на земле есть единственная достойная удивления сила.

Радость и счастье – это дети любви, но сама любовь, как сила, – это терпение и жалость.

Любовь – это неведомая страна, и мы все плывём туда каждый на своём корабле, и каждый из нас на своём корабле капитан и ведёт корабль своим собственным путём.

Тот человек, кого ты любишь во мне, конечно, лучше меня – я не такой. Но ты люби, и я постараюсь быть лучше себя.

Я хотел бы так полюбить, чтобы не мною любовь владела, эта слепая сила, а я сам бы стал её хозяином.

Все мы помним, что когда кто из нас влюблён, то бывало, и все люди на свете хороши.

Мы часто видим, что мужчина кое-какой, а женщина превосходная. Это значит, мы не знаем скрытого достоинства этого мужчины, оценённого женщиной: это любовь избирательная, и, вероятно, это-то и есть настоящая любовь.

Биография Пришвина

4 февраля 1873 – 16 января 1954 гг. (80 лет)

Михаил Михайлович Пришвин – известный советский писатель, прозаик, публицист. Автор большого количества произведений для детей, рассказов о природе и охоте. Серьёзно изучал фотографирование и проиллюстрировал свои книги собственными снимками.

Родился Михаил 23 января (4 февраля) 1873 года в селе Хрущёво-Лёвшино Орловской губернии в купеческой семье. Его отцу досталось богатое наследство, которое он проиграл (после чего умер от паралича). Мать Пришвина осталась одна с пятью детьми и заложенным именем. Несмотря ни на что, она смогла дать им хорошее образование.

В биографии Михаила Пришвина первое образование было получено в деревенской школе. Затем же он перевёлся в первый класс Елецкой гимназии, несколько раз оставался там на второй год. А через 6 лет учёбы был отчислен за дерзость и конфликт с учителем, хотя знаниями Михаил тоже не сильно выделялся. Лишь через 10 лет продолжил образование в Рижском политехническом институте.

В студенческие годы Михаилу стали близки идеи марксизма, за что он поплатился арестом и заключением на год в тюрьму. После выхода из тюрьмы поехал за границу.

С 1900 по 1902 год Пришвин учился в университете Лейпцига. Там он получал специальность агронома.

Вернувшись на родину, женился, стал воспитывать троих детей. А в 1906 году оставил свою профессию, стал

работать корреспондентом в газетах и начал писать. Он бродил по лесам, много путешествовал, собирал фольклор. Все впечатления от путешествий, записанные им тогда, легли в основу будущих книг.

В краткой биографии Пришвина важно отметить, что в 1906 году впервые был опубликован его рассказ – «Сашок». Затем вышли его книги с очерками: «В краю непуганых птиц» (1907), «За волшебным колобком» (1908), «У стен града невидимого» (1908). С 1912 по 1914 год вышло первое собрание сочинений писателя.

В 1930-х годах писатель совершил путешествие на Дальний Восток. Следующими книгами Пришвина были «Дорогие звери» и написанная на её основе повесть «Женьшень» (1933), «Календарь природы» (1935), роман «Кашеева цепь» и многие другие. Также высоко ценятся его «Дневники» (1905–1954).

«Певец русской природы» – так кратко охарактеризовал Пришвина писатель К. Паустовский. Действительно, все произведения Михаила Пришвина пропитаны особым отношением писателя к окружающей его природе, и изложены они в очень красивой языковой форме.

Михаил Михайлович Пришвин умер 16 января 1954 года в Москве от рака желудка.

Писателю был установлен бронзовый памятник в г. Сергиев Посад в 2014 году, а в 2015 году он был торжественно открыт в день его рождения.

Именем писателя был назван открытый в 1982 году астероид № 9539.

Геннадий КАЛАШНИКОВ

Геннадий Николаевич Калашиков родился в Тульской области. Первая публикация стихов – в мартовском номере журнала «Юность» за 1971 год. Работал в «Литературной газете», в издательстве «Эксмо». Автор нескольких книг стихов: «Ладонь» (М., 1984), «С железной дорогой в окне» (М., 1995), «Звукоряд» (М., 2007), сборника стихов и прозы «Каво люблю...» (М., 2017), «В центре циклона» (М., 2018), «Ловитва» (М., 2022) Его стихи были представлены в антологиях «Русская поэзия. XX век» (М., 2001), «Русская поэзия. XXI век» (М., 2010). Дипломант Всесоюзного конкурса им. М. Горького за лучшую первую книгу (1984); «Золотое перо Тулы» (2020); Ярославского поэтического конкурса «О времени и о себе»; победитель в номинации «Монолог поэта» (2021). Лауреат премии «Московский счёт» за лучшую книгу года (2007); Международного Тютчевского конкурса «Мыслящий тростник» (2015); премии Пушкинского общества Америки «Душа в заветной лире» (2016). Победитель 3-го сезона литературной премии «Антоновка.40+» в номинации поэзия (2021).

Член Союза российских писателей. Член Правления Союза российских писателей, заместитель председателя приёмной комиссии. Член жюри многих литературных конкурсов и фестивалей. Живёт в Москве.

Как продолженье смутных снов

* * *

Вдоль по обочине грязи брильянты,
мёрзлых полей домотканых холстина,
солнце сквозь облако, как у Рембрандта
крепкая пятка блудного сына.

Манят поля, эти пажити, просеки,
красный, немного всплакнувший суглинок,
венецианские синие проблески
с охрой голландской, фламандским кармином.

Было легко и с водою проточною,
с ветром от стужи сутулым и пьяным,
Время струилось часами песочными,
жизнь прошуршала по колбам стеклянным.

Всё позади – и вокзалы и палубы,
угли костров и остывшие клятвы.
На горизонте леса словно жалобы –
так же случайны и также невнятные.

В общем, ни прибыло жизни, ни убыло,
да и неважно – чуть больше, чуть меньше,
чтобы в хламиду отцовскую грубую
крепко уткнуться лицом помокревшим.

ИЮЛЬ

Запад багряный. Вишнёвый восток.
Ветер причудливый, медленный
в небе вращает косматый клубок.
Плод завязался. Согнулся росток.
В памяти устья хранится исток.
В трубках растений запенился сок –
радость пчелы привередливой.

Остья пшеницы. Синий овёс.
Дроздов суматошливых стая.
Тёмный и тёплый омут и плёс
под напряжением спеющих гроз.
На мочажине в початках рогуз.
Глаза в слюдяных превратились стрекоз
и над лугами летают.

Стебель коленчатый цапельный ржи.
И подорожник овальный.
Норы в обрывах, откуда стрижи
чертят зигзаги свои, виражи.
Переплетение веток и жил.
Озеро в травах ленивых лежит,
как инструмент в готовальне.

Утренний дым. Вечерний туман,
дальней грозою чреватый.
Воздух в листве открывает изъям.
Полой травы невесомый орган.
И ежевичный колючий капкан.
Конского щавеля ржавый султан.
Картошки цветок лиловатый.

Медленный ветер над лесом и лугом.
Длинной волны смех или плач.
Куст водяной принимается хлюпать.
Вспаханы воды невидимым плугом.
Выгнется речка подковой и луком.
На берегу с восклицательным клювом
грубо оструганный грач.

Выше же – сосен кора золотистая,
кроны слоисто-зелёной пятно
сливается с тучей над старою пристанью,
речною рябою излучиной чистой,
где тонкая молния, длинно-ветвистая,
что глянёт мгновенно и пристально,
корягою ляжет на дно.

* * *

Как продолженье смутных снов,
мир сотворён младенцем, а не взрослым.
В младенческой невнятице лесов,
в капризном нраве рощицы-подростка –
везде следы задумчивой игры
с самим собой, без сверстников, и разве
нам близок мир – младенческий и праздный,
забытый для другой игры.

И лишь ребёнку внятн он –
листва, как пальцев отпечатки,
и птиц расцвеченных повадки,
и ветра колыбельный стон...

КОРШУН

Низких деревьев ниже –
это к какой погоде? –
коршун летает рыжий,
ищет что-то, находит.

Круче взлетит и сразу
книзу, словно в обиде.
Круглым оптическим глазом
как он меня увидел?

Над лесом летит и лугом,
на провода садится,
и от него в испуге
прячутся мелкие птицы.

Что мне до этих рыжих
крыльев, когтей и пуха?
Словно от них завишу,
так сердце забилось глухо.

Глуше стучит и горше
у придорожных вётел.
Рыжий летает коршун
и телеграфный ветер.

КУПАНИЕ В ОЗЕРЕ

Для рыб я птица, а для птиц я рыба.
И озера мерцающая глыба,
растущая из бьющего ключа,
колеблема движением плеча.
Вода причудлива и каждый миг иная,
шершавая, угластая, прямая,
секундою и вечностью живёт,
и синий мрамор неба отражая,
и стрекозы мигающий полёт.

ЛАСТОЧКА

Вот понеслась и зачертила...
А. Фет

Смущавшая душу Фету,
невидная на земле,
летит, неподвластна ветру,
парит в заоблачной мгле.

Крошечный сгусток плоти
чертит за кругом круг,
напоминая в полёте
сразу стрелу и лук.

Крылья свои распластывая,
навек – и без следа –
сверхзвуковая ласточка,
чёрно-белая, как судьба.

О ЛЮДЯХ

Назначение человека на земле – нарушить весь
нестественный порядок жизни и создать свой.

Вся беда людей состоит в том, что они привыкают
ко всему и успокаиваются.

Мы так устроены, что видим только своё.

Бывают моменты у человека, когда природа яв-
ляется ему как зеркало собственной жизни и он
видит себя не таким, как о себе думает, а таким, какой
он есть.

Хоть бы минутку побыть с самим собой и собрать-
ся с силами – вот это нужно человеку, иначе он
вывёртывается весь наружу и в своих делах не узнаёт
себя самого.

Человек начинается там, где радостный вокруг
себя он внутри принимает страдание.

Есть прекрасные деревья, которые до самых моро-
зов сохраняют листву и после морозов до снеж-

Цитаты М.М. Пришвина

ных метелей стоят зелёные. Они чудесны. Так и люди
есть, перенесли всё на свете, а сами становятся до самой
смерти всё лучше. Человеку нужно слышать тон време-
ни и идти по своей тропе.

Плохие люди – это кто хуже нас, хорошие – это
как мы сами, а кто лучше нас – мы не видим, и
это очень трудно увидеть: для этого надо преклониться
перед высшим, но поди-ка, преклонись!

Одни люди, назовём их деловые, получают моти-
вы своих действий непосредственно от жизни,
другие, мечтатели, в поступках своих руководствуются
мотивами, качественно преломленными в их душе. Чело-
век, любующийся природой, не нарцисс, а гадкий утёнок,
впервые благодаря природе понимающий в себе лебедя.

Есть птицы поползни, они в поисках своего чер-
вячка могут бегать по дереву даже и вниз голо-
вой. Среди людей есть тоже такие, готовые ради своего
червяка тоже ходить вниз головой.

Наталья ЕЛИЗАРОВА

Чёрные ветви деревьев

Кира ехала за рулём уже несколько часов. Игорь в очередной раз был в запое, и она, побросав самое необходимое в сумку, поехала к подруге, которая жила и работала в другом городе. Кира была очень зла на Игоря. Он совершенно себя не контролировал, смешивал всякую дрянь, и непонятно было, как он ещё мог вставать по утрам на работу. Кира мыла, готовила, кормила его кота, иногда орала, иногда спала на кушетке на балконе, а когда совсем доставало, позволяла себе вылазки к подруге. Это было нечасто, поскольку работы было много, да и путь неблизкий.

Работала Кира в салоне красоты: делала ногти и несложные манипуляции в косметологии. Давным-давно она училась на медсестру, поэтому говорила клиентам, что медицинское образование у неё есть, но за сложные аппаратные процедуры братья боялась. Делала чистки, пилинги и эпиляцию и всё хотела научиться колоть ботокс и диспорт, так как и самой было уже пора. Работала она в салоне и дома, поэтому номер телефона раздавала направо и налево, желая привлечь побольше клиентуры. Мужа могли в любой момент «попросить», поскольку от него по утрам несло перегаром, да и перенапрягаться он не любил. Она злилась, что выходила замуж за активного, ещё молодого мужчину, любящего путешествия, умеющего вкусно готовить, интересующегося многим, а сейчас на диване лежало жалкое, опустившиеся существо, не проявляющее к миру никакого интереса. Кира порой даже радовалась, что не может иметь детей, иначе кого бы она родила?! Иногда она желала ему захлебнуться палёной водкой, но потом всё равно жалела, наливала пива и убирала грязь. Но вот снова психанула.

Выехала она во второй половине дня, а поскольку на дворе стоял ноябрь, быстро стемнело, дорога была по-

крыта скользкой изморозью, надо было быть начеку. Когда на телефоне высветилось сообщение, она не сразу смогла его прочитать: не стала отвлекаться на трассе. Остановившись у придорожного кафе и заправки, она засунула пистолет в бак и открыла вотсап: сообщение могло быть по поводу работы.

Действительно, писала одна из клиенток, Лёля, девочка лет двадцати пяти, которая иногда приходила делать ногти. Клиентки парикмахеров и маникюрш всегда славились своей разговорчивостью, в большинстве своём они и приходили затем, чтобы излить чужому человеку душу, поделиться проблемами – своими и окружения. Кира уже привыкла, что в сообщениях тут и там мелькают жалобы на мужей и любовников, какие-то просьбы и безумные идеи, и даже агрессия в случае отсутствия немедленного ответа.

Но после стандартного «привет» шла фраза, от которой Кира застыла посреди заправки:

– Мой Лёша погиб на войне.

Кира почувствовала, как вдоль позвоночника быстро пробежало что-то скользкое и холодное. Она стояла в темноте на заправке в Калужской области, рядом была посадка: тёмные деревья покачивали голыми ветвями, ещё немного – и на них ляжет снег. Тишина нарушалась только изредка проезжающими автомобилями: в будний день их было не так уж и много.

– Война... Погиб на войне... Война была для Киры паграфом из учебника истории: фашистская Германия напала на СССР... Адольф Гитлер... Доблестная советская армия... Безвозвратные потери... Был ещё прадед Николай, которого она никогда не видела и который

Михаил ПРИШВИН

Моя родина – произведение Михаила Пришвина, которое заставит задуматься и взрослого читателя. В нём автор рассказывает, как однажды он встал рано, чтобы отправиться на охоту. Мама угостила его в то утро удивительным напитком – чаем с только что вскипячённым молоком. С тех пор писатель научился вставать рано, до рассвета, чтобы разделить с матерью утреннее чаепитие. Как это помогло ему в дальнейшей жизни, узнайте вместе с детьми из небольшого рассказа. Он учит видеть прекрасное в мелочах, проявлять внимание, искренне любить свою Родину.

МОЯ РОДИНА

Мать моя вставала рано, до солнца. Я однажды встал тоже до солнца, чтобы на заре расставить силки на перепёлок.

Мать угостила меня чаем с молоком. Молоко это кипятилось в глиняном горшочке и сверху покрывалось румяной пенкой, а под той пенкой оно было

необыкновенно вкусное, и чай от него делался прекрасным.

Это угощение решило мою жизнь в хорошую сторону: я начал вставать до солнца, чтобы напиться с мамой вкусного чая.

Мало-помалу я к этому утреннему вставанию

лежал в солдатской могиле где-то подо Ржевом. Это всё, что она знала о войне.

Лёля и Лёша – у них были так смешно похожи имена, у этих ребят. Тогда Кира пропускала болтовню Лёли мимо ушей, а сейчас почему-то вспоминались подробности. Лёля рассказывала, как они совершенно случайно познакомились в каком-то клубе. Какой Лёша был заботливый, и как она его «проверяла», заставляя сходить ночью в магазин за какой-нибудь ерундой – шоколадкой или чипсами. Как долго он стеснялся познакомить её со своей мамой, и как быстро они потом поженились, строили планы, что обязательно поедут в Париж. Почему в Париж? Да какое-то кино смотрели... «Амели», кажется. И вот Лёши нет...

Кира начала набирать сообщение, подыскивать слова сочувствия, утешения.

В ответ быстро посыпались новые строчки:

– А ты работаешь сейчас? Я хочу приехать на ногти.

Кира, уже почти дошедшая до кассы, снова замерла и медленно написала:

– Я буду через два дня.

– Хорошо бы успеть до похорон, – пикинул телефон. – Надо сделать чёрные ногти, всё-таки любимого мужа в последний путь провожать. Хочу быть красивой.

Кира стояла на парковке и смотрела вдаль на чёрные

деревья. Она думала о том, что дома, на кухне, её муж – скорее всего, очень нетрезвый, но живой.

– А когда похороны? – очнувшись, снова набила сообщение.

– Не знаю, его только вчера опознали. Подорвался на mine, изуродован. Врачи такие трупы осматривают, родинки там, родимые пятна, чтобы понять, кто это. Теперь тело должны переправить. Как привезут, будем хоронить. Так я приеду в четверг?

Кира представила, как Лёля входит в её квартиру, а вместе с Лёлей, как тень, входит её Лёша, обожжённый, может быть, без руки или без ноги, и у него тоже чёрные ногти – сгоревшие до мяса. И руки все в земле, в пыли. Он садится напротив и смотрит, как Кира наращивает ногти его жене, как наносит гель, базу, лак... Как она прячет тонкие пальчики в лампу, а затем вытягивает их, любителю и говорит: «Классный цвет!» На её чёрных ногтях переливаются разноцветные блёстки, как новогодние огоньки. А в городе уже ставят ёлки, но для Лёши не наступит две тысячи двадцать третий, его стопка в новогоднюю ночь будет стоять на полке, накрытая куском чёрного хлеба. А Лёля... Лёля снова приедет на маникюр, сменит чёрный цвет на малиновый или лиловый, наденет пёстрое платье, и жизнь закружит её в своём беззаботном конфетти.

Кира села в машину и ещё долго не включала зажигание, а потом развернулась и поехала обратно, домой.

Наталья Елизарова по первому образованию юрист. Окончила Литературный институт имени А.М. Горького и магистратуру МПГУ.

Член Союза писателей Москвы, Союза российских писателей, русского ПЕН-центра.

Автор поэтических сборников: «Осколок сна» (2006, Москва), «Черта» (2014, Смедерево, Сербия, трилингва), «Страна бумажных человечков» (2019, Москва «Арт Хаус медиа»), книга для детей «Мой ангел» (2015, Иркутск) и «Я видел!» (2021, Орёл) и многочисленных публикаций в периодике.

Лауреат премии имени Анны Ахматовой журнала «Юность» (2015). Дипломант I Тургеневского конкурса «Бежин луг» (2018). Лауреат I международного литературного конкурса «Линия фронта» (2020, 2 премия). Лауреат премии партии «Справедливая Россия: патриоты – за правду» (Москва, 2022). Лауреат VI всероссийского конкурса им. Н.А. Некрасова (2022). Дипломант XIII Международного славянского литературного форума «Золотой витязь» за книгу стихов для детей «Я видел!» (2022).

Соредактор сербского журнала «Жрнов». Генеральный директор Академии изящной словесности «Орлея». Член оргкомитета премии «Антонюшка.40+», член жюри премии им. Левитова, всероссийских конкурсов «Небываемое бывает», «Жемчужное ожерелье» и других. Председатель оргкомитета всероссийского просветительского проекта «Добром за добро!»

Публиковалась в журналах «Дружба народов», «Нева», «Юность», «Интерпоэзия», «Урал», «Эмигрантская лира», «Плавучий мост», «Волга XXI век» и многих других. Стихи переведены на английский, сербский, немецкий, польский, румынский, турецкий, даргинский, болгарский, венгерский, греческий, норвежский, итальянский языки. Живёт в Москве.

так привык, что уже не мог проспать восход солнца.

Потом и в городе я вставал рано, и теперь пишу всегда рано, когда весь животный и растительный мир пробуждается и тоже начинает по-своему работать.

И часто-часто я думаю: что, если бы мы так для работы своей поднимались с солнцем! Сколько бы тогда у людей прибыло здоровья, радости, жизни и счастья!

После чаю я уходил на охоту за перепёлками, скворцами, соловьями, кузнечиками, горлинками, бабочками. Ружья тогда у меня ещё не было, да и теперь ружьё в моей охоте необязательно.

Моя охота была и тогда и теперь – в находках. Нужно было найти в природе такое, чего я ещё не видел, и, может быть, и никто ещё в своей жизни с этим не встречался.

Перепёлку-самку надо было поймать силками такую, чтобы она лучше всех подзывала самца, а самца поймать сетью самого голосистого. Соловья молодого

надо было кормить муравьиными яичками, чтобы потом пел лучше всех. А поди-ка найди такой муравейник да ухитрись набить мешок этими яичками, а потом отманить муравьёв на ветки от своих драгоценных яичек.

Хозяйство моё было большое, тропы бесчисленные.

Мои молодые друзья! Мы хозяева нашей природы, и она для нас кладовая солнца с великими сокровищами жизни. Мало того, чтобы сокровища эти охранять – их надо открывать и показывать.

Для рыбы нужна чистая вода – будем охранять наши водоёмы. В лесах, степях, горах разные ценные животные – будем охранять наши леса, степи, горы.

Рыбе – вода, птице – воздух, зверю – лес, степь, горы.

А человеку нужна родина. И охранять природу – значит охранять родину.

Валерий АНИШКИН

ЯЗЫК МОЙ – ВРАГ?

Писатель Ю. Алешковский пишет почти так же, как говорит в жизни: «фиговато», «мне стукнул «полтинник» и в этом возрасте получить «червонец»? Я сказал себе «сваливай», на фиг тебе эти «бабки»!

Интеллигентный Андрей Разбаш в одной из телепередач спросил его:

– А почему «сваливай», а не «уезжай»?

– Ну, я не могу представить себе, чтобы моя муза шепнула мне «уезжай», она могла шепнуть мне только «сваливай», – был ответ.

Правда, «по телевизору» Алешковский матом не ругался.

Что такое проза Ю. Алешковского? Это язык лагерной «фени». Автор считает, что если страна наша была большим лагерем, то лагерный язык волей-неволей переносился во все слои общества в той или иной форме.

И это правда. О.С. Ахманова в статье «Язык» (БСЭ) отмечает, что «непрерывно осуществляющееся изменение и развитие языка обусловлены непрерывным изменением жизни общества. Изменяющиеся условия требуют пополнения языка новыми словами и выражениями».

Но это совершенно не значит, что все эти изменения и, тем более мат, нужно тащить в литературу.

Пусть простит меня Ю. Алешковский за то, что я упомянул его в качестве примера нежелательной тенденции развития русского языка. Алешковский – лишь один из многих авторов обрушившегося на головы читателей потока вульгарной литературы.

Литературный язык любой развитой страны достаточно богат, чтобы выразить тончайшие оттенки эмоционального состояния или действия человека. И совсем, например, не обязательно пользоваться медицинской терминологией, чтобы описать любовную сцену. По крайней мере, ни Мопассану, ни Золя это и в голову не приходило. А если бы, не дай Бог, пришло, то это был бы уже Пузо или Эммануэль Арсан. Но мы же не станем сравнивать Золя с Арсан? Как пишет Елена Кушнир, «Чтобы описать секс в книге, автору нужно взять под контроль анатомию, проскользнуть между слащавостью

и порнографичностью, и подобрать хорошие метафоры».

Варлам Шаламов провёл в заточении достаточный срок, чтобы лагерный язык накрепко пристал к нему, и он, наверно, употреблял в разговоре крепкие выражения. Однако страшные страницы его рассказов чисты в художественном отношении и продолжают лучшие традиции русской литературы.

Вообще, если мы говорим о языке, мы подразумеваем два понятия: устный язык и письменный, литературный. И когда я вначале сказал, что Алешковский пишет так же, как говорит, то недаром употребил слово «почти», потому что мы всё же не говорим так, как пишем.

Вениамин Ерофеев пал как человек достаточно низко (не будем здесь касаться системы, которая загоняет человека в угол), но как писатель не позволил спутать два разных понятия языка. И если на наших полках стоит книжечка Ерофеева, то это не только благодаря её социальной значимости, но и благодаря хорошему литературному языку...

Когда я очень давно после завораживающих есенинских стихов обратился к его прозе и прочитал «Яр», я был разочарован. Повесть пересыпана местными рязанскими говорами, то есть диалектизмами. Сестрой поэта Е. Есениной даже был составлен словарь таких слов и выражений. Мешает читать «ободнялая снеговая сыворотка» (ободнять – рассветать), «скопырнулся» (умер), «теперь нам мускорно» (трудно). Позже я нашёл подтверждение своего отношения к есенинской прозе в статье «Темы и парадоксы» критика А. Измайлова, который счёл ошибочным принцип писательского этнографизма применительно к «Яру»: «А местный калорит, усиленно создаваемый совершенно непонятными словами, – ушук, летуга, коряжник, еланка, олахарь, корогод, вертье, шипульник, растагарить, тропыхать, кугакать, – говорит только о том, что рискованно писать повесть для широких кругов на местном наречии».

Другими словами, проза Есенина оказалась «однодневной», искусственной. А ведь так говорили на Рязанщине. Но Есенин добросовестно перенёс устную речь в

Родился 22 декабря 1938 года в г. Жуковка Брянской области. В 1939 году семья переехала в г. Орёл. С 1941 по 1943 гг. Валерий Георгиевич с матерью находился в эвакуации. В 1957 году окончил среднюю школу № 4 г. Орла, поступил в Ленинградский государственный педагогический институт на факультет иностранных языков.

Автор книг «Великие мыслители», «Русь и её самодержавцы», «Быт и нравы царской России», «Моя Шамбала», «Потерявшиеся в России», «На распутье», «Баламуты», «Уходящая натура», «Студент», «Моя карма», «Богатство и бедность царской России», «От Горбачёва до Путина», «Весёлый Насреддин»... Несколько книг были изданы в электронном варианте в Германии.

Дипломант Первого международного литературного Тургеневского конкурса «Бежин луг» в номинации «Проза». Дипломант международного литературного конкурса «Линия фронта». Финалист Международного литературного конкурса «Славянская лира». Лауреат премии им. И.А. Бунина ОРО СПП. Член Союза российских писателей. В 2022 г. был избран член-кором Международной Академии Наук и Искусств и награждён Дипломом Альберта Нобеля «За большие достижения в литературе по итогам года».

письменную, и мы не приняли это как высокохудожественное литературное произведение. Выше упомянутая мной О.С. Ахманова утверждает: «Письмо, коль скоро оно вышло из состояния идеографии, превращается во вторичную и подсобную форму по отношению к устному языку, с развитием «литературного языка письменная форма приобретает значение как бы второй формы его существования».

Калейдоскоп политических и экономических изменений конца XX начала XXI веков буквально взорвал наш язык притоком новых слов и понятий. Но вместе со словами и терминами, уже принятыми в мире, например, «инфляция», «девальвация», «эмиссия» и т.д. (мы эти экономические термины употребляем чаще в политическом контексте) наши молодые политики из новых, энергичные и знающие иностранные языки, стали выдавать «нагора» пачками термины, подменяющие русские понятия, и теперь мы имеем «плюрализм» вместо «различные мнения», «консенсус» вместо «соглашение», «приватизация» вместо «передача в собственность», «импичмент» вместо «отставка», «регион» вместо «район», а также «ротация», «популяция», а ещё «мэр», «киллер», «шоу» (а среди «шоу» – «ток-шоу», «секс-шоу») и т.д. и т.п.

«Новые русские» охотно подхватили эстафету, и у нас появились «шопы», «пиццерии», «бары», а также «эквалайзеры», «плееры», «блейзеры».

Да, язык не является неподвижным и статичным, напротив, непрерывно изменяется и развивается в различных условиях речевого общения. Но одно дело, когда слово постепенно отмирает и выпадает из языка, оставаясь словарным, как, например, слово «отнюдь», которое вставит разве что красноречивый депутат в свою витиеватую речь, или в наш разговорный обиход входят заимствования, подчинившиеся внутренним законам языка и не вредят языку, а обогащают его, не мешая национальной самобытности, например, «культура», «трактор» с их производными, но другое дело, когда мы искусственно начинаем вытеснять русское слово из своего языка, заменяя его иностранными или жаргонными.

В своё время против засилия языка то немецкими (при Петре I), то французскими (при Екатерине II, когда дворянская знать стала кичиться тем, что «они умеют говорить по-русски лишь с французским акцентом») словами выступали лучшие представители русской интеллигенции, и их заслуга в том, что литература сдержала этот натиск и только отметила существование этих периодов.

Драматург А. Островский очень хорошо отразил это явление в своих замечательных пьесах. Вспомним, как Бальзамина учила сына:

– Вот что, Миша, есть такие французские слова, очень похожие на русские... Послушаешь иногда на именинах или где на свадьбе, как молодые кавалеры с барышнями разговаривают, – просто прелесть слушать... Вот послушай! Ты всё говоришь: «Я гулять пойду!» Это, Миша, нехорошо. Лучше скажи: «Я хочу променаж сделать!»

– Да-с, маменька, это лучше, – соглашается Миша Бальзаминон.

Сейчас в мире утвердился английский язык как язык одной из наиболее развитых стран, его изучают, он вхо-

дит в нашу жизнь и происходит, может быть, то же, что и во второй половине XVIII и почти всего XIX веков, когда русский язык вынужден был удерживать осаду французского.

Остаётся только утешиться тем, что литературный язык более статичен, чем устный, видимо, благодаря тщательному отбору слова, принятым законам написания, а также благодаря общепринятой морали, которую можно игнорировать в устной, но никак нельзя в письменной, литературной речи...

Немаловажен вопрос культуры нашего устного языка.

В период демократизации общества свобода коснулась не только всех сфер нашего быта, но и культуры речи, а может быть, и даже прежде всего, речи. Русские люди всегда были целомудренны и совестливы. И хотя нецензурные слова и жаргонный язык существовали, кажется, во все времена, употребляли их в узком кругу, и страшным поступком считалась брань в общественных местах и в присутствии незнакомых людей и тем более женщин и детей.

Новое время внесло поправку в исконные традиции русского быта. Молодёжь без мата уже говорить не умеет. Девушки употребляют нецензурные слова так же свободно, как и юноши, и это чуть ли не пароль в общении среди молодёжи, мол, свой.

И безобидным кажется язык подростков (теперь говорят «тинейджеро»): «Шнурки свалили, приходи, «жужу покрутим» на фоне нецензурной речи.

Молодёжный сленг прочно вошёл в разговорную речь, но стоит ли требовать от школьника литературной речи, если многие взрослые люди не пренебрегают употреблением жаргонной лексики.

Л. Трубилина в исследовательской работе «Молодёжные жаргонизмы и сленги в русском языке» пишет: «Актуальность темы в том, что жаргоны употребляются в определённом возрасте, но потом настолько «врезаются в память», что используют их даже взрослые. Люди, кажется, забывают литературный язык. Теперь жаргонизмы употребляет большая часть населения. Нередко люди даже сами не знают значения этих слов. Одни лингвисты считают, что это временное явление, так сказать, «детская болезнь», другие – опасностью для литературного языка».

Учительница биологии из маленького, в 5 тысяч населения, городка Бабушкин на Байкале Елена Вострикова вместе с педагогами со всей страны вынуждены были составить словарь «школьного языка», где нашли объяснения «токсика», «краши», «читеры» и многое другое.

Т.М. Павлюк в работе «Школьный сленг в нашей речи: быть или не быть?» отмечает: «В настоящее время школу волнует состояние уровня национальной речевой культуры, поскольку русский язык претерпел значительные изменения: язык «улиц» (нецензурная и жаргонная лексика) часто звучит не только в повседневной жизни, но и в средствах массовой информации, в речи политиков, в художественной литературе, а также в речи школьников. Употребляя сленговые выражения, молодёжь забывает и засоряет русский язык, отсюда вытекает неграмотное использование школьного сленга молодым поколением и подмена смысла употребляемых ими слов».

А язык, как и сознание, меняется не без помощи «средств массовой информации». Если досуг нашей молодёжи занимают второсортные американские триллеры (так теперь называются боевики, то есть захватывающее кинодействие) с примитивным текстом и ещё более примитивным переводом этих текстов, а основным чтением стала низкопробная литература, то нужно было ожидать падения не только нравственности, но и снижения требовательности к устному языку.

И это не только быстрое введение в обиход нецензурных слов, это и примитивный разговорный язык, и произношение.

Мы часто слышим безграмотное употребление слов и словосочетаний не только от молодёжи, но и от чиновников. Рядовым стало употребление фраз «Я увидел о том, что...» или «Я говорил то, что...», а ударением в словах, например, «начать», «иначе», грешил, например, ещё Михаил Горбачёв. Мало кто из депутатов может правильно поставить ударение в слове «договор».

Нельзя одновременно использовать два способа выражения сравнения:

слова «более/менее» или «самый/наиболее» в сочетании с прилагательными или наречиями в сравнительной или превосходной степени, например, «более красивее», «более слабее», «более громче», чем вчера, «более лучше», «более тяжелее», или «самый величайший учёный».

И совершенно не требовательны к своей речи «звёзды эстрады». В телеэфире от них часто можно услышать: «был в отключке», «как-то надо бы отвязаться». Но это уже касается жаргона, а вот безграмотность просто недопустима. Просторечные употребления глаголов «ложат», «плотят» режет ухо грамотного человека.

Нельзя употреблять местоимение «ихних» вместо

«их». Это, кстати, вместе с «евонные» – просторечья уральских диалектизмов.

Наиболее склонны к изменениям языка обучающиеся ему дети, поэтому чаще представители старших поколений принуждены поправлять молодых, а не наоборот.

«Изменение, которое протекает вначале медленно, ускоряется по мере того, как остаётся всё меньше представителей предыдущего поколения, поддерживающих старое произношение». (О.С. Ахманова. Ст. «Язык» БСЭ.)

Одним из таких представителей старого поколения несомненно является ныне покойный С.Д. Лихачёв. Я выбрал Сергея Дмитриевича не случайно. И как он говорил (хочется сказать, нёс слово), могли слышать все. Запись встречи с ним в концертной студии Останкино в 1986 году потом повторялось по телевидению. И как академик бережно относился к нашему языку, видно хотя бы из такого примера. Он употребил слово «контакт» (контакт с залом) и извинился за это, сказав, что старается избегать подобных слов. Ему ближе не «контакт», а «общение» с залом.

Конечно же, на хорошем русском языке говорят многие, по крайней мере, люди интеллигентные, но они теряются в общей массе поголовного незнания языка. Те же французы ещё лет двадцать назад приняли закон «О поддержании чистоты французского языка», за использование англицизмов и американизмов в печати и в теле-радиоэфире налагаются крупные штрафы.

Язык – это общее достояние, которое накапливается рядом поколений, передающих язык от одного поколения к другому, непрерывно обогащая и совершенствуя его. Язык сохраняет для потомства сокровища национальной культуры, литературы, науки. В конце концов, язык – это фундамент, на котором строится культура.

О ТВОРЧЕСТВЕ

Спрашивать писателя о «тайнах его творчества», мне кажется, всё равно, что спрашивать от козла молока. Дело козла полюбить козу, давать молоко – это дело козы.

Художник должен чувствовать вечность и в то же время быть современным.

Сочинителю лучше быть талантливым дураком, с чем разумнейшей и человечнейшей бездарностью.

Мой приём состоит в том, чтобы заставить действовать не только центральное лицо, но и всю обстановку олицетворить, чтобы каждая вещь показала своим лицом и стала тоже героем. Так и лес, и ёлка, и сосна стали бы живыми.

Мой враг в творчестве – это прежде всего моё собственное желание повторять себя самого без всяких новых усилий и на этом повторении строить своё благополучие.

Что остаётся надолго, то рождается от цельной личности в муках и радостях, совершенно так же, как в природе рождается жизнь. Добиться бы в себе до этого синтеза рождения личности, как учёные

Цитаты М.М. Пришвина

добираются до синтеза белка, – вот соблазнительный и опасный путь творчества.

Ая думаю, никто не судит, не распределяет, и дорога в рай или ад для всех свободна. Большинство просто не находит никакого удовольствия себе в раю и предпочитает идти в ад, где вино, карты и все удовольствия. Но я думаю, если хорошенько взяться, можно многих захватить с собой в рай, и это есть творчество.

Труднее всех художников, конечно, художнику слова потому, что трудность выражения чувства мысли здесь легко подменяется и умерщвляется логикой.

Без чувства современности художник останется непризнанным.

Есть момент обязательный в творчестве, когда художник судит весь мир по себе.

Читать мораль доставляет удовольствие, потому что, вычитывая, человек, в сущности, говорит о себе, и это очень приятно, и это есть своего рода творчество с обратным действием, то есть не освобождающим, а угнетающим, – творчество бездарных людей.

Борис БАРТФЕЛЬД

Родился в пос. Новостроево Калининградской области. Окончил с отличием университет. Служил в Ленинградском военном округе. Член Союза российских писателей. С 2010 года председатель Калининградской областной писательской организации (в составе СРП). Автор 11 книг. Стихи переводились на литовский, польский, немецкий и латышский языки. Организатор литературных конкурсов и фестивалей. В 2013 году за просветительскую деятельность стал лауреатом премии Калининградской области «Сопричастность». Лауреат премии города Калининграда «Вдохновение» за лучшую художественную книгу года – сборник стихов «Пределы», лауреат областной премии «Признание» за роман «Возвращение на Голгофу», вышедший в издательстве «ЭКМО».

Награждён медалью ордена «За заслуги перед Калининградской областью».

* * *

Временно, помни, всё временно,
Сердце стучит размеренно,
И сколько бы век не хрипел,
Природа жизнью беременна,
Хоть у каждого свой предел.

Помни, всё изменяется,
Море с суши встречается,
Древний лес засыпает песок,
Но смола янтарём возвращается,
Когда иссякает Эриданов поток.

Слышишь шаги в полутьме?
Пирует конвойный в корчме.
Время стучится в наш дом,
Твой ангел томится в тюрьме,
Лодочник ждёт за окном.

Остались последние сроки,
Две грунтовых сельских дороги.
Кому доведётся под утро
Расслышать последние строки?

* * *

В ту пору Бог не знал границ,
Не помнил ни имён, ни лиц
И на скрижалях из гранита
Не высекал свои заветы,
Уединившись до рассвета.

Тогда зима была зимой,
И дед мороз с тугой кошмой
Шагал, проваливаясь в снег,
И был уверен человек,
Что лето грянет за весной.

И мы купались на рассвете
В морях, в озёрах, в быстрых реках,
Смеялись счастливо, как дети,
Хоть знали о чужих секретах
И о внезапной детской смерти.

* * *

В шорохах ночи до зари не уснуть,
мыши минут точат стропила лета,
август в звёздах увяз по грудь,
утонула Галактика в 18 веке, где-то
бродит корова по пастбищу детства

и спасительный Млечный путь
превращается в замкнутый круг.
Но под утро шепчет Коперника внук:
«Поверьте – она всё-таки вертится».
И сын шорника в звёздный плуг
запрягает морального человека.
На автобус не купишь без блата билета
в янтарную осень, учение о небе сурово –
до весны на счастье наложено вето,
но в стойле ждёт звёздного сена корова.

* * *

Из паутины снов,
Из забытья глухого,
От морока мужского
Я выходил по тропам слов.

Слова вели меня,
Давали силы, я пробовал слога
На вкус, как наша речь строга,
Зато надёжны строфы и стропила.

Я долго строил дом,
Я подбирал слова под окна и под стены,
Вязал их меж собой в катрены
И был спасён и стройкой, и стихом.

* * *

Как осень долго не кончалась,
Ноябрь тонул, тонул в дожде,
Грустили лодки у причалов
В своей древесной нагоде.

Там за стеной дождя и ветра,
Следы таились на песке,
Я их искал, но только эхо
Металось в дальнем сосняке.

Ты – как Лаура в заточенье
Иных времён, чужих дворцов,
Моё осеннее плененье,
Смятенье душ, томленье слов.

Из ноября в лицо апреля
Я заглянул сквозь холод дней –
Там робкий свет в конце туннеля,
Моя надежда и потеря,
Сожжённая разлукой сцена,
Актёр, не помнящий ролей.

Как осень долго не кончалась

Родился в воинской части под Ленинградом в семье офицера-фронтовика.

Председатель Орловского регионального отделения Союза российских писателей и Орловского Союза журналистов. Работал в газетах «Орловский комсомолец», «Советский спорт», на радио и телевидении. Редактор художественного фильма «Поллианна». По его книгам сняты два документальных фильма «И один в поле воин» и «Девичья пушка», показанные на каналах «Звезда» и ВГТРК.

Автор 18 книг общим тиражом около 100 тысяч экземпляров. Публиковался в журналах «Молодая гвардия», «Москва», «Балтика», «Под часами», «Гостинный двор», «Север», «Петровский мост», «Краснодар литературный», «Жрнов» (Сербия), альманахах «Подвиг», «Линия фронта»... Лауреат премии: имени И.С. Тургенева, Орловского комсомола, журнала «Молодая гвардия»; дипломант 4-го Международного литературного конкурса «Бежин луг-2021», 7-го Международного фестиваля-конкурса «Русский Гофман»...

АРТИСТ

Сцена пахла пылью. Молодой актёр Кирилл Светлов изнурённо угнездился в реквизитном кресле, где безуспешно боролся с дремотой, то и дело расщуривая усталые глаза. Мелкая дрожь налётами покалывала обмякшее тело.

Электрик Слава в шуршащем синтетическом халате пронёс мимо банку с краской, оставляя за собой едва уловимый запах ацетона. Где-то за кулисами закулила музыка. И тотчас сцена стала заполняться голосами. Кирилл очнулся, мотнул головой, прогоняя сонливость, и различил в полутьме фигуру электрика.

– Спёкса? – сочувственно ухмыльнулся Слава.

– Да, немного, – вяло ответил Кирилл, энергично растирая виски.

– Скоро закончат, – Слава закурил сигарету, с опаской поглядывая в сторону служебного входа, где справно нёс службу строгий дядя Паша – вахтёр и инспектор пожарной охраны в одном лице. – Сейчас последнюю сцену прогонят, и всё!

Кирилл встал и осторожно, стараясь как можно меньше тревожить скрипучие доски, направился в администраторскую. Яркий, резкий свет электричкой промчался по глазам. Заметив графин на столике помрежа, Кирилл набрал в ладонь немного воды и плеснул в лицо. Освежило.

В большой уютной комнате, заставленной по периметру диванами и креслами, вальяжно устроились два актёра. Они беспощадно и непрерывно курили, закрашивая потолок сизым дымом, и тихо о чём-то спорили. Один из них – седой, но с пышной шевелюрой Андрей Константинович Боярцев, легенда театра – приветливо подмигнул Кириллу; он всегда излучал доброжелательность, стараясь по-отечески поддерживать молодых, умело подогревая их фантазийные амбиции. Парень галантно ответил кивком головы.

Кирилл по-доброму завидовал ветерану, постоянно глотающему валидол, но всегда сохраняющему бодрость духа и оптимизм. Все удивлялись его бесконфликтности, мэтр постоянно отшучивался, даже когда впору было плакать; так было и после того, как Боярцеву «зарезали» звание народного артиста, хотя все спектакли с его участием, в том числе и на столичных подмостках, проходили с полным аншлагом. Он философски парировал провокационные сочувствия: «Главное – зритель, а не

чиновники от культуры. Я и «заслуженному» рад, и тому, что ещё не надоел истинным театралам».

Кирилл лёгким поклоном головы приветствовал и второго мужчину – Анатолия Викторовича Боровика, с ним он почти не был знаком, сорокалетний актёр недавно прибыл откуда-то с Украины и ещё не имел в их театре значимых ролей.

– Как дела, Кирилл Петрович? – Боярцев широко улыбнулся и мельком взглянул на часы.

В театре, по заведённой традиции и правилам хорошего тона, все называли друг друга по имени-отчеству или по имени, но обязательно на «вы».

– Пока тридцать шесть и шесть, – развёл руками Кирилл.

Андрей Константинович искренним добросердечием и отцовской заботой положительно влиял на молодого актёра. Боярцев поднял большой палец вверх и засмеялся:

– Так держать, даровитая смена!

Кирилл восторгался талантом ветерана сцены, его умением в любых обстоятельствах отрезаться от суетности бытия, моментально превращаясь в своего сценического героя, забывая о болячках и плохом настроении.

Ещё в детстве, впервые попав на спектакль, Кирюша был изумлён игрой актёров. С раскрытым от удивления ртом он смотрел на сцену, где коварная Баба-яга замышляла погубить царевича. Как отрицательный персонаж ведьма тем не менее притягивала своим темпераментом, страстно зажигала зал, и юные зрители не жалели аплодисментов после представления за доставленное им удовольствие. Уже тогда мальчишка, усвоивший «что такое хорошо и что такое плохо», стал размышлять о природе сильной личности, а повзрослев, об искусстве перевоплощения артистов, играющих порой диаметрально противоположных персонажей. Та же актриса, изображавшая Бабу-ягу, в спектаклях «Мария Стюарт» и «Ричард III» вдохновенно представала в новом качестве и пленяла страстями «старой доброй Англии». И это было похоже на чудо.

Зачарованный, Кирилл всецело погружался в загадочный и таинственный мир, а когда подрос, без колебаний записался в школьный драмкружок, где ему доставались положительные роли пионеров-героев, а потом поступил в театральное училище. Педагоги выделяли незаурядного парня, прочили ему хорошую карьеру. И только Андрей Константинович как-то во время очередного послепремьерного банкета деликатно предостерёг: «Надо уходить от ролей любовников и принцев. Это всё временный успех. А без хара'ктерных ролей не подняться на новую высоту...»

Кирилл упрости режиссёра сменить амплу. Но дебют вышел комом. Вдобавок не заладилась личная жизнь, скороспелая женитьба распозлзлась по швам. Доброхоты посоветовали снять стресс известным русским способом. Но вовремя вмешался тот же Боярцев, его укоризненного взгляда и лёгкого порицания оказалось достаточно, чтобы Кирилл встрепенулся и отказался заливать горе горькой. Андрей Константинович к тому же прилюдно обратился к режиссёру с просьбой назначить его партнёром по спектаклю «Бой с тенью» именно Светлова. Уверял, что молодой задор смягчит тяжёлую философскую сцену. Режиссёр согласился. Вышло неплохо. Боярцев только хитро подмигнул: «К юбилею Островского будут ставить его пьесу «Невольницы». Почитайте на досуге. Поразмышляйте. А потом встретимся, обсудим. Думаю, там есть роль и для вас...»

– Старик, ты прямо на ходу спишь, – перегородил дорогу электрик Слава. – Чего ты тут маешься? Репетиция закончена. Иди-ка, отдыхай, набирайся сил.

Кирилл направился к служебному выходу через сцену. Пылью больше не пахло. Уборщица тётя Люся заканчивала сбрызгивать подмостки водой, в которую добавляла какую-то ароматную жидкость. Повевало утренней свежестию.

– Ну чего задумался, касатик? – пропела всегда позитивная тётя Люся, и актёр в ответ улыбнулся. Он, как и многие в театре, питал к уборщице нежные чувства, она этого была достойна: то предложит посидеть с чьим-то ребёнком, которого не с кем дома оставить («...ничего-ничего, мне не сложно, своих четверых вырастила»), то пирожками домашними побалуует («...а то голодные рыщут, скоро одна кожа да кости останутся»), то, не дожидаясь костюмеров, придёт на помощь («... давайте подошью, иголка с ниткой у меня всегда с собой»). Она же и психолог, если кому-то надо душу отвести или посеCRETничать, как с лучшей подружкой...

Кирилл вышел на улицу. Задохнулся от бодрящего морозного воздуха. Неспешные бархатистые снежинки липли к непокрытой голове. Люди вокруг суетились с ёлками, подарочными пакетами. Он вспомнил, что скоро Новый год, чересчур удлинённый праздник для всех, кто предпочитает «лишь бы не работать», но гробить своё здоровье чревоугодием и возлиянием. Самому же в одиночестве слушать бой курантов не хотелось, тем более не было охоты идти к кому-то в гости: всё же это, как уверяли с детства, семейный праздник. Хорошо, что все каникулы предстоят детские спектакли: не будет так грустно и одиноко.

Возле магазина наткнулся на старушку, та суетливо крутила головой, кого-то выискивая в толпе. Заметив Кирилла, зашептала:

– Молодой человек, вам цветы не нужны?

Он растерялся на мгновение и хотел было ответить отказом, но жалкий вид старушки буквально молил о помощи. Не спрашивая, что за цветы и сколько они стоят, Кирилл полез в карман за деньгами.

Букетик ромашек, упакованный в целлофан, цветочница извлекла из хозяйственной сумки и спешно передала покупателю, приговаривая: «Спрячьте, спрячьте...»

Он стал лихорадочно соображать, кому бы подарить цветы, не нести же их в свою холостяцкую однокомнат-

ную берлогу. Обернулся и увидел Светлану – художника по костюмам из их театра. Обаятельная, но излишне застенчивая девушка на работе старалась не бросаться в глаза, не отвечала на ухаживания, и вскоре вся мужская половина труппы с нерастраченным тестостероном утратила к её персоне всякий интерес.

– Света, – окликнул девушку Кирилл. Она едва не споткнулась от неожиданного окрика и ещё более смутилась, когда увидела широкую улыбку молодого актёра. – Мне вот тут по случаю досталась эта прелесть, – он ловко распахнул пальто и извлёк запотевший букетик, – терзаюсь в сомнениях, как с ним поступить. А тут ты! Выручай...

– Что вы, что вы, – заволновалась художница, – разве можно разбрасываться таким сокровищем...

– Нужно. У меня ведь дома даже вазы нет. И вообще я и цветы – вещи несовместимые. Так что принимай новогодний подарок смело, тебе он в самый раз.

Светлана совсем смутилась, её глаза заблестели то ли от частого моргания, то ли от назойливых снежинок. Кирилл припомнил, что раньше никогда всерьёз не общался с этой очаровательной девушкой, если не считать традиционные «здрасьте – до свидания». Пауза, далеко не театральная, затягивалась, вырисовывая тупиковую мизансцену. Он не знал, о чём дальше говорить, так и стоял с протянутой рукой. Выручила Светлана:

– Ой, так цветы замёрзнут. Их срочно надо в тепло. Пойдёмте, я тут живу недалеко.

Кирилл послушно утеплит букетик на своей груди и безропотно поплёлся за Светланой через дорогу к её дому. Уже в лифте девушка строго покачала головой и огорчилась:

– Вы плохо выглядите, совсем не отдыхаете. Так нельзя. Жизненный ресурс не безграничен.

– И что же делать? – Кирилл с интересом разглядывал собеседницу, теперь напоминающую строгую учительницу или серьёзного врача.

– Надо срочно поменять режим дня. Берите пример с Боярцева, он умеет всякий раз, когда выдаётся перерыв, отключаться. Минут двадцать отдыха с закрытыми глазами – и вроде как подзарядился от аккумулятора. Замечательная мето'да!

– Я сегодня попытался по его мето'де отключиться в кресле за кулисами, но в голову лезли всякие кошмары.

– Хотите, я вам дам занимательную книжечку об ауто-тренинге? Я ещё в институте её проштудировала и с тех пор могу настраивать свой организм на позитив...

Когда вошли в квартиру, где царил идеальный порядок, Светлана мягко скомандовала:

– Раздевайтесь и дайте ногам отдохнуть. Не стесняйтесь, откиньтесь на диване, я включу успокаивающую музыку, посидите так минут пять, пока я чай заварю.

– Лучше кофе.

– Нет, кофе возбуждает, а вам надо расслабиться.

Она прошелестела на кухню. А он сел на диван и тут же растворился в истинной благодати. Очнулся от нежного прикосновения. Светлана, успевшая переодеться, сидела рядом за журнальным столиком, сервированным по всем правилам китайской чайной церемонии. Здесь же в хрустальной вазе по-весеннему радовал глаз оттаявший букетик ромашек.

– Пора просыпаться, а то чай остынет, – от её улыбки повеяло нежностью.

Кириллу стало неловко, что так беспардонно заснул в незнакомом месте, но оправдываться не стал: день действительно выдался тяжёлым.

– Ну вот, совсем другое дело, даже морщинки вокруг глаз разгладились. Выпейте чаю с лимоном и печеньем.

– А печенье, вроде, не покупное, – оживился Кирилл, – сама, что ли, готовила?

– Так это несложно. Я же несколько раз приносила в театр, разве не пробовали?

– Как-то не доводилось. А теперь буду знать...

За окном загрохотало.

– Это мальчишки фейерверками забавляются, – подошла к окну, чтобы закрыть форточку Светлана. – Для них Новый год уже наступил.

Кирилл подхватился:

– Надо бы и нам старый год проводить, я сбегаю...

– Не надо, – жестом остановила Светлана, – у меня есть немного коньяка... с прошлого праздника. Нам, думаю, хватит.

Кирилл внимательней пригляделся к девушке, на вид робкой и сдержанной, но несомненно имеющей и свою точку зрения, и некие жизненные принципы.

С каждой минутой приятного общения они становились ближе, расслабляясь в душевной обстановке. Не замечая бега времени, долго и увлечённо говорили о своих профессиях, стараясь вспоминать только яркие и приятные эпизоды. Кирилл искренне рассыпал комплименты костюмерному цеху, поражаясь как там порой умудряются из ничего сотворить шедевр, какие шикарные модели придумывает художник. Светлана же признавалась, что смотреть спектакль из-за кулис ей нравится больше, чем из зала: актёры прямо-таки излучают сумасшедшую энергетику, которой можно заряжаться на день вперёд... И так за разговорами как-то непринуждённо они договорились вместе встретить Новый год.

Детские новогодне-каникулярные спектакли прошли «на ура». Руководство театра расщедрилось на премии, которые повысили вечно бедствующим актёрам градус настроения. Только вот Боярцев всё чаще стал избегать посиделок, ссылаясь на недомогание, и уходил в пустой зал, чтобы побыть одному. Иногда позволял присоединиться Кириллу. Сидели молча в полумраке, лишь изредка перебрасываясь незначительными фразами. Но однажды Андрей Константинович завёл странный разговор:

– Надо вам, дорогой Кирилл Петрович, браться за серьёзные роли. Нам, старикам, скоро на покой, а достойной замены я что-то не вижу. Спешите, мой юный друг, жизнь скоротечна, можно и не успеть сыграть свою самую главную роль... Уж я-то знаю: в суете театральной много чего не исполнил, всё думал – успею, впереди целая жизнь. Ан нет, жизнь пролетела ракетой. А ведь мог попробовать воплотить многие образы, что запали в душу. Не проявил характер, не отстоял свою точку зрения, размениваясь на проходные роли. Главная ошибка, что ждал предложений, а сам не проявлял должной инициативы... Нет, конечно, и Гамлета сыграл, и короля Лира – грех жаловаться, но всё же гложет что-то недоигранное, недоовлащенное...

Так что мой вам совет: перечитайте повнимательней классику, проникнитесь смыслом талантливых драматургов и не бойтесь предлагать себя в той роли, которая задела за живое. Но не повторяйте уже сыгранное другими, ищите свой подход к персонажу, берегите душу, не боясь ошибиться или кому-то не угодить.

Боярцев посмотрел на Кирилла в упор, просиял улыбкой и подытожил:

– Если хотите, я подберу вам несколько кандидатур, чтобы вы на досуге поразмыслили над этим. И не теряйте время!

Андрей Константинович подошёл к сцене, мягко провёл рукой по рампе, тихо заметив при этом: «Тётя Люся уже вымыла сцену» и, не прощаясь, медленно пошёл к выходу.

Странный монолог мэтра ошарашил Кирилла, он не на шутку возбудился и поспешил найти Светлану, ему не терпелось вместе обсудить намечающиеся перспективы. Они общались горячо, до полуночи.

– Я думаю, надо быть посмелей, – художница, стараясь смягчить тон, наставляла: – Боярцев прав, нельзя ждать у моря погоды, тем более у вас есть все шансы заявить о себе.

Кирилл пожимал плечами, словно оправдываясь:

– Наша профессия вторична, многое зависит от режиссёра, да и не хочется выглядеть выскочкой. Хотя ты права, надо пробовать...

И на следующий день – в законный выходной – они продолжали спорить, придирчиво обсуждая каждую деталь возможного поворота событий. Пошли в библиотеку, попросив подшивку журнала «Театр» и там же заказав пьесы Шекспира, Островского, Чехова, Гоголя, Ибсена, Мольера...

Утром перед репетицией собрав всю труппу, режиссёр-постановщик Борис Бергер без предисловий начал загробным голосом:

– Нам передали заявление от актёра Андрея Константиновича Боярцева, в котором он просит освободить его от работы в театре в связи с ухудшением здоровья. Придётся пересматривать репертуар, где он был задействован, и искать ему замену. Посему утренняя репетиция отменяется, нам надо посоветоваться с руководством.

Разом зашуршали-захлопали кресла. Театр тут же опустел, все эгоистично-довольные разлетелись по своим делам. В зале остался один Кирилл. Несколько минут он сидел как пришибленный, не в силах сообразить, что делать дальше. Очнулся от тихого голоса Светланы:

– Надо адрес Боярцева узнать, съездить.

– Да, да, надо навестить, может, чем помочь, – рассеянно ответил Кирилл. – Узнай, пожалуйста, в местком или на вахте, там должен быть список с адресами и телефонами. И подходи к выходу.

Электрик Слава щёлкнул, похоже, всеми выключателями одновременно – свет в зале, жмурясь, медленно угасал. Лишь узкая жёлтая полоска от дежурных лампочек пробиралась на авансцену.

Кирилл медленно приблизился к рампе, дотронулся там, где последний раз приложил руку Боярцев. Поднял голову, вглядываясь в потемневший задник. Что он хотел там разглядеть?..

Сцена, как и прежде, пахла пылью.

Ольга АРИСТАРИНА

Родилась в Орловской области. По образованию – журналист. Член Союза российских писателей. Публиковалась в журналах «Страстной бульвар», «Новый Орёл», «Балтика», «Сура», «Ротонда», «Белая скала», альманахах «Под парусом спасения», «Тургеневский бережок»... Главная на сегодняшний день награда – Гран-при Всероссийского литературного конкурса «Спасите пушкинский язык» в 2019 году, за что получила грант на издание своей первой книги рассказов «Искушение». Лауреат первой степени Всероссийского литературного конкурса «Первая книга». Обладатель диплома 3-й степени Международного литературного конкурса «Хрустальный родник» в номинации «Стихи для детей» (2020), победитель литературного конкурса «Золото русской литературы» (диплом 3-й степени) (2020), лауреат Международного литературного конкурса «Мир сказок» (2022). Лауреат литературного конкурса Фонда поддержки детской литературы «Первая книга» (2022)

Клёны-вертолётки курносые

РАЗГОВОР ОБ ОСЕНИ

– Ну конечно это было осенью.
Точно помню, это было осенью.
Сто процентов, это было осенью.
Это было поздней-поздней осенью.
Я же знаю, что я говорю.

Даже лес стоял весь чёрный с проседью.
В сером-сером небе свежей просинью
Выводил своё посланье прописью
Крупной-крупной неумелой прописью
Ветер на прощанье ноябрю.

Голову задрал, стояли сосенки.
Поплотней прижав иголки, сосенки
Говорили тихо-тихо с осенью,
Всех секретов им не разболтать.

Клёны-вертолётки курносые
И свои листочки даже сбросили.
Им совсем не стыдно перед осенью
Гольими-преголыми стоять.

Шапки потеплей и шарфы носим мы.
Скоро мир совсем заснёт без просыпу.
Но пока что слышен голос осени.
Он поёт о чём-то о своём.

Вечерок глазёнки щурит сослепу.
Звёзды в небе, будто бы подбросили –
Маленькие льдинки вверх подбросили, –
Чтоб горели тусклым серебром.

– Что же, что же, что же было осенью?
Что же непременно было осенью?
Что же сто процентов было осенью?
Что же было поздней-поздней осенью?
Не уснём мы, если вас не спросим мы...

– Я не помню, что же было осенью.
Ну вот только было это осенью.
Главное, что было это осенью.
Поздней-поздней-поздней-поздней осенью...

В ДОЖДЬ

Мы сидели в полном сборе,
Только собрались мы зря.
День был облаком зашторен,
Вымок весь из-за дождя.

Пётр сказал: – А мы поспорим,
Что при дождике важнее!
– Капюшон, – нашёлся Боря.
– Зонт, – сказал ему Андрей.

Нужен шарф, – сказала Зина, –
Модным станет с ним наряд.
– Нет, сапожки из резины, –
Отозвался Зинин брат.

– Дождевик, – Артём признался.
Все поверили ему.
Умным он у нас считался.
Мы забыли, почему...

– Нужно для грибов лукошко,
Если дождь идёт грибной!
А ещё, конечно, кошка –
В тёплом доме под рукой!

Это нам сказала Саша.
Завтра ей уже шесть лет.
Лев навряд ли что-то скажет.
Льву пока и года нет!

Я молчание нарушу:
– Нет, спасают от дождя,
В снег и зной, в любую стужу
Только верные друзья!

Правда, я хочу признаться,
Что приятней под дождём
С верным другом оказаться
В сапогах и под зонтом,

С модным шарфом подлиннее
Или без, кто как привык.
Что друзей в дожди важнее?
Только друг плюс дождевик!

Людмила ИВАНОВА

Генералова жена

— Ох, грехи наши тяжкие... Чтой-то на новом месте всё не пообвыкнуться никак.

Днём-то не до того, а как вечер, тишина подступит, тут-то и исповедь, покаяние её ежевечернее начинается.

— За что-благодарить-то сегодня прикажешь Тебя, Божечка мой?... Не исчислить благодати, даров-то Твоих, ласки-то... Уж больно щедр Ты ко мне, грешнице, не передал ли Ты мне уже лишку милостыни-то Своей?

Вот уж милости так милости... Как давеча Иван Иванович отпирает ключиком гардероб свой другой, заветный, тот, что у двери стоит, с мундиром своим генеральским да нарядами жениными – так и ахнула Раиса: от шеи до самого пояса десятки, а может и больше, орденов на зелёном пиджаке рядами наколото. На штанах-то полосы вдоль по всей длине красные пришиты, а на самой верхней полочке фуражка лежит со звездой, тоже генеральская. А платья- то, платки... Все длинные, цветистые, разных замысловатых фасонов, все узкие... Женины платья-то, артисткины, нетрудно догадаться-то.

Но не успела она ещё это новшество как следует разглядеть и обдумать, а Иван Иванович тут будто и шутит: вот, мол, Раиса Никаноровна, вверяю в ваши надёжные руки прежние мои семейные сокровища, распорядитесь, мол, как знаете. Посмотрите, примерьте, может, что и подойдёт вам. Платья-то, верно, узки будут, а вот шуба вполне может подойти... Пришлось прикинуть. Оказалась ей впору и шубка котиковая, и шапочка под стать ей.

Но не такой она, Раиса, человек, чтобы на чужое добро позариться, – и вот уж все эти богатства честно водворяются на свои прежние места...

— Одежда не должна пылиться в шкафах, – мягко урезонивает её Иван Иванович. – Время идёт, и платье должно обрести себе нового хозяина, это жизненное правило, и стесняться этого не надо.

«Лет-то, правда, много прошло, должно, он старое-то всё уж и подзабыл», – всё пытается оправдать его Никаноровна.

– Иван Иванович, не спите?

– Нет...

– Где вы Наташу-то свою схоронили?

– На Афанасьевском.

«Схоронил-то жену, наверно, без священника... Конечно, без батюшки, он ведь человек военный, они ведь, военные-то, все партийные были, а он ещё и чин большой... Травки, цветочков на могилку – нет, ведь ни за что мужику не до-

гадаться, и надо будет мне самой всё это обделать. А ну как спросить?» – смеется она.

– Иван Иванович, давно на кладбище-то были?

– Да давненько уже...

– Так-то... землечки на холмик, травки садовой салатненькой посеять, цветочков посадить не догадались?

– Там земли нет, я ей памятник красивый поставил и плиту мраморную положил.

– Мраморную! Тяжёлую! – пугается Никаноровна.

– Да ещё и памятник!.. Как же она, бедняжка, вместе со своими грехами тяжкими всё это на себе теперь носит-то?!

«Господи, спаси и сохрани рабу Твою усопшую Наталию... Завтра надо свесть его на погост, – твёрдо решает она. – И поглядеть, есть там земля али нет. Нету, так сами натаскаем откуда-нибудь, а могилка беспрерменно вся должна цвести».

А генеральский мундир тоже из головы у ней нейдёт, всё так и сверкает погонами.

– Иван Иванович, а...

– Что это ты, Раиса, по имени-отчеству и на «Вы» называть меня вдруг стала? В первые дни нашего знакомства как-то всё сердечнее, теплее выходило... Зови меня по-прежнему.

«Сердится, должно», – пугается она и долго потом не подаёт голоса.

– Ваня, спишь? – тихонько окликает наконец мужа.

– Нет...

– Ваня, а ты у нас в Ильинском случае не воевал?

– Где это?

– А это как на Брянск ехать, а потом ещё на машине в сторону, а там недалёко будет и до Ильинского. Церковь, приход там у нас большой был, меня в том храме ещё крестили.

– Нет, я на Ленинградском фронте воевал.

– Ой, Ваня, чего мы тогда натерпелися-то... Мы ведь всей семьёй чуть было не сгинули совсем. Папу на войну взяли, а нас у мамы пятеро осталось, мне лет эдак четырнадцать тогда было, я самая старшая из детей... Бомбили нас каждый Божий день: с одного боку немец, с другого – наши.

Потом хвастист пришёл. А мы в землянке, погорело село-то. Немец, солдатик, мальчик такой беленький, нас спас, кабы не он... Прибёг рано поутру, темно ещё, детей подымает с полатей, они кричат: «Мама, мама!» А он пальцем в небо тычет и тоже: «Мама, мама, бух, бух – лес, лес!»

И мы тогда поняли, что счас сильная бомбёжка будет, и снялися с места да за речку, в лес... А он, мальчик-то, бежит за нами, а я последняя бежала с узлом большим на руке; он

Людмила Николаевна Иванова. Родилась 18 мая 1937 года в г. Рыбинске Ярославской области. Жила и училась в Ярославле.

В 1963 году окончила географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.

Живёт и работает в г. Орле. Член Союза российских писателей.

Автор книг: «Деревня, которой нет. По следам героев И.С. Тургенева» (1991), «Родине поклонись» (1993), «Дорога к храму. Монастырские дневники» (1999), «Всех скорбящих радости. Книга I» (2000), «Записная книжка. Стихотворения в прозе» (2001), «Россиянки» (2004), «Всех скорбящих радости. Книга II. Болховские дневники» (2008), «Всех скорбящих радости. Книга III. Небо на земле» (2014), «Однажды раннею весной. Пьеса для чтения в креслах» (2014) и других.

хватает меня за руки, банки мне протягивает, в карманы, в телогрейку всё сухари суёт, плитки шоколадные. Так я только в лесу и опомнилась, руки задубели на морозе, разжать пальцы никак не могу, в руках ведь банки морозовые с колбасой ихней.

Мама, пока была жива, всё энтова мальчика – Фриц ему имя было – поминала, но не знала только, живой он али нет, и свечки Богу за него становила сразу – и за здоровье, и за упокой, на канун...

Ой, что мы ещё потом переживали-то, Ва-аня... После войны-то не похужело ли ещё... Голод-то какой был, рассказать – так ни за что не поверить. Вот отощаем к весне от бескормицы совсем – годы не то сорок шестой, не то сорок седьмой это были, – вот пойдём в поле, гнилушки картошешные мёрзлые ещё из грязи повыбираем, кой-как намоем, поварим маленько – и ели... Вспоминать страшно.

Вот иной раз картошку ету откусишь, а червяк из неё за рукой так тянется, тянется, а сил оторваться нету. Закроешь так-то глаза – и проглотишь всё это вместе с тем червяком... А потом я с голодухи в город подалась, на завод, в литейщицы, двадцать лет отстояла у печи горячей, теперь вот тоже вся больная...

И горькие, безудержные слёзы бегут ручьем из её глаз и стекают на намокшую подушку...

Опомнилась она от мягкого, лёгкого прикосновения к руке, открыла глаза и видит: у изголовья её стоит Иван Иванович и тихонько так зовёт её к себе – поднимайся-ка, мол, Раиса, да иди на своё законное место, на кровать на супружескую...

«Пожалел, должно», – думает Никаноровна.

И вот уж лежит она на самом краешке кровати, на левом боку, затаившись, словно мышь, и мечтает: вот так бы и нежилась под этим пуховым одеялом, и грелась бы всю свою жизнь у этого тёплого плеча, и всегда благодарила бы Создателя за эту Его великую милость...

«Завтра беспременно в церкву... Храм, видать, придётся заменить: к Михаилу Архангелу, сталоть, больше не судьба, а Господь указывает, значит, теперь до конца дней своих на богомолье ходить к святому Афанасию – ведь на том погосте-то у них с Иваном есть теперь родная могилка (все её сродники-то погребены на деревенских погостах), и могилку ту надо им содержать в порядке, а к этому всё своё старание приложить придётся».

«Молебен завтра заказать Спасителю... Свечку всем святым... Николаю Угоднику особо, Царице Небесной, – загадывает на завтра Никаноровна. – И за упокой Наталье, усопшей рабе Божией, на отпущение грехов и на помин её души».

Всё подсчитывает и всё сбивается она со счёта, всё сбивается и сбивается: дрёма всё плотнее сковывает сознание...

«Нему, ироду (прости, Господи!), ведь отец покойный Славику-то, – тоже на канун свечку... Ирод, Царствие Небесное...» А её Ивану заказать на алтарь молебен Пантелеймону Целителю, за здоровье. Водички святой набрать побольше домой, не позабыть.

«Крещёный ли Ваня-то! – вдруг холодеет Раиса от внезапной догадки. И тут же будто кто подсказывает ей: не крещёный – так заманим с багюшкой в храм и окрестим, куда ему деваться-то теперь, у Афанасия ведь жена-то любимая схоронена... Да и самим надо будет к ней поближе местечко себе приглядеть, на две могилки, рядышком».

И ещё... Вот бы пострадал Иван Иванович Славика-то... Ведь дождётся, посадят фулюгана... Может, не осмелится Славик послушаться-то его, ведь генерал Ваня-то всё ж таки.

Девкам бы, подружкам её деревенским, показать бы мужа-то. В деревню бы его свозить. Вот бы...»

...И вот уж идут они будто по деревне, по самой середке широкой улицы, и тонет нога в росистой, шелковистой траве: солнышко играет, птицы поют, сирень цветёт-дурманит...

Сбоку Раиса всё приглядывается к мужу: ладно ли на нём мундир генеральский сидит, не сбились ли на сторону медали, доволен ли он ею... И вдруг, невзначай глянув вниз, под ноги, вся так и обмерла: дорога-то, улица-то деревенская вся до краёв бурьяном поросла, а на ногах-то у Ивана надеты не туфли чёрные выходные, а кеды, голубые дорожные кеды!

– Ох, дурья моя голова, как это я проглядела-то! Да-да, сама же виновата: второпях-то позабыла засунуть туфли в чемодан. А и чемодан-то паковала тайком от мужа, чтоб за место выходного его костюма китель военный да брюки генеральские с лампасами по-быстрому успеть положить... А и чемодан-то тот, чтоб не открылась её глубокая тайна, в машину, в багажник, второпях тоже поскорее сама закидывала.

Ох, грехи наши тяжкие... Заметил ли он, что в кедах-то идёт, али нет... Кажись, не видит – вот и ладно, вот и хорошо.

Вот солнышко уже припекать начинает, птички вовсю распелись, от запахов цветочных да красоты сиреневой так и рябит в глазах.

Но что это деревня-то вымерла будто... Избы стоят, словно литые, в брянских ведь лесах деревня-то её лежит, дома все послевоенные, из брёвен новых стёсаны – деревня их глухая всегда была, даже волки вокруг бегали, а иной раз ночью на деревню забегут, набедакурат...

Но ни собаки, ни курицы, ни скотины какой другой нигде не видать. Одна церква вон белеется на околице – а людей нет как нет...

А что это избы-то по окнам и по дверям будто досками позаколочены? Да где же это девки-то, подружки-то её деревенские, ведь знают же, писала она им, что едут, мол, вдвоём с мужем, встренули чтоб...

Правда, поздно вчера они до деревни-то добрались, избы еле отперли, переночевали впотьмах кой-как на печке: изба-то после смерти мамы уж лет двадцать пять как нежилая стоит, а каков с такого жилья и спрос-то... А как соседи тут проживали – почем ей знать, ведь жизнь городская что твоя карусель: закружила, и нет сил из этого тесного замкнутого круга вырваться.

– Алёнка, жива ли уж ты, девка?! – кричит Раиса подружке, и они с Иваном Ивановичем останавливаются против хорошо знакомой с детства избушки, теперь осевшей и ушедшей одним углом в землю.

На зов долго никто не откликается, а затем туго, нерешительно как-то распахивается наружу одно оконце, и в его чёрной дыре появляется чья-то незнакомая, в тёмном платочке, с выбившимся наружу клоком давно нечёсанных седых волос маленькая, усохшая старушечья головка...

– Неужели Алёнка это, подружка закадычная, такая стала?! – пугается Никаноровна. – Алёна, а Алёна, ты ли это, девка?.. Выдь-ка на минутку на крыльцо-то! – зовёт она её.

В ответ старуха подслеповато жмурится и подставляет в их сторону одно ухо, прикрывая его сморщенной ладонью – от постороннего шума.

И горючие слёзы ручьем бегут по лицу и растекаются по беспомощным, искажённым рыданием губам, заползают в рот, солоня его. Тело крупно вздрагивает, и Иван Иванович обеими руками обнимает её за плечи, пытаясь унять дрожь...

Но не найти и ему теперь таких добрых и ласковых слов, кои смогли бы развеять безутешное Раисино горе...

Елена АЛБУЛ

Поэт, прозаик, музыкант, автор и ведущая программ на Первом Литературном телевидении (Литклуб. TV). Родилась и живёт в Москве.

Лауреат национальной литературной премии «Поэт года 2014», конкурса-фестиваля «Умный смех 2017», победитель телевизионного конкурса «Вечерние стихи 2014».

Неоднократный дипломант Всероссийского фестиваля юмористической и сатирической поэзии и песни «Ёрш» в различных номинациях.

Создатель и ведущая литературно-художественного клуба «Лодка» и детского клуба «Карусель» в Торговом доме «Библио-Глобус». Автор 12 книг стихов для детей и книги прозы «Привидение Картофельного дворца» (издательство «Аквилегия-М», 2022).

ЧАШКА

По приметам, по предметам
ты всегда меня найдёшь.
Облик мой на свете этом
с нашим домом будет схож.

Я в картинах и обоях,
я – и книги, и цветы,
и часы с насадным боем –
в общем, всё, что вспомнишь ты.

Если ж будет слишком тяжко
груз такой тащить сквозь дни,
сохрани хотя бы чашку,
только чашку сохрани.

Спрятан в ней, как в тех ракушках,
где морской не молкнет хор,
шёпот ласковый на ушко
и за чаем разговор.

МАТЬ-И-МАЧЕХА

У мать-и-мачехи звёздный час.
«Посмотри, посмотри на нас! –
из-под каждой кочки
умоляют жёлтенькие цветочки.
Нам срочно, срочно!
Это недолго продлится –
уже завтра появятся новые лица,
вырастет медуница, кислица;
вон те глянцевиные прутики
будут лютики, наглые лютики;
ландыши рассыпят свои жемчуга –
лес наполнится их ароматом. Луга
утонут в волнах кипрея.
Всюду бешеный рост – скорее, скорее! –
и вот оно, время нелепой шутки:
распускаются
незабудки.

Имя, какое имя!.. Кто сделал им этот подарок?
Ведь мелочь лесная, да и цвет-то неярк –

так, застиранный голубой...
Но заметят их все. С собой
будут брать, вплетая в стихи и букеты.
А о нас никто и не вспомнит.
Проклятое лето!
Пропадём без следа,
пропадём навсегда,
да,
да...

Но сегодня – сегодня-то наше время!
Здесь, на чёрной заплёванной сцене
танцует тебе наш солнечный хоровод.
Гастроли всего раз в год!
Ты наш первый и, может, единственный зритель –
ну, стой!»

Ладно, ладно.
Стою.
Смотрю.

И вы на меня посмотрите.

КОВЁР

Пока усталые глаза
ткачу не застит вечный сон,
ковёр рассматривать нельзя –
узор ещё не завершён.

Но ты следишь, как узелки
ложатся в ряд, ложатся в ряд,
как прихотливо завитки,
поймав, не отпускают взгляд.

Они сплетаются в цветы,
они свиваются в слова,
над смыслом будешь биться ты,
лишь контур угадав едва...

Гадай, гадай на лепестках,
как в детстве – любит или нет? –
пока бессильная рука
тебе не выведет ответ.

И вы на меня посмотрите

Михаил ТАРКОВСКИЙ

Русский поэт, писатель, член СП России, член Союза кинематографистов РФ. Родился в 1958 году в Москве. Окончил Московский педагогический институт им. В.И. Ленина по специальности география/биология. В 1981 году уехал в Туруханский район Красноярского края, где почти сразу же начал писать стихи, и где работал сначала полевым зоологом на биологической станции, затем охотником в с. Бахта. Живёт в селе Бахта Туруханского района Красноярского края и Красноярске.

Лауреат многих литературных премий, в частности, Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», Антона Дельвига, В.М. Шукшина. Дважды дипломант славянского форума «Золотой Витязь».

Главный редактор альманаха «Енисей». Президент Фонда В.П. Астафьева.

Не приближаясь к собственной душе

ОХОТА...

Я люблю, придя, шатаясь,
с горячими сосульками на лбу,
сняв тозовку, ввалиться спотыкаясь,
в холодную и тесную избу.
Там печки неохотная работа,
и в полутьме тяжёлый куль с крупной
сбивает шапку, мокрую от пота.
Под тонкой и прозрачной скорлупой
люблю фитиль в пылающей короне,
капканов беспорядок на полу,
стук льдышки в чайнике и шорох в микрофоне
холодной рации, вокруг трубы в углу
распятые таёжные доспехи.
Далёкий, побеждающий помехи,
переговор товарищей ночной
и русской Музы строгий позывной.
...С утра собаки скачут на ветру,
кусают снег и лают друг на друга,
патронташа тяжёлая подпруга
подтянута на новую дыру.
Морозный воздух свеж, как нашатырь,
горят верхушки лиственниц крестами,
и благовестит звонкими клестами
тайги великолепный монастырь.

* * *

Во всей этой истории чудной
мне места нет. Судьба и Муза сами
меня связать моими же руками
договорились за моей спиной.

Они при мне, ломая, унесли
всё то, что так охотно и умело
вращалось, танцевало и скрипело
в моих руках. Потом они ушли

По щепкам дров, по мокнущему сену.
Я понял всё: они придут тогда,
когда земля, деревья и вода
привыкнут и подыщут мне замену.

Когда в чужую осень отойдут
к моим сетям приученные реки
И, на меня обидевшись навеки,
свои ключи другому отдадут.

Когда сухое небо подберёт
Дроздов, ещё шуршащих по нагому

березняку. (А этому другому
я всё простил на много лет вперёд

за странное осеннее волнение,
что знает лишь охотник да поэт,
за кедр первобытный силуэт
и огненную даль, за наслажденье

бежать на лай, по мёрзлому стволу
простукивать огромную осину,
и знать, что никакому ремеслу
нельзя принадлежать наполовину).

...Шёл тихий летний дождик без просвета
и глянцевал забытую пилу.
Я вспоминал, прижав лицо к стеклу,
весёлый мир того, другого лета,

когда гудел в моём карандаше
прекрасный сор, встревоженный ногами,
и я ходил широкими кругами,
не приближаясь к собственной душе.

* * *

Продублённый холодами,
верный слову и мечу,
я служу всё той же Даме
и другого – не хочу.

Всё вокруг лишь продолженье
светлой памяти о Ней,
бурый пар, как дым сраженья
над провалом польней.

Призрак, дерево, гора ли...
Только шорох ветерка
на опущенном забрале
голубого куржака.

* * *

Я всё отдам за это вдовье
лицо земли, где дождь как штрих,
где жизнь – сплошное предисловье,
а смерть – загадка для живых.

Где всё, что есть – и грех, и слава –
лишь голос предков в нас самих,
где мы не заслужили права
и в мыслях быть счастливей их.

Александр ПОЛЫНКИН

ЛЮБОВЬ К НЕБУ

или

Как орловский аэронавт своё наследство по ветеру пустил

Герой Отечественной войны 1812 года, генерал-майор Михаил Мацнев, уйдя в отставку и поселившись в своём малоархангельском имении Столбцево, увлёкся игрой на скрипке, стал театралом.

Иногда он совмещал эти два занятия, и тогда все зрители орловского театра графа Каменского перед началом очередного спектакля с удовольствием слушали игру генерала на его скрипке с коротеньким смычком. Он замечательно исполнял мелодии модных тогда композиторов Онслоу и Феска.

Любовь к небу

Старший сын героя Отечественной войны, орловский помещик Иван Мацнев, тоже выбрал военную карьеру, дослужился до чина штабс-ротмистра лейб-кирасирского полка и с армией распрощался. Будучи в 1851 году за границей, в Париже, увидел он первые полёты на только что начавших входить в моду воздушных шарах и немедленно обучился воздухоплавательному делу.

В первом же полёте на аэростате русский аэронавт поднял бокал с шампанским за здоровье своего императора. Но увлечение Мацнева воздухоплаванием вызвало неудовольствие Николая I, заявившего, что участие в этом – недопустимый поступок, хотя бы и для отставного офицера.

Однако неодобрение императора не остановило бывшего штабс-ротмистра, а ныне – коллежского секретаря: любовь к лётному делу стала смыслом всей его жизни. За два последующих года Иван Мацнев не только успел полетать на многих заграничных аэростатах, но и познал все тонкости изготовления воздушных шаров. А вскоре самолично смастерил аэростат, не уступавший ни в чём иноземным. На нём Иван Михайлович в районе Петергофа совершил несколько успешных полётов.

Пионер воздушной разведки

А тут началась Крымская война (1853–1856), очень

Генерал Михаил Мацнев

неудачно развивавшаяся для России. Англичане, французы и турки осадили Севастополь, за который развернулось жестокое многомесячное сражение. Очень важно было в условиях осады иметь достоверную информацию о планах и расположении противника.

Иван Мацнев, у которого возникли собственные, достаточно интересные мысли по этому поводу, 15 мая 1855 года представил императору Николаю I проект воздухоплавания, применимый к военным рекогносцировкам (т.е. разведывательным

действиям)

Суть его проекта заключалась в следующем:

«Поднять над местом, где расположился противник, для разведки его позиций, посредством каната на высоту 300 сажен воздушный шар с наблюдателем. Он, находясь в шаре, может передавать наблюдения свои словесно прямо или переговорною трубою; в случае же ветреной погоды или в случае передачи известий, не подлежащих оглашению, – условленными знаками или кидать сверху бюллетени в мешках, насыпанных для балласта песком».

Мацнев так объяснил выгоду применения воздухоплавания к военным рекогносцировкам:

«При осаде крепостей или, как в настоящее время, имея под Севастополем неприятельский укрепленный лагерь и флот, оказывается возможность вместо лживых часто показаний перемётчиков и пленных делать заключения о расположении позиций, вооружении укреплений и даже самом калибре орудий, основываясь на верных и точных наблюдениях...»

Для реализации своих предложений бывший штабс-капитан предложил «учредить воздухоплавательную обсерваторию под Севастополем и образовать при ней наблюдателей в том числе, которое признано будет полезным».

В записке Мацнев изъявил готовность «принять на себя обязательство устроить воздушные обсерватории в тех местах, где приказано будет, и совершить самому

Родился в деревне Бунино (Архангельского сельсовета) Урицкого района Орловской области.

В 1978 году окончил историко-английский факультет ОГПИ (по диплому – преподаватель истории, обществоведения и английского языка). Тогда же начал работать учителем истории Покровской средней школы (Покровский район), потом в этой школе был организатором внеклассной и внешкольной работы с детьми и директором школы (в течение 13 лет). С 2002 и по 2007 руководил учреждением дополнительного образования детей – Станция детского и юношеского туризма и экскурсий. Учитель высшей категории и педагог дополнительного образования – тоже высшей категории.

С 1981 года начал печатать статьи по краеведческой тематике, вначале – в районной, а потом и в областной прессе. В 1994-1995 годах вышли из печати две первые книги: «Очерки Покровского района с древнейших времён до послевоенного времени». В 1996 году – «История села Успенское и окрестных деревень». К настоящему времени опубликовано более 50 книг.

Член Союза российских писателей.

потребное число воздухоплаваний для полного практического образования лиц, которые для того избраны будут». Он перечислил и все условия, необходимые для начала работ, и сумму, в которую выльется изготовление одного шара, способного подымать двух человек с тяжестями (2500 рублей).

В дополнение к вышеизложенному Иван Михайлович даже представил образцы материи, потребной для обтягивания шаров.

Император дал поручение военному министру В.А. Долгополову разобрататься с предложениями Мацнева. А военный министр отправил записку Главнокомандующему Южной армией, военно-сухопутными и морскими силами в Крыму М.Д. Горчакову.

Ответ Горчакова, последовавший 15 июня 1855 года, был короток и выразителен: «...Имею честь уведомить, что, по моему мнению, употребление воздушных шаров в Севастополе, с одной стороны, весьма сложно, а с другой, ...подавало бы неприятелю мысль употребить тот же способ для рассмотрения Севастопольских позиций, что и предоставило бы неприятелю значительный перевес, сравнительно с выгодами, которые нам могло бы предоставить рекогносцирование неприятельских работ».

Итак, опасение, что противник сделает то же самое, заставило русское командование отказаться от предложений И.М. Мацнева.

Расстроенный штабс-ротмистр после получения отрицательного ответа на своём собственном шаре совершил всё-таки несколько полётов над вражескими позициями. Одну из таких его рекогносцировок описали в повести «Сын бомбардира» М. Лезинский и Б. Эскин:

«...Лёгкий шар тянул вверх, а небольшой бриз подгонял аппарат в сторону английских позиций. Мацнев взял подозрную трубу, привязанную к корзине, и стал рассматривать вражеские укрепления. Его заметили внизу и заметались в растерянности. Кое-кто попытался даже пальнуть в странный шар – аэронавт увидел дымки от выстрелов, направленных в небо. Он только улыбнулся про себя: «Это вы по недомыслию, мазурики! Не то ещё будет!»

О СЕБЕ

Сам по себе я не писатель, не учёный, не мудрец какой-нибудь и не сверхчеловек, а такой же, как и все, человек простой.

Первую половину своей жизни, до тридцати лет, я посвятил себя внешнему усвоению элементов культуры, или, как я теперь называю, чужого ума. Вторую половину, с того момента, как я взялся за перо, я вступил в борьбу с чужим умом с целью превратить его в личное достояние при условии быть самим собой.

Иду вперёд силой веры своей в лучшее, а путь рассчитываю сомнением.

У меня друзей не было, но зато к каждому я стремился как к другу.

Моя наука есть наука родственного внимания к своеобразию каждого существа.

Наклонился, поднял со дна корзины картечную гранату и бросил её вниз. На земле под аэростатом громыхнул взрыв и расплылось дымное облако.

– Ну как небесный подарок?! Съели!

Ребята, а что, если именно с того августовского дня берёт начало история бомбардировочной авиации?!»

Сумели ли защитники Севастополя воспользоваться разведывательной информацией Мацнева – мне неизвестно.

Первый банкрот воздушных трасс

Известный историк отечественной авиации А. Родных подчёркивал: «В русских документах пока нет сведений о применении русскими воздухоплавания в войну 1854–1855 гг. Но о них упоминается в английских источниках, сообщающих о пользовании нами аэростатов для наблюдения неприятеля из Севастополя».

Больше того, англичане приписывали успех защиты города именно аэростатам. Однако патриотическая самоотверженная деятельность Ивана Мацнева, пытавшегося организовать первую в истории России разведку позиций противника с воздуха, дорого ему обошлась.

В газете «Орловские губернские ведомости» от 4 декабря 1856 года нашёл я объявление о том, что Орловский уездный суд назначил на 23 января 1857 года продажу с торгов имущества, принадлежавшего коллежскому секретарю Ивану Михайловичу Мацневу:

«...место с состоящими на нём развалинами бывшего дома и разного строения, кирпичными стенами..., находящееся в Орле в 5-ом квартале, на 3-ей Курской улице под № 1242, за неплатежи Мацневым разным кредиторам по актам денег».

Оценено было имущество в 500 рублей серебром, и едва ли этих денег хватило на то, чтобы энтузиаст русского воздухоплавания смог полностью рассчитаться с долгами. Получается, что всё (и немалое) наследство, доставшееся Ивану Мацневу от отца-генерала, он пустил на ветер... Очень надеялся бывший штабс-ротмистр, что его труды не погибнут втуне, но русское военное начальство середины XIX века его проектов не оценило.

Цитаты М.М. Пришвина

Был мальчиком я слаб на волос и уже в четвёртом классе гимназии выросли у меня усы. С этими усами меня до того довели, что я чуть не избил учителя, когда он мне сказал: – «усы выросли, а задачу не можешь решить».

Я вообще не храбрый человек, но когда жизнь ставит в такие обстоятельства, что нужно вести себя храбро, то веду себя именно очень храбро. Наверное, я храбрый заяц.

Вы спрашиваете, почему я так много пишу о животных и так мало о человеке, я вам открою причину: сердца не хватает на человека.

Розанов – послесловие русской литературы, я – бесплатное приложение. И всё...

Всё больше и больше овладевает мною мысль о каком-то хорошем месте моём в будущем сознании людей...

Александр ТРУНИН

Родился в 1954 году в селе Кольцово Калужской области.

Окончил русское отделение филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Автор трёх книг стихов и многих публикаций в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Волга», «Дети Ра», «Зинзивер» и других.

Член Союза российских писателей.

Живёт в Калуге.

И становится жизнь милее

Холода подступают всё ближе.
Травы никнут, редеет листва.
Утром выйду и радуюсь: вижу –
жизнь прекрасна и очень проста.

Никому ничего не докажешь,
ветру – всё унесёт – говорю.
Я на завтрак овсяную кашу
приготовлю. И кофе сварю.

В ненаходимой точке глобуса,
но приблизительно вот тут
два человека ждут автобуса
и верят, что недаром ждут.

А глобус крутится да вертится,
ему до них и дела нет.
А им всё верится и верится
на этой – лучшей из планет.

От ночных кошмаров и новостей –
что одно и то же по сути дела –
ядовитый дым в голове густел,
закипала кровь и душа болела.

Но настало утро... В окно гляжусь,
узнаю – и становится жизнь милее:
объездной просёлочек, шипастый куст,
две берёзы ангельские белеют.

НАКАНУНЕ

Три недели до Нового года.
Что готовит нам двадцать второй?
Как мы выжили без куар-кода,
даже счастливы были порой?

Даже что-то мы пили, и пели,
и по миру мотались дуром.
Как такую мы жизнь одолели?
Что нам выпадет в двадцать втором?

А декабрь то прижмёт, то отпустит,
раззадорит, пошлёт на шарап.
Что нам в снежном мерещится хрусте,
в этих близких тяжёлых шагах?

Ясный месяц над соседним домом –
милая иллюзия. Весна.
Всё осталось в детстве невесомом,
тяжелы сегодня небеса.

Торжество материи злосчастной,
тайный вирус, вечная война.
Светит месяц, бледный, безучастный –
мёртвый камень с именем Луна.

Но однажды осенью безгласой
вдруг услышишь – напоёт сосед:
све-е-етит ме-е-есяц, све-е-етит ясный...
И увидишь негасимый свет.

Времени мало, вечности – хоть отбавляй.
Здесь оборвётся, там не умолкнет ввек,
что прозвучит сегодня – собачий лай,
мимо промчит машина, вздохнёт человек –

всё остаётся где-то, как-то живёт, звучит,
не исчезая – жизнь у всего своя.
Дай Бог ещё услышать молчанье свечи,
шёпот листвы, пение соловья.

Надо видеть совсем немного:
сад в окне, за садом дорога,
поле, рощица, и река –
чтобы знать, что живёшь пока.

А потом – над дорогой, садом,
полем, рощицей и рекой,
далеко и почти что рядом –
небо, облако, вечный покой.

За этот день, за этот город,
за этот небогатый дом,
за то, что ты уже не молод,
за неизвестное потом,

за бесконечное далёко,
за то, что рядом и внутри,
за каждое мгновенье ока
благодари, благодари.

Виталий МОЛЧАНОВ

Председатель Оренбургского регионального отделения «Союза российских писателей», директор областного Дома литераторов им С.Т. Аксакова, член Творческого совета АСПИ РФ.

Лауреат премии губернатора Оренбургской области «Оренбургская лира», Региональной премии им. П.И. Рычкова, премии им. С.Т. Аксакова, Международной Волошинской премии, Всероссийской премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка, Общероссийского конкурса им. Н.А. Некрасова, Международного тургеневского конкурса-фестиваля «Бежин луг», Фестиваля исторической поэзии «Словенское поле», Международного конкурса на соискание премии им. А.И. Куприна, Международного цветаевского конкурса...

Публиковался в «Литературной газете», в «Независимой газете (Экслибрис)», в журналах «Наш современник», «Зинзивер», «День и ночь», «Prosōdia», «Футурум АРТ» и других... Автор семи поэтических сборников.

ТРОСТНИК

Был рай для уток и ондатр.
В погожий день играла рыба,
За кистью следуя луча,
Рисующей на глади вод
Блестящей краской горний взгляд,
Шептало озеро: «Спасибо
За тишь, за жизнь». Тут палача
Принёс на грязных лапках крот.

Из семя крохотный побег
Пробился в мир. Тшедушный, ломкий
За ним другой... И корни зла
Сплелись, воды живой прося.
Шуршал тростник: «Теперь мой век».
Сужалась водяная кромка,
Напасть плодилась и росла –
Так рыба передохла вся.

Задул бродяга-суховей,
Исчезло даже мелководье.
«В степи ни уток, ни ондатр», –
Хвалился ковылю тростник,
Кичась упругостью стеблей, –
«Кругом одни мои угодыя,
Я выпил озеро, собрат,
Иссяк на дне его родник».

Питая малое большим,
Величье растворилось в куче
Ничтожных, тянущих к себе
Все соки жизни в алчность губ.
Над бывшим водоёмом дым,
Горит тростник – обычный случай.
Шагает пламя по тропе,
Зола и пепел – вширь и вглубь.

Съехал с трассы размяться маленько,
Полчаса отдохнуть от руля.
Как в бесснежье черна деревенька...
Словно в грязных лохмотьях поля.
Подзамёрзший ручей, хлипкий мостик,
С проводами растались столбы.
Любопытный облаял бесхвостик,
Изб семнадцать, дымят три трубы.

Мор ли, голод ли, дикие звери
Разорили, как тати в ночи?
Деревенька – забытые двери.
И заборы – растопка печи.
Дед верхом на каурой лошадке:
Видно, ездил за хлебом в село.
По соседству в невестах две бабки.
Есть скотина, всем бедам назло.
Приезжают детишки, внучишки:
«Уезжали бы к нам в города,
Где богаче и лучше житьишка,
Телевизор и в кране вода».
Только тщетно. Увозят картошку,
Творожок, и сальцо, и носки.
Две старушки в слезах у порожка,
Первача треснул дед от тоски.
Заросла не душа, а дорога.
Покосилась не совесть – стена.
Умирают деревни под боком –
Сиротеет родная страна.

Пусть сказочно сияют витражи,
Стекло витрин товар сулит любой.
Вновь чинит жизнь мои карандаши
Точилкой, называемой судьбой.

Вот красный... До чего ничтожно мал,
Побольше жёлтый, синего – на треть.
Мне жаль, что грифель точно не металл,
Его совсем не трудно истереть.

И белый рядом с чёрным занемою,
От розового нет совсем тепла.
Я их ронял на камень злых дорог,
Лишь серым заштриховывалась мгла.

Зелёного далёкая мечта
Об острове в тени шумящих пальм...
И две доски – коричневым – креста,
И тем же дверь, захлопнутая в даль.

Померкнет свет, погаснут витражи,
Стекло витрин затянёт пустотой.
Под скрип точилки, только для души,
Вдруг небо нарисует голубой.

Иссяк на дне его родник

Михаил КОНЬШИН

Автор этих сказочных историй живёт в Орле. Член Союза российских писателей. Детская тема, сказки и фантастические произведения для юных читателей являются основными в творчестве Михаила Коньшина, который ряд своих книг подписал литературным псевдонимом Михаил Орса. В 2018 году на международном литературном фестивале «ЛИФТ-2018» в городе Сочи представленные произведения автора были удостоены серебряной медали. Член творческой бригады Всероссийского проекта «Вечный огонь» к 80-летию Великой Победы. Член жюри литературных конкурсов «Вернись на родину, душа», «Жемчужное ожерелье» и других.

СЕМЬ ЛЕПЕСТКОВ РОМАШКИ

Шестилетняя Соня никак не хотела готовиться к школе.

– Зачем мне учиться, – говорила она. – Я и без того всё знаю.

– И что же, интересно, ты знаешь? – спрашивала её мама.

– Много-много такого всякого, – отвечала Соня. – Знаю, что у меня на руке пять пальцев. А у собаки четырёх ноги. А больше-то зачем знать.

– Вот оно что! – удивлялась Сонина мама и откладывала разговор до следующего раза. А Сонин папа ничего не говорил. Он только улыбался и молчал, слушая их разговор.

Ещё у Сони была бабушка и маленький братик Митя. Однажды, когда родители были на работе, у Мити неожиданно поднялась температура.

«Надо бы вызвать врача, – подумала бабушка, которая оставалась с детьми. – Но температура невысока, попробуем сами справиться».

Бабушка попросила Соню сходить на поляну у ближнего леса и нарвать семь лепестков белой ромашки.

– Мы заварим из лепестков душистый чай, – говорила бабушка. – Митя выпьет его и станет здоровым.

Соня не могла отказать бабушке, и ей было жалко Митю.

– Хорошо, бабушка, я это быстро сделаю, – согласилась она. – Митя даже не успеет проснуться.

Пришла Соня на поляну, где росло много цветов. Сорвала одну ромашку и удивляется:

– А как же мне найти эти семь лепестков? Здесь их так много.

Серая мышка, которая вылезла из своей норки, улыбаясь такое, даже обрадовалась.

– Я помогу тебе, девочка, сорвать семь лепестков. А ты помоги мне. У меня в домике восемь малюток, мышаток моих. Они очень слабые, им нужны витамины. Я пока не могу их оставить. Зайди в лес, набери восемь ягод, каждому мышонку по одной. Ягоды прибавят им сил.

Делать нечего, пошла Соня в лес. А ягод в лесу видимо-невидимо. Как тут собрать эти восемь. Посмотрела по сторонам, заметила на ветке, у дупла, рыжую белочку и говорит:

– Ты не сможешь мне, белочка, собрать восемь ягод

для мышат? А мышка мне за это семь лепестков ромашковых нарвёт. Для Мити, братика моего.

– Я обязательно помогу тебе, девочка, собрать восемь ягод, – ответила рыжая белка. – Только и ты мне должна помочь. У меня трое бельчат с утра ничего не ели. Нам бы девять орешков раздобыть, по три на каждого бельчонка. Мы бы с ними целых три дня были сыты.

– Но у меня нет орешков, – расстроилась Соня. – Где же я их возьму?!

– Ничего, я тебе подскажу. Иди прямо, отсчитай девять сосен, под ними шишек с орехами нет. А вот под десятой сосной ещё много шишек осталось. Ты набери девять орешков и принеси мне. А я потом помогу тебе собрать восемь ягод.

Что делать Соне. Она согласилась. Стала считать сосны, посчитала до пяти, а дальше не знает. Стоит, чуть не плачет. Увидела на стволе дерева длинноклювого дятла. Он только что собрался пообедать. И просит его:

– Помоги мне, пожалуйста, посчитать девять сосен и найти десятую. Под ней шишки с орешками. Я должна набрать девять орешков и принести их белочке для её бельчат. Они с утра ничего не ели. За это белка поможет мне набрать восемь ягод, и я отнесу их мышке. А мышка потом сорвёт семь лепестков ромашки для Мити, братика моего, чтобы он выпил чаю из ромашковых лепестков и выздоровел.

Дятел был добрый и сразу согласился помочь.

– О, это пустяки, – заявил он. – Ты сколько сосен насчитала, когда шла в мою сторону? Всего пять? Ну, тогда пойдём дальше.

– А ты тоже меня о чём-то попросишь? – спросила Соня.

– Обязательно попрошу, – ответил длинноклювый дятел. – Ты рядом иди, слушай меня да хорошенько запоминай.

Сядет дятел на сосновое дерево, стукнет по нему своим крепким клювом и говорит:

– Это будет шесть. Запомнила?

– Запомнила! – отвечает Соня.

Перелетел дятел на другую сосну. И опять стучит своим клювом.

– Это семь, – подсказывает он.

– Я запомнила: семь, – повторяет Соня.

Так они прошли восемь, девять и дошли, наконец, до

десятой сосны, под которой валялось много ореховых шишек.

– Ой, а как же я отсчитаю девять орешков? – испугалась Соня.

– Да так же, как мы считали сосны, – подсказал добрый дятел.

Соня попробовала, и у неё получилось. Отсчитала она девять орешков, поблагодарила дятла и понесла орешки белочке.

– Спасибо тебе, девочка, – сказала ей рыжая белка. – Теперь и я помогу тебе набрать восемь ягод для мышки.

– Ну что ты, не нужно, теперь я сама, – ответила Соня.

Набрала она скоренько восемь ягод и поспешила на поляну, где жила серая мышь.

– Очень вовремя ты принесла эти ягоды, – обрадо-

валась мышка. – Пойдём, я с удовольствием помогу тебе сорвать семь лепестков ромашки.

– Ну что ты. Теперь я справлюсь сама, – сказала Соня.

Сорвала она белую ромашку, отсчитала семь лепестков, собрала их в ладонь и побежала домой.

– Ты так долго рвала свои семь лепестков, что мы уже вызвали врача, и он дал Мите лекарство, – сказала бабушка.

А Соня не решилась рассказать бабушке, почему задержалась. Она просто обняла её и тихо прошептала на ушко:

– Бабушка, теперь я всё поняла. Я обязательно пойду в школу и буду прилежно учиться. Иначе как я смогу сосчитать ягоды, орешки и деревья на лесной опушке?!

– Вот и умница, – похвалила бабушка Соню. – Быть неучами детям никак нельзя. Они же когда-нибудь станут взрослыми, а взрослые просто обязаны знать много-много всего, чтобы правильно построить свою жизнь.

Белая кофточка

Четырёхлетняя Варя в светлой кофточке беззаботно бегаёт по двору. Туда побежит, сюда, обратно вернётся. Спряталась за ствол высокого дерева и громко зовёт:

– Мама, что ли ты не видишь меня? Смотри, где я сейчас, и ты меня совсем не найдёшь.

Мама сидит на скамейке, уткнувшись в телефон.

– Вижу, вижу тебя по белой кофточке. Она даже за деревом заметна.

Варя покидает своё укрытие, играет на детской площадке и даже катается с пластмассовой горки. Потом возвращается ближе к маме и забирается на свободную скамейку

– Смотри, как я сразу выросла! – торжественно восклицает она. – Стала совсем уже высокая – такая, как ты. Признавайся, мама, так или нет?

– Конечно так, – соглашается мама. – Только ты, пожалуйста, будь аккуратней, кофточку не испачкай. Я только что её постирала.

Проходит немного времени, Вариного голоса не слышно, она тихо подходит к маме и показывает рукав.

– Видишь, он почему-то стал грязный, – виновато произносит она.

– И почему же? – мама отрывается от своего телефона.

– Наверно, его кто-нибудь испачкал.

– И кто же, по-твоему? – спрашивает мама.

– Я на этот раз не заметила, – пожимает плечами Варя. – Совсем, как вчера, заигралась и прозевала.

– Но разве не ты сама виновата?

– Нет, что ты! Кто-нибудь потихоньку подкрался и нарочно погрязнил рукав. Так бывает.

– Вот оно что?! Так бывает! – удивляется мама. – Погрязнил... Значит, ты не видишь, кто пачкает твою одежду? И даже не догадываешься?

– Ничего не поделаешь, – картинно вздыхает Варя.

– Отчего же, я знаю, что надо делать, – мама поднимается со скамейки. – Сейчас мы вернёмся домой, нальём в тазик холодной воды, добавим порошок – и ты сама постираешь кофточку.

– Как, мама?! – в глазах Вари удивление и страх. – У нас же есть стиральная машинка. Мы её включим, и она быстро всё постирает сама.

– Верно, моя милая, – соглашается мама. – Машинка у нас есть. Но включать её из-за одной твоей кофточки мы не станем. Придётся тебе постирать испачканную одежду самой. Своими руками.

– Мамочка, но как же так?! Я же не умею руками! – умоляюще смотрит Варя. – Я никогда так не делала.

– Ничего, я тебя научу.

Мама налила в чашку воды, добавила в воду жидкого детского мыла, размешала до появления пены.

– Теперь опускай сюда свою кофточку и стирай. Три это место своими ладонями, чтобы грязь исчезла. Вот такими движениями.

Варя нехотя стала делать так, как показала мама. Через какое-то время застирывать грязное пятно ей даже понравилось.

– Мама, а можно я постираю ещё куклино платье? – спросила она.

– Можно, если оно успело испачкаться.

– Успело, а как же ещё? Я же брала её на улицу и оставляла одну на лавочке, а там летает всякая пыль и всё пачкает.

– Ну хорошо, если ты так считаешь, постирай и куклино платье.

Варю так увлекло её новое занятие, что она никак не хотела его заканчивать, пока мама об этом не попросила.

– Видишь, как здорово у тебя получается, – похвалила она свою дочку. – Ты стала настоящей прачкой.

– А прачка, она тоже любит пачкать одежду? – спросила Варя.

– Вовсе нет. Прачке приходится отстирывать то, что пачкают другие.

– Тогда я тоже теперь буду прачкой. А когда опять испачкаю кофточку, то сама её постираю.

– Я рада, что ты поняла и усвоила этот урок. Но лучше всё-таки быть аккуратней. Тогда и стирать не придётся, – улыбнулась мама.

Анастасия АГОШКОВА

*Живёт и работает в Орле. Член Союза российских писателей.
Дипломант Первого Международного литературного Тургеневского конкурса «Бежин луг» (2018).
Лауреат фестиваля авторской песни Орловской области (2015) в номинации «Поэзия».
Дипломант конкурса «Отечества священная палитра».
Гран-при конкурса «Зимний Мини Поэт Фест» (г. Орёл).
Автор трёх поэтических книг.
Куратор Всероссийского просветительского проекта «Вернись на родину, душа!», посвящённого 150-летию И.А. Бунина (2020)*

Любовь наматывает стометровки

А я подстриглась ещё короче.
Считаю ночи, и эти ночи
проходят, в общем-то, без тебя.
Засну – и снятся снега и холод,
проснусь – и вот они. Это повод
не сухожилия – связки рвать,
пока не выкричишь это стужу.
Не будет хуже (куда уж хуже):
меня накроет больной январь
температурой, горячкой, бредом.
Никто из нас никого не предал,
и потому ничего не жаль.
Год на изломе, и это значит,
что мой нестроенный внутрь датчик
опять сдаётся и барахлит:
не замечает/не замечаем,
о чём мы вовремя промолчали,
каким количеством панихид
мы отстояли своё пространство...
Хороший мой, так живи и здравствуй,
вставай лицом к неживой зиме.
Тяжёлый год нам обоим послан,
но год, который приходит после,
всегда приходит ему взамен.

Была бы неподвижна, как скала,
и птицы прилетали б зимовать
и петь к моим безжизненным вершинам.
И, подтверждая статики закон,
стояла б твёрдо тысячи веков,
ни ветром, ни дождём несокрушима.
Мне б океан подножья омывал,
как множеству других подобных скал,
но что с того, что я – одна из многих?
Вода точила б камень до поры,
и, соблюдая правила игры,
я поддавалась бы её стараниям долгим.
Была б скалой – и все бы корабли
меня бы обходили, издали
увидев. Крест чертили бы на картах.
Никто бы не кричал «Земля! Земля!»
Лишь чайки бы садились на меня,
отчаявшись лететь ещё куда-то.
Была б скалой – вращала бы в ладонь
земли, уставшей от смертей и войн,
макушкой упиралась бы в рассветы,

рассказывала б сказки облакам,
вдали горящим светом маякам,
зимой, как все, мечтала бы о лете,
укутанная в холода и снег...
Была б скалой – не думала б о тех,
кого оставила и кто меня оставил.
Смотри: скала растёт из года в год,
над нею облака, как полотно,
как будто кто-то их рукой своей расправил.

Любовь наматывает стометровки,
чтобы опять начинать сначала.
Вот здесь, на трёх, я была неловкой,
вот здесь не вовремя промолчала.
На десяти я, как поезд, мчалась,
стоявший сутки на перегоне.
И здесь каких только не случилось
историй в шатком моём вагоне.
Отметка в тридцать (а мне – пятнадцать,
на каждом метре сдавали нервы).
Отметка в сорок, и, может статься,
я добегу наконец-то первой.
По правде, я добегу конечно,
ведь за спиной никого из прочих.
И на пятидесяти наконец-то
думаешь, как это всё закончить.
Думаешь, ну вот ещё полтинник,
тешишь себя – потерпи, подруга.
Но за чертой ведь совсем не финиш –
радость моя, ты бежишь по кругу.
Вот стадион, ограждённый колкой
провоолокой. Беговая длится...
Господи, в следующей стометровке
отмерь мне силы остановиться.

Возвратиться, смежить веки
и припасть спиной к стене.
Я устала – человеком
(впрочем, даже если – не).
Март в висок ударит точно,
разменяет каждый день
звонкой мелочью проточных
вод, и думать будет лень,
что устала – человеком
обгонять свою же тень.
Возвратиться, смежить веки...
Завтра будет новый день.

Елена ПИМКИНА

Елена Пимкина (МАР) – поэт, художник, член Союза журналистов России. Её стихи и рассказы опубликованы в газетах «Орловский вестник», «Орловская правда», «Орловский меридиан», «Поколение», «Орловский комсомолец». А также в журнале «Новый Орёл», в альманахе «Русское поле».

Автор является лауреатом Всероссийской премии Союза журналистов России «За профессиональное мастерство» (г. Москва).

Автор трёх поэтических книг. Член Союза российских писателей. Живёт в Орле.

САШЕНЬКА

Всё в этих голубых глазах смешалось:
Оттенки и зелёного, и золотого,
И каряя печаль, и цвет лазури с крыш,
В которые те краски окунулись.
Мы проходили мимо, оглянулись:
И обомлели враз – там столько солнца было,
И всплесков гроз, и дерзкий изумруд воды,
И облако великой тенью плыло...
Да, Пушкин, это точно ты!
Ни с кем другим тот океан цветов не спутать.
Ах, Сашенька, нежнейший друг планет
И мирозданий новоявленный потомок,
В тебе одном сполна живут закат, рассвет,
И каждому доступен этот свет,
И всякого выводит из потёмок.
Как отражением душа в глазах твоих
Притягивает миллионы огоньков других,
И фейерверками они так согревают крыши
Унылых и больших домов, где даже шорох слышен,
Но всякий звук живой глубоко спит,
Нисколько не касаясь тем любви и мира.
Давно над современной музою парит
Действительность убогой лиры.
Ах, Сашенька, упрячь её в гранит.
Так, верно, лучше будет просвещать толпу...
И спой открыто где-то на ветру.
Быть может, кто-то тоже не смолчит,
Прорвав печальной суеты кольцо немое.
Да не судимы, но судьёю
Народ объявится среди потока строф
Во избежанье новых катастроф
Восстанет гордо над своей страной.

ЦИФРОВОЙ НЕФОРМАТ

Космос увлечёт в немые царства,
И в недоуменьи вздрогнет суша.
Океанов водные пространства
Нежной гладью успокоят души.
Мир изменит прежнее обличье,
И несчастья в кармы не вплетутся.
В данность личного и обезличенного
Войны мировые не ворвутся.
Нас утешат цифровые антуражи,
Сотканые неземными буквами.
Только нам запомнятся пейзажи,
Натюрморты с золотыми фруктами.
И в дождях осенних запахи аллей,

И полей цветочные окраины,
Снег в руках хранящий Водолей
И Телец, апрелем в сердце раненный.
Наш земной малоформатный путь,
И весельем, и печальми отмеченный,
И России вековая грусть,
Богом данная и вечная.

СКВОЗЬ ШТОРЫ

Стихотворением разрезать небосвод
И выплеснуть эмоции наружу,
И знать, что ты кому-то нужен,
Небесный, личностный мой код...
Как упоительно жить
В окруженье праздных тем,
И уставать от их красивой кармы,
И быть счастливой только тем,
Что дремлют там и львы, и минотавры,
И волшебства под мантией времён
Угадывать черты сквозь шторы,
И видеть, как уносят вдаль паром
Династий вековые штормы.

УЧИТЕЛЮ

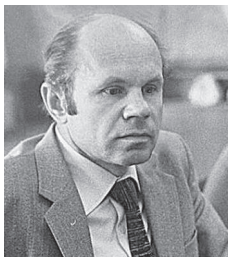
Я посягаю на твою любовь
И постигаю совершенство лиры,
Но только вот ютятся вновь и вновь
Грачиных гнёзд замшелые кумиры.
Они повсюду: в окна бьют крылами,
Без спроса залезают в души
И бряцают стальными голосами,
Опилками закладывая уши.
А я иду по жизни как герой,
Но время не щадит моих походов.
И только взгляд над горизонтом твой
Даёт мне силы над смурной погодой.
...А тальник бережно спускается к воде,
Испив всю мудрость малыми глотками.
И я бегу по берегу к тебе,
Своей сакральности развесив ткани.
Зелёный светлый кобальт с голубым
Там нежатся на травах одичалых.
Под именем твоим фантомный дым
Отвязывает лодки от причалов.
Сажусь в одну из них, за вёсла – и плыву
Непостижимо сказочными далями,
В которых я во сне и наяву
Живу глазами Пастернака карими...

Космос увлечёт в немые царства

ОРЛОВСКИЙ ПСКОВИЧ

Писатель Александр Александрович Бологов и поэтесса Татьяна Гореликова в 2009 году провели литературный вечер в библиотеке им. Семевского в Великих Луках. Андрей Канавщиков ещё до встречи мне говорил, твёрдо глядя из-под очков: «Эти советские писатели очень крепкие, ты не смотри, что сейчас о них молчат, а на слуху все эти либеральные имена. У советских кругозор шире, они понимают и то, и другое».

А.А. Бологов

Советские писатели представлялись мне исключительно соцреалистами, пишущими по заказу партии – то есть неинтересно и малохудожественно. Это мнение, я считаю, в общем-то, навязывалось в медиа-пространстве с большим успехом, концентрируя внимание на недостатках и замалчивая достоинства. Различные «новые реалисты» в современной литературе пишут, по-моему, ещё более неинтересно и часто вовсе не художественно, превращая прозу в пародию на журналистскую статью, или очерк. Об этом мы нередко говорили и сошлись во мнении, что качество литературы не растёт, а, напротив, падает и этим отталкивает читателя.

В том же 2009 году зародился и наш совместный литературный проект – альманах «Из варяг в греки», в котором организаторами мы выступили втроём: поэт и прозаик Александр Юринов; поэт, журналист и публицист, председатель творческой группы «Рубеж» Андрей Канавщиков и я. Мы подыскивали название, именно Андрей Канавщиков сказал: «Из варяг в греки» – и возразить было нечего! В дальнейшем, с третьего выпуска, он делал этот альманах самостоятельно. Я в это время учился в Литинституте, на семинаре поэзии Владимира Ивановича Фирсова. Литературная жизнь у нас кипела, и альманах был в самой гуще этого движения; приезд Бологова был очень важен в русле разговоров и размышлений, а порой и споров о современной литературе. В институте преподавали «современку», в какой-то мере навязывая нам авторитет тех авторов, с чьим главенством не только мне нелегко было согласиться. Например, Саша Соколов, Венедикт Ерофеев или поэты «Московского Времени». Их ставили во главе течений как фигуры, признавая «законодателями мод», лидерами и ориентирами. При всём уважении к этим авторам подобная политика «Современной истории литературы» мне представлялась неверной и ошибочной. Таковой представляется и сейчас.

На удивление, незадолго до встречи, мне на работе случайно попала в руки книга Бологова, и я её читал в перерывах. Более полное, осмысленное прочтение состоялось позже. Простые люди были героями повестей и рассказов, часто женщины разных профессий, но, конечно, узнаваемо советские. События повествования разворачивались в обычной жизни. Никаких признаков давления цензуры я там не обнаружил. Чтение оставило у меня очень хорошее впечатление: мне представились люди со своими мыслями и чаяниями, и осталось чувство правдивости и точности изображения временного пласта жизни.

Бологову в то время было семьдесят семь, но это я узнал гораздо позже, мне казалось, ему где-то около шестидесяти. Ясный, открытый взгляд, острый интересный разговор, который он не только мог поддерживать, но часто сам заводил его, легко ориентируясь в любой теме. Бологов в разговоре совсем не использовал ненормативную лексику и, когда зашла речь об этом, рассказал притчу о казаках на войне. Пуля не брала казака, пока он не начинал ругаться.

Сквозной темой была литература, я сказал что-то по поводу того, что писателей полный интернет, что это лёгкий труд: инструментов всего – ручка да бумага, здоровье крепкое особо и не нужно, достаточно умной головы, базисной образованности и усидчивости.

– Я за интернет! – возразил Бологов. – Это очень хорошо, что каждый легко может опубликоваться, для развития литературы и просто для пишущего человека это большой плюс! Якобы лёгкий труд? Совсем нет, трудностей достаточно и нужна хорошая физическая подготовка, иначе как сердце выдержит, пропуская через себя множество других жизней? Надо всё прочувствовать, побыть на месте героев хоть недолгое время!

Узнав, что я учусь в Литинституте, Бологов спросил меня о Сергее Николаевиче Есине и рассказал о встречах с ним: как я понял, они были хорошо знакомы. Когда я сказал, что в семинаре поэзии у Владимира Фирсова, Бологов как-то более внимательно на меня посмотрел, так как Фирсов был довольно известный советский поэт, автор стихов песни к телефильму «Вечный Зов». Ярким примером может служить и «Звёздная Песня Неба» – победитель конкурса «Песня года-77».

Бологов оставлял впечатление человека энергичного, неутомимого и быстрого, каким и был, включая его обширные интересы и знакомства, общественную жизнь: на это требовалось немало сил. Он рассказывал о своей военно-морской службе. Рига, Ленинград, Мурманск, Псков, военное детство в Орле. Занятия боксом и работа учителем в школе. В боксе Александр Александрович выиграл молодёжное первенство Ленинградской области и юношеское первенство «Водник», уступив в финале первенства Ленинграда до 63,5 кг мастеру спорта.

Его становление как писателя именно в Пскове и состоялось, а первая значительная, судьбоносная публикация была в журнале «Юность» в Москве. Он увлекательно рассказывал, как с осторожностью ехал в Псков с гонораром в несколько зарплат, который в итоге потратил на картины. Жизненные и писательские истории тесно переплелись в его рассказах.

После мне доводилось видеться с Бологовым на литературных вечерах в Пскове, Бологов отличался ровной осанкой и открытым взглядом, как человек другой эпохи, принявший теперешнее время с любопытством, а не отрицанием. Всегда был хорошо одет, казался в постоянном движении, даже в спокойной обстановке. Он словно находился в поиске ростка, которому надо по-

мочь или хотя бы заметить, ростка какой-то мысли или идеи.

Осенью 2010 года в Пскове состоялся вечер великолуцких поэтов с участием Бологова. Андрей Канавщикова пригласил меня как участника группы «Рубеж». Выступали также Татьяна Лапка и Александр Рябихин. Энергичный журналист задавал провокационные вопросы Канавщикова. Бологов не ожидал такой атаки: помню его, переводящего взгляд с Андрея на человека, задающего вопросы, и выступление в попытке взять ситуацию под контроль, что в итоге всё же удалось. Бологов решительно выступил в защиту Канавщикова и сказал, что творчество Андрея очень ценит и считает его одним из лучших современных литераторов не только Псковской области, но и всей России.

После этого вечера Бологов пригласил нас к себе домой. Его жена приветливо нас встретила, мы читали свои стихи, пели под гитару, и оказалось, что Бологов знает и ценит русский рок.

– Я вообще-то тоже начинал со стихов, – сказал Алек-

сандр Александрович и прочитал нам кое-что из своего.

Когда следующей осенью Бологов пригласил меня на историческую конференцию по вопросам памятников, я с радостью согласился и счёл это за честь. Но так вышло, что в тот день начался рабочий аврал, когда сроки поджимают и не знаешь, за что браться. Но я всё же вырвался, пришёл и, когда мы встретились возле главной областной библиотеки, сказал ему, что сейчас очень много работы и находится на собрании, где обсуждается то, в чём я мало понимаю, наверно, не имеет смысла. Он улыбнулся, пристально посмотрел на меня, и мы простились, договорившись поддерживать связь. Я пошёл на автобусную остановку, чтобы ехать в Любятново, а Бологов вошёл в здание библиотеки. Тогда я не знал, что мы виделись в последний раз. Было начало осени одиннадцатого года, стояла серая, но ещё тёплая погода.

Александр САПРУНОВ,
поэт, выпускник Литературного института
им. А.М. Горького (семинар поэзии Владимира Фирсова,
затем Андрея Василевского)

БОЛОГОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1932–2019)

Из автобиографии (март 2006 г.):

«Самое раннее, что я помню, – мы с мамой идём по полотну железной дороги из кондукторского резерва, где она работала проводником... Шпалы друг от друга на расстоянии маминого шага, а мне – либо скакать с одной на другую, либо после каждой оступаться в гравий... Это трудно, – я часто спотыкаюсь и умоляю маму взять меня на руки. Она останавливается, вытирает глаза и повторяет: «Ну, сыночек, иди сам, иди... Ты же видишь, у меня сумка тяжёлая...» А я хнычу, бегу ей, пошедшей дальше, вслед и опять спотыкаюсь...

Сколько же мне было лет? Три? Четыре?

Мы жили на окраине города в бывшем Свято-Введенском монастыре – с крупным храмом и часовнями по углам обнесённой высокой кирпичной стеной территории, густо застроенной деревянными домами – в них были кельи монахинь. Хорошо помню в доме (в нашей половине, во второй жила другая семья) сухой чистый погреб с лазом из кухни, средних размеров русскую печь и хрусткую гречишную засыпку потолка на чердаке. Среди обитателей Рабочего Городка (так был назван монастырь при Советах) ходила байка о кладах, спрятанных монахинями либо в погребах, либо на чердаках, и не в одной прежней келье, – они были тщательно обследованы каждым новым поколением...

Помню себя семилетним. В доме необычное волнение: убирают большую комнату, моют полы. В отгородке-спальне родителей – к потолку подвешивают люльку... Потом привозят бледную маму из роддома с моим братом – Владимиром. Это 1939 год, август.

А совсем незабываемое – с войны, вернее – с оккупации. Помнится очень многое и чётко, не искажаясь временем... Многие

из того, что пережил в 9-11 лет, станет позже материалом для моих повестей.

Именно тогда я увидел героев моих повестей среди тех, кто жил со мною рядом – это были женщины: мужики воевали за них на фронте, часть отступила с нашими.

Да, в войну Рабочий Городок почти весь выгорел – наши самолёты бомбили зарывшиеся здесь моторами в землю немецкие машины и танки, копившие силы перед смертельной для многих из них Прохоровской битвы на Орловско-Курской дуге летом 1943 года.

В нашем доме жили трое немцев: один со светлым кубиком на погонах с окантовкой, второй – с окантовкой, но без кубика, и – денщик первого, солдат. Он носил с кухни обеды в котелках, даже пёк в нашей печи пироги, по «их» праздникам. Нас, стеснившись в «тёмной», без окна, комнате и кухне, вроде никак не притесняли, – как бы не замечали. Тут я их видел близко. Каждое утро – чистка сапог, зубов, негромкая речь. Со временем я кое-что стал в ней понимать...

Многие события далёких лет оккупации память хранит очень верно, как недавнее, чуть ли не вчерашнее. Каких же усилий потребовала жизнь от моей матери, сохранившей в войну всех нас – пятерых своих детей (младшей сестре к началу войны было полгода)... Все более или менее ценные вещи были обменены в деревнях на картошку, зерно (мололи сами на соседской ручной мельнице-самоделке): швейная машинка, стандартные настенные часы, бельё, подушки, венчалная икона мамы, посуда... Что ещё могло быть «ценным»? Помню деревню, куда ходили с мамой «менять», Пугимец – кажется, от Орла в 25 километрах. Но война кончи-

лась. В начале августа 43-го наши войска освободили Орёл. При появлении «своих» солдат народ смутился: погоны на плечах?! Может это союзники... Как их там называют? В листовках, которые летели с наших самолётов по ночам, обещали их помощь...

...В комнате моей висят фотографии. На одной из них мы, дети, окружили маму, – она спокойна, счастлива: сохранила, дождалась... Рядом фотографии: деда, маминного отца, – ему 85 лет, он действительно «землю пахал» в деревне под Мценском Орловской губернии; и мама с отцом в первый год замужества. Старость и молодость. Не оторвать взгляда от них: нет в наших глазах того покоя и веры, что светятся в их, нет...

Смотрю на них с большого расстояния жизни – вроде бы теперь вот могу рассказать о них, об их времени, а может быть и о душе. Так должна, по-моему, говорить о жизни и литературе: горячее, животрепещущее – не её поле. Большое видится на расстоянии...

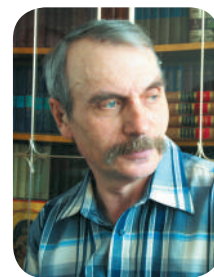
...Так кто же я, пишущий повести и рассказы, – орловский (там у меня могила матери) или псковский (где у меня могила сына)? Я – русский, а родина моя – Орёл... Там у меня живут два брата и две сестры. Старшие – брат в 13, сестра в 15 лет – в войну были угнаны в Германию...

...Сердце подаёт сигналы, наподобие летописного: «Да ведают потомки православных Родной земли минувшую судьбу». Думаю, это и есть доля литератора. Вообще считаю, что писатель должен смотреть на предмет изображения с неблизкой точки, отойдя на расстояние. Литература – дело не злободневное, а «воскрешающее» прошлое, пусть и недалёкое, но ушедшее. Воскрешение – для памяти, опыта, для понимания».

Публикуется по материалам сайта <https://bibliopskov.ru/html2/bologov1.htm>

Владимир САМАРИН

Родился 10 сентября 1946 года в городе Орле. С четырёх лет остался сиротой и воспитывался в детских домах Орловской области. В 1958 году был принят в Воронежскую школу музыкантских воспитанников. В 1984 году в издательстве «Молодая гвардия» увидела свет первая книга прозы «Медные трубы». За заслуги в журналистике в 1987 году награждён орденом «Знак Почёта» и значком «Отличник печати». В мае 1989 года был избран народным депутатом СССР. В 2005 году издал книгу «Страсти по Тихому Дону», и в том же году принят в Союз российских писателей. Долгое время состоял членом Большого жюри Союза журналистов России.

Нокаут

(Отрывок из повести)

На тележке прикатили в палату, сгрузили в постель. Няня-бабуся успокоила:

– Не бойсь, тебе больно не изделають. Гляди, не вставай: утка унизу грядущки, тама и судно.

Саша Лузгин получил первый в жизни нокаут, и что обидно – не от чемпиона городской олимпиады школьников, а от собрата-музвоспитона.

Палата была просторна, свежа и тиха, лишь капала из-под крана вода и кто-то с присвистом вдыхал-выдыхал.

Когда персонал удалился, тишина ожила: все завозились, пришли в движение.

– Тебя как зовут, юноша? – обратился к новенькому мужчина с уставшими трудовыми плечами и столь же трудовым лицом. – Меня кличут Петром Алексеевичем.

– Как вам понравится: Саня, Шурик или просто – мурзик.

– Это фамилие такое? – заинтересовался дышавший со свистом старичок. Он занимался сейчас очисткой подоконника от чашек-ложек и остатков еды. Готовился к обходу.

Саша ответить не успел: широко, с визгом распахнулись створки двери – ввезли пополнение. Выглядел молодой человек истым красавцем-богатырём, от мощи его тела жалко визжали ролики-колёсики тележки.

Перекаладывали в постель четыре медсестры – аккуратно, бережно. Однако он не прекращал стонать и даже взывал по-волчьи.

Наблюдавший всё это щедро упитанный человек в белой докторской шапочке внушительно крикнул, когда больной закричал сквозь скрежет зубовой:

– Палачи! Кр-р-рово-сосы!..

– По своим местам! – скомандовал доктор. Все ушли, а он присел на краешек кровати стонущего богатыря. Тот неожиданно затих и сделал долгий выдох.

– Сейчас стало легче? – доктор приблизил свои глаза в огромных очках чуть не к носу больного. – Выклянчил местный наркоз, а терпеть не научился...

– Я-а от скальпеля не стона-ал, только когда вы стали тянуть из ме-ня-а ну-тро-о.

– Ладно, успокойся: начинаем сегодня первый этап эксперимента. На себе испробуешь свою же новинку – заживление разреза без швов. Твоя дипломная. Для натяга я положил на подвеску восемь камешков-голышей. Будет больно – не упрасивай сбавить вес. Попрошу молодого человека, – доктор обернулся к Саше, – подавать

тебе, что попросишь. И ещё: захочешь постонать – делай это тихо и без этого самого, без сквернословия.

Подойдя к старичку, доктор ощупал его живот и заключил:

– Отдохните ещё недельку.

Саша подвинулся к стене, чтобы доктор смог удобно разместиться и на его постели.

– Как чувствуешь себя, мурзик? Можно так обращаться?

– Конечно. А кто ж мы ещё...

– У меня тоже кличка есть. Для студентов в добром настроении я – Радушка, а за выставленные им неуды зовут... в рифму.

Всё это доктор говорил, делая пасы слуховой трубочкой перед глазами Саши, потом выстукал молоточком колени, и спросил:

– Кто же тебя так неприлично угостил?

Саша подумал и соврал:

– Да один на танцплощадке у Дома офицеров. Свинчаткой, наверное.

Книгочей обхода не замечал: безотрывно постигал «Метаморфозы» Апулея.

Радушкевич извлёк из кармана халата блокнот, внимательно пролистал страницы.

– Бро-ни-сла-а-ав Део-ми-до-вич, уважаемый, как сегодня с ночными видениями?

– Опять лагерь... Убегать собирались...

– Это уже приятнее – предошущение свободы, полёта души...

– Точно так. Но оказалось тяжеловато, как в песне поётся:

Пятьсот километров тайга,

и нет никаких там сиреней.

Машины не ходят туда,

Бегут, спотыкаясь, олени.

– На уколы! – ворвалась в палату медсестра. Заметив Радушкевича, смело добавила:

– А вы, Викентий Андреевич, можете покурить.

Палата закрихтела, закашлялась смехом.

– Весьма признателен, спешу на воздух! – стремительно отреагировал доктор и вышел за медсестрой.

– Во какая она! – восхитился Бронислав Деомидович.

– С врачами держит дисциплину, как на Кольме.

– И красивая... – добавил студент Слава быстро поздоровевшим голосом. Но когда старичок и книгочей отправились на процедуры, в наступившей тишине возобновились его стоны:

– О-о-у-у-ы-ы!..

Дабы прервать эту слезливую песнь, Саша покашлял и предложил:

– Может, вам подать воды? Могу за обезболивающим сходить.

– Во-о-ду ты са-ам пей. Лучше ка-а-ме-е-шек убери-и.

– Так врач сказал...

– А я пе-ре-ска-за-а-ал: не у него бо-о-лит, а у ме-ня-а...

Саша скользнул на пол и на четвереньках пролез под кровать студента.

Округлая жестяная тарелочка свисала на пеньковом шнуре с нижнего перекрестья кровати грядущки. Шнур соединял отвес с операционным разрезом. На тарелочке покоились восемь камешков-галечек. Саша ощутил тяжесть ответственности за них и всё оставил на месте. При этом вежливо спросил:

– Теперь вам легче?

– Чуть чу-уть, – тихо протянул студент. – Мо-о-жет ещё-о один сня-а-ать?

– Нужно постепенно! – твёрдо заявил Саша. – Вечером облегчу ещё.

Завтрак Славе привезли на тележке-подносе. Саше нянечка пояснила:

– Ты стоишь на удовольствии с ебеду!

– Оставить без завтрака паца-а-на-а?! – возмутился Слава. – Откатите это мурзику – мне из дома принесут.

Овсянку Саша слопал за полминуты, а булочку с маслом предложил санитарке. Она поблагодарила и улыбнулась беззубым ртом:

– А цем кусать?

Бутерброд вручила книгочею:

– Ты, небось, умнога годов маслица не едал...

Шум в коридоре встревожил: старушка-санитарка поспешила исчезнуть вместе с коляской-подавалкой, старичок вытянулся на кровати по стойке «смирно». Саша успел нырнуть под лежбище студента, чтобы звякнуть камешком о подвеску, словно вернул его на место.

Вошла белохалатная ватага во главе с Радушкевичем. Проследовав к Саврасову, доктор воззвал:

– Логвинова! Обнажите больного. Не забыли, где возникает паховая грыжа?

Старичок разрешил задачу – сам спустил подштанники.

– Мы наблюдаем типичную усыхающую мускулистость, характерную в старости у работников тяжёлого физического труда, – Радушкевич повёл маленькую белую указку к низу старичкова живота. Девушки-студентки при этом прыснули в кулачки.

– А вот пациент более молодых лет... Логвинова!

Тут уж рассмеялись все, а книгочей с удовольствием отдался на раздевание. Однако спросил:

– А почему, доктор, только стариков демонстрируете?

Саша струсил и стал плотнее закручиваться в одеяло. Радушкевич успокоил:

– Очаг твоего переживания глубок и недоступен для внешнего осмотра. Логвинова! Проверьте количество галечек на отвесе однокурсника.

– Даме неудобно... под кровать... – Саша мигом оказался на корточках и начал громкий счёт.

– Да вы, Слава, герой! – с удовольствием крикнул док-

тор. – Теперь не стонать, выдержать световой день, вечером мурзик облегчит вам жизнь на одну галечку.

Радушкевич повернулся было к выходу, но, не сделав и шага, подозвал согнутым пальцем студентку-смугляночку. Как всегда, обратился по-командирски:

– Логвинова! Напомните дежурной сестре о моём распоряжении – сделать электроэнцефалограмму мурзику.

Обедать Саша смело пошёл в столовую, где среди порций других страждущих дожидало его законное довольствие.

Место вкушения диетблюд представляло собой округлую выпуклость коридора в столь же округлую лоджию с видом на больничный сад, далее – на извив реки, обрамляющей просторную зелёную поляну с бело-голубым храмом Николы на Лугах.

Медсестра-официант, отыскав его фамилию в прошнурованной книге, прощebetала:

– Вам назначили второй стол. Ждите.

Саша присел за стол с карточкой «2» напротив мужчины, изучавшего забалконные дали. Чтобы не закрывать содиетчику обзора, сразу переместился от центра в сторону. Вкуса щей он не разобрал и оставил их в покое. Давно охладившуюся котлету завернул в пару салфеток вместе с горбушкой хлеба. Взял не себе в запас, а для книгочея, которому котлеты на Колыме даже не снились.

Однопалатники ещё досматривали сны. Саша тихонько пробрался к тумбочке книгочея и возле чайной чашки пристроил свёрточек с котлетой.

В три часа пополудни начались посещения. Саша решил воспользоваться моментом и разведать расположение процедурной, душа, туалета. В конце коридора обнаружил ещё одну выпуклость в сторону сада, заканчивалась она не выходом на балкон, а полукругом стеклянной стены. В левой части заполненного солнечным светом пространства стояло, отливая каштановой полировкой, пианино. Саша открыл крышку клавишного ряда: над нотным пюпитром блеснуло золотом слово – «Лирика».

Фирменного стульца не было – пришлось сгорбиться и буквально воткнуть пальцы в клавиши.

Звуки хоть и спотыкались, но весело и задорно перекликаясь, поскакали по коридорной пустыне.

Пляска под луной – из бетховенской сонатины – была прервана фортиссимо-диссонансом:

– Бе-зо-бра-зи-е-е!

Женщина в белом со слушалкой на шее приблизилась командирским шагом, выплеснула в лицо Саше:

– Вы где находитесь? Многие больные ещё отдыхают после обеда, а вы устраиваете какофонию!

– Извините, я действительно паршиво изобразил музыкальные черты чудесной ночи.

– А всё потому, что вы лежачий, а безответственно покидаете палату. Возвращайтесь в кровать!

Между тем в палату, куда был «временно прописан» мурзик, вошли две улыбчивые девочки, но скоро сменили весёлость на печальный тон:

– А где Саша? Его отвезли на операцию?

– Се-ей-час при-и-дё-о-от... – протянул студент Слава и тут же взвыл.

На тумбочку возле пустеющей кровати девочки стали лихорадочно-быстро выгружать гостинцы для мурзика. Симпатичная «дочь Кавказа» (так сразу окрестил одну из девочек старичок Саврасов) неожиданно подошла с большим румяным яблоком к возлежащему студенту.

– Это вам. Витамины снижают болевые ощущения и стоны.

– Спасибо...

Когда девушки ушли, студент спросил у возвратившегося с прогулки Саша:

– Ты – мурзик, а они что – мурзянки?

Саша ответил не очень весело:

– После того, как нам, воспитанам военмузшколы, приказали спороть погоны, к духовикам подселили пианисток, скрипачек, певичек. Все – «из хороших семей». Вряд ли их мурзянками будут называть.

Из-за двери выглянула голова санитарки, позвала:

– Саврасов – на клизму!

– Так он же еды налопался, – возразил книгочей.

– Сказано – надо выполнять! – отчеканила голова.

Разыскивая шлёпанцы, старичок хрипел, скрипел, но двинулся к выходу бодро.

Разговор о школе музвоспитанников извлёк из памяти Саши картину его собственного появления в необыкновенном доме музыки. Начало всему складывалось, как историческая легенда...

Дождь хлестал в стёкла высоких сводчатых окон, по огромному залу носились отражения изломанных молний. Вдоль противоположной окнам глухой стены на полсотни шагов протянулась шеренга новичков в тёмно-синих мундирах. В ожидании начальства они исподтишка поглядывали друг на друга, удивлялись: среди стриженных «оловянных солдатиков» трудно было узнать вчерашних соперников по вступительным экзаменам и тем более мальчишек-детдомовцев, приодетых по случаю в разномастные рубашки-штаны детей нянь, поваров и воспитателей.

Саша Лузгин стоял на правом фланге, уступая первенство только мальчишке с непокорно оттопыренными ушами – музыкантскими!

– Сми-и-ир-на-а!

Эхо команды облетело внушительный куб зала, и тут же на длинной красной дорожке появился шагающий совсем не военной походкой полковник в парадном мундире.

– Здравствуйте, воспитанники!

Воспитанники дружно и лихо ответили:

– Здра...жла...това...пол-кник!

– Ну что сказать: молодцы, как на подбор. Крепкое пополнение. Согласны, товарищ майор? – полковник повернулся к румяному, щегольски подтянутому офицеру.

– Принимайте их, Павел Сергеевич!

Начальник школы неуклюже повернулся и зашагал к боковой двери.

– Вольно!

Майор подошёл вплотную к шеренге, спокойно и чётко заговорил:

– Вы – дети фронтовиков, братья воинов-героев, от-

стоявших свободу нашей Родины. И она, Родина, поручила нам заботу о вашем детстве, о вашем будущем. В детдомах у вас были мамы-воспитатели, здесь – почти одни отцы. Для будущих мужчин это важно. Смело обращайтесь к нам с горем, трудностями. Но и с радостью. Мы, хоть и задубились порядком на войне, будем рады вашему доверию.

С первого урока по классу тенора Саша тащился как побитый. Лысый майор Диденко два часа отрабатывал с ним извлечение звука: ничего, кроме шипения и гугуканья, не получалось. Добродушный наставник предложил:

– Может, вам сменить поющую медь на барабан?

Саша от обиды чуть не разревелся, но устоял. В коридоре его нагнал широколобый крепыш.

– Чинарика в заначке нет?

– Сам ты чинарик!

От резкого удара в лицо потемнело в глазах. Саша очнулся на полу, окружённый сочувствующими. Не принимая их помощи, он живуче вскочил и ударил коротышку в подбородок.

Когда их растащили, Саша успокоил свою раненую гордость: «Главное – сдачу дал». Разбитые губы он не принял во внимание, и напрасно: Николай Григорьевич Диденко на следующем уроке провозгласил ещё один аргумент в пользу барабана:

– Да у тебя природная склонность к ударным играм! Будешь ударником-отличником.

В спальном отделении крепыш-драчун оказался соседом Саши. Друг на друга не дулись, быстро сошлись.

– Меня в дмитряшевском детдоме называли Митькой Чинном, из-за фамилии Чиняев.

– И меня по фамилии – Лоза. Саша.

– А ты же Лузгин, а не Лозгин?

– Ночная няня у нас глуховата была и в Лозгина меня переделала. Само собой, что в сокращении – Лоза.

– Давай наследство сделаем: представимся ребятам Чинном и Лозой. И вообще дружить будем, ведь у одного майора дудим. Ты – на теноре, я – на трубе. Смешно, но сам он играет на кларнете.

Выйдя из полудрёмы, Саша не сразу сообразил, где находится: недвижными куклами в полосатых халатах восседали в кроватях старичок Саврасов и книгочей, Слава оставался в прежнем растяжении-положении.

– Ну а что дальше? – произнесла голова студента. Вопрос повис в воздухе, поскольку видения (да, это были видения!) ускользнули из памяти мурзика столь же быстро, как и появились. Он только пробормотал:

– Вы о чём?

Старичок беззвучно хихикнул, студент в связи с этим простонал:

– О-о! Не на-гру-жа-ай-те ю-у-но-шу-у!

– Так он как по книжке читал! – воскликнул книгочей.

Воспоминаниям-видениям Саши внимала и заглянувшая в палату медсестра Нина. Она поспешила просветить общество:

– У музыкантов, получивших сотрясение мозга, достаточно часто бывают озвученные сны. Это для больно-го не страшно. Вот сделаем сейчас запись импульсов его

головного мозга и ещё не такие тайны мыслей познаём. Пройдёмте со мной, Шурик!

– Я не Шурик, то есть не собачка. Я – Саша.

– А мы его кличем мурзиком, – добавил книгочей.

В физиокабинете Саше напялили на голову сетку с клеммами, изъяли из черепа всё, что было нужно врачам. Саше показалось, что медики извлекли из мозга и очаг болезни: даже дышать стало легче.

Возвратившись в палату, Саша заметил скрытое стремление всех не встречаться с его взглядом.

Оказывается, в его отсутствие Радушкевич побывал здесь, «беседовал по-товарищески», интересовался отклонениями в поведении мурзика.

– Викентий Андреевич, всё у него случилось не от удара в висок, а от ума, – первым подал мнение старичок Саврасов. – Он во сне шикарные детективы сочиняет, спящий читает их вслух.

– И точно выполняет все ваши поручения, – дополнил похвальную характеристику мурзика Слава.

– И в отношении камушков?

– Само собой...

В награду «за стойкость и соблюдение режима» Радушкевич собственноручно снял с подвески-натяжки две гальки.

Следом за Сашей возвратился в палату старичок Саврасов. Одарил всех радостным взглядом и, растянув улыбку, воскликнул:

– А хорошо, братцы! У меня эт первая промывка за восемьдесят лет, да ещё с марганцовочкой... Ей-богу по-модел!

– Тебе, небось, десятый номер вливали, чтоб старые кишки не слиплись, – книгочей произнёс это без всякой насмешки, и оттого старичок забеспокоился:

– А вреда не будет?

– Спасибо скажешь...

– Ты словно врач, Деомидыч, – похвалил книгочей.

– Не лекарь я, а младший помощник фельдшера ИТК. Лечили всех растворами марганцовки разной концентрации. Перед этим фельдшер прощупывал, обстукивал каждого, кто жаловался на недуги. Отлынивать от работы не позволял. Смотрит показатель термометра и говорит:

– Дай ему шестой номер: до сорока градусов ещё не доползло.

– А постельный режим? – спрашиваю.

– Двое суток. Запиши в книгу назначений.

У Саши кровь вскипела от нахлынувшего вдохновения: «Какой зачин! Какой сюжет для повести-трагедии!» Впрочем, он тут же остыл, вспомнил, как оценил его рассказ о бродягах-музыкантах замред журнала «Подъём»: «У вас очень много музыкальной спецификации. Массовый читатель не осилит её. Сочиняйте лучше кантаты и хоралы».

А что же делать, если вот сейчас, на твоих глазах, открывается судьба человека, равная целой эпохе России. Рядом – живая история, и её – пройти мимо? Саша решил задать самый важный вопрос:

– Бронислав Деомидович! Можете сказать, за какие нарушения закона вы попали в ГУЛАГ?

– За пустяки... Даже стыдно признаться. Войну, мой дорогой, я закончил в Румынии; там мы, россияне, мирную жизнь вчерашним врагам налаживали: кормили обедами с армейских кухонь, приюты для детей-сирот устраивали. Но среди румын немало было тех, кто и в мирный час отвечал за добро злом.

Придешь на рынок – ягодку попробовать не дадут...

Раз я заметил на развале у толстого купчика заколку для волос с камешками голубыми по ободку. Захотелось для Серафимы, жены моей, подарочек сделать. Сколько, спрашиваю, стоит? Румын растопырил все пальцы на обеих руках, «Марка!» – кричит. Немецких денег нет – я ему кисет с табаком и зажигалку предлагаю. Ещё червонец советский. «Найн! – вопит свинья. – Марка дай!»

Замутила меня досада. Сгрёб я в жменю заколку с какой-то другой бабьей мелочью. Руманешти этот заорал на весь базар, руками в мою сторону тычет. Хорошо, что дождь ливанул: народ засуетился вокрут, а я смешался с толпой, исчез с глаз купчика.

В казарме забросил мокрую шинель под кровать, туда же пристроил сапоги. Едва успел это сделать, как явился комбат и с ним комендантский патруль.

Майор наш спрашивает:

– Давно вернулся из увольнения?

– Час назад, – говорю, – если не больше.

Уходили уже, когда один из патрульных заметил извилину ручейка из-под кровати. Заглянул – там мокрая шинель и обувка моя. Нашли, конечно, заколку и прочее. Чуть позже я уже возвращался на родину в телячьем вагоне по адресу – «куда Макар телят не гонял». По этому случаю даже начало одной военной песни изменил:

От Москвы до Бреста

Нет такого места.

Дай Бог не увидеть Колымы.

Песенку-переделку он начал бодро, но вскоре съёжился и запрятал в подушку её слова и свои слёзы.

Краткая, но суровая исповедь книгочая «качнула» всех. Слава оценил историю жизни Деомидовича просто:

– Вот какую награду вы за военные заслуги получили!

Саша сделал более серьёзный вывод:

– Власть поступила несправедливо; он жизнь за Родину готов был отдать, а его за фашистские безделушки в концлагерь отправили.

– Ты рассуждаешь так, будто на своей шкуре это почувствовал! – выдал резон Слава.

– Да почти так... Вот, например, что случилось после того, как я написал письмо маршалу Жукову. Директора детдома и воспитателей замучили вопросом: кто посмел научить этому мальчишку. А меня для профилактики перевели в другой детдом. Каждый пацан этого заведения был вооружён финкой и свинчаткой, татуировки считались обязательными знаками достоинства, воспитанники матерились и курили поголовно. Самое жуткое: в ходу были издевательства над девочками и малышами.

– Да это уже не на ссылку похоже, а на сибирские рудники, – адвокатским тоном выразил своё впечатление Слава.

В разных точках земного шара живут творческие люди, для которых слова: культура, искусство, литература – не пустой звук. Эти люди создают картины, книги, музыкальные произведения. В момент серьёзных исторических переломов только искусство может спасти человечество, ведь оно превозносит и сам этот мир, и человеческую жизнь как высшую ценность. Для творческого процесса очень важны культурные связи, поэтому наша задача – знакомить читателей в том числе с зарубежными писателями и поэтами.

Душко ПЕТРОВИЧ
(Сербия)

ДУШКО М. Петрович (Сербия) – лирик и сатирик. Автор пяти книг лирики и одиннадцати книг сатиры. Его стихи представлены в двадцати девяти антологиях и сборниках сатиры и лирики и переведены на десять иностранных языков. Он является лауреатом литературных премий: премии ЮНЕСКО за сатирическую поэзию молодежи (Белград, 1971), премии Кочича (Баня-Лука, Республика Сербская, 2002 г.), премии Ассоциации писателей Сербии за жизненные достижения (2021) и признания за выдающийся вклад в национальную культуру.

Хочется снова в душе поселиться

ГРАНИЦА

По Дрине граница,
как скальпель по сердцу!

– Оружие есть? – спрашивает.
Смотрю.
Не верю, что вижу сейчас, – это мы:
один народ по разным стоим сторонам.

– Оружие есть? – снова вопрос.
Молчу.
Не верю тому, что услышал
я в окрике грозном его.

– Оружие есть? – он опять заорал.
– Есть!
Язык.
Вот единственное оружие моё,
но зато, если вырвать его,
безоружным он меня не оставит.

По Дрине граница,
как скальпель по сердцу.

Перехожу её
и с собой проношу
контрабандой любовь
с одной на другую сторону.

ИСПУГ

Отведи меня, мама,
на поляну с берёзой,
где бессонно журчит
чистой речки вода,
страх давно
уж в груди –
ни глотнуть,
ни вздохнуть
он давно не даёт.

Отведи меня, мама
там, где серны в лесах

или моря прибой
заберут хоть полстраха с собой.

...Уж полвека прошло
как минута одна,
этот давний испуг
(где ты, мама моя?)
хочет вновь
из лесов возвратиться
и из моря глубин,
хочет снова в душе поселиться,
чтоб опять с ним идти
до конца моих дней,
в каждом шаге моём,
в слове, сказанном мной,
он со мной навсегда,
среди дворцов и руин
никогда и нигде
я не буду один.

ВСТРЕЧА ГОСТЕЙ

Всегда наготове,
на страже всегда,
над жизнью,
над снами
родных и любимых
глазами,
расширенными
от тревоги,
вглядываюсь
в чужаков,
не знаю, когда и откуда
готовы ударить они.
Всегда наготове,
на страже всегда,
сына учу,
чтобы их встретил
геройски,
храбро,
хлебом и солью,
когда в ярости эти несчастные
станут нас убивать.

Перевод с сербского Виктора Широкова

Сергей ПАГЫН (Молдова)

Филолог. Выпускник педагогического института. Автор шести книг стихотворений: «Обретения» (2002), «Прогулка в ноябре» (2005), «Сверчок в радиоприёмнике» (2008), «Перед снегом» (2012), «Просто жизнь» (2017), «Спасительный капитан» (2022). Финалист и дипломант Международного поэтического конкурса имени Н. С. Гумилева «Заблудившийся трамвай» (2010). Лауреат премии «Молодой Петербург» (2011). Победитель Международного поэтического интернет-конкурса «Эмигрантская лира» в номинации «Неоставленная страна» (Бельгия, 2012/2013). Член Ассоциации русских писателей Республики Молдова.

Дует ветер осипший в рожок

Никого я не вправе спасти –
покаянно огонь зажигать,
и брести, озираясь, как тать,
по воде с убывающей свечкой.
Мне ли, рябь сотрясая, нести
всхлип огня в поднесённой горсти,
если даже не в силах найти
я приметы Твои и насечки

на вещах, что стоят по углам
бытия, где раздрай и бедлам,
где зима подступила к домам
и угрюмое что-то бормочет.
И последнее гонит тепло,
что в домовых щелях залегло,
рвётся в душу мою, как в дупло,
и никак отвязаться не хочет.

Но пытаюсь расслышать я Твой
глас призывный, ночной, горловой
не дорогой в Дамаск, а стернёй,
а травой проходя придорожной.
И хрустит под ногами ледок,
дует ветер осипший в рожок,
и Твой зов так безмерно далёк,
что услышать его невозможно.

Холстину бытия словами расшивая
вслепую, наугад, с изнанки ли, с лица,
я говорю: «Зима...Зима – без дна и края,
и мелкий снег в окне летает без конца».

Я говорю: «Дымя, горит моя тревога
сырою берестой» ...И светится во тьме
немыслимый узор, который виден Богу,
но в плоскости моей, увы, не виден мне.

Как будто силой центробежной
я брошен в сонные дворы,
куда зима тропинкой снежной
несёт нехитрые дары...

Что там в мешке у сей старухи:
тревогу прясть – веретено,
суглинка мёрзлого краюха,
тоски прокисшее вино?

Зимы угрюмо бормотанье.
И на пронзительном ветру
души всё пристальней вниманье
в дыму житейском и пару

к вещам, подсвеченным грошовой
свечою скорби, к тишине,
прозрачной музыки лишённой,
к фольговой бабочке в окне,

к подаркам зимним, неминучим,
к сухой шиповника листве,
к слезам, и сладким, и горячим,
в платке, на детском рукаве.

И пусть за них не ухватиться,
но и в слепой посмертной тьме
фольговой бабочке светиться
в летящем скошенном окне,

и сердцу сумрачному мерно
тянуть тревоги долгой нить,
слезам гореть,
музыке меркнуть,
вещам о жизни говорить.

Проём расплывчатый окна,
подлесок, мутная луна,
пределы дорогие...
И как сомы в глухой воде,
плывут по спящей слободе
большие сны людские.

Из них, из памяти густой,
из вязкой ворвани ночной,
из общего замеса
сквозь бледной прачечной дымок,
сквозь пара верный тёплый клок
летит душа-невеста.

И всё, что в прошлом мнится ей,
летающей с ветром декабррей,
беспамятной и белой:
цветущий шип и певчий прах,
дождя в распахнутых дверях
смеющееся тело.

Евгения ДЕКИНА

Родилась в городе Прокопьевске Кемеровской области. Окончила Томский государственный университет по специальности «Современная литература и литературная критика» и сценарно-киноведческий факультет ВГИК. Лауреат Волошинского конкурса, лауреат премий «Росписатель», «Звёздный билет» и др. Член Союза писателей Москвы, Союза писателей России, международного ПЕН-центра.

Играй-играй!

Тяжёлый мяч взмывал вверх и летел дугой через сетку. Как вражеский снаряд, как пушечное ядро, как булыжник, пущенный прямо в голову. И увернуться нельзя, надо принять. Пропустить – стыдно. Некоторые девочки уже заранее отскакивают, и раздаётся чьё-нибудь:

– Ну ты чё?

И тогда строгий физрук Виктор Иванович в советском ещё костюме недовольно крякнет и отвернётся. Только бы не сюда. Не сюда, пожалуйста. Можно в Борьку? Или в Валерку, он точно отобьёт. Но мяч неумолимо нарастал и приближался. Огромный и тяжёлый, как пушечное ядро, как снаряд, как... И в этот момент раздавался спасительный окрик тренера:

– Играй-играй!

Аля не могла понять, как он догадывается. Ты даже плечом повести не успел, а он уже крикнул. Неужели он, как бог, видит всех одновременно и чувствует, где страх. Но на бога злобный, кривоногий и совершенно лысый Виктор Иванович похож не был. Разве что на чёрта. Только потом Аля догадалась, что следит тренер совсем не за игроками, а за мячом. И кричит он только девочкам, не понимающим, как сложить руки.

После физкультуры Аля шла домой теми же подворотнями, из которых могла выпрыгнуть собака, поднималась той же лестницей, кишащей крысами, или отец мог караулить у двери, но в такие дни Аля больше не дожидалась случайных прохожих. Она шла сама. Шла и рассматривала синяки или шевелила распухшими пальцами, и эта боль напоминала о том, что Аля всё-таки смогла. Сыграла.

Вечером с работы приходила мама. Маму все обижали. Обижали злые продавщицы, не выходявшие вовремя, ленивый грузчик и ворчливые бабки с колясками. Мама терпела. Плакала она, только когда приходил отец и отбирал деньги. Аля хотела её пожалеть, но мама говорила, что это от лука. Хотя Аля точно знала, что никакого лука в супе не было. И Аля мечтала, что, когда вырастет, будет работать вместо мамы, чтобы не маму, а её обижали. Но училась Аля

так себе. Впрочем, в магазин, наверное, возьмут.

Как-то на уроке, сразу после физкультуры, учительница спросила домашнее задание и посмотрела на Алю. В голове сам собой вспыхнул суровый тренерский голос:

– Играй-играй!

И Аля, даже не успев ничего сообразить, по привычке подняла руку. Ответила она правильно, и учительница похвалила её. Потом это стало случаться чаще. Будто бы тренер поселился у неё в голове, и теперь, когда становится страшно, он кричит ей оттуда: «Играй-играй!»

А настоящий тренер на уроке перестал ей кричать. Але было приятно. Как будто она выросла, и теперь она – нормальный игрок, а не как эти.

Она пошла к маме в магазин, чтобы рассказать. Но маме некогда было разговаривать, и Аля принялась таскать тяжёлые лотки. Бабка с тележкой в очереди возмутилась, почему такая маленькая девочка таскает тяжести, и Аля, повторив себе привычное «Играй-играй!», ответила, что грузчик всё время орёт и мама его боится. Бабка позвала директора, и Аля нажаловалась ему на грузчика. Грузчика отругали. Дома, за ужином, мама долго присматривалась к Але, будто не узнавая, а потом пришёл отец. Мама хотела выключить свет и доедать в темноте, но Аля пошла к двери. Ноги не хотели идти. Из глазка смотрела огромная испитая морда. «Играй-играй!» – подумала Аля, но вслух крикнула другое: «Помогите!» И ещё раз. И ещё. Отец подолбилса немного, но всё же ушёл.

Вернувшись на кухню, Аля рассказала маме секрет:

— Я заклинание знаю, волшебное. Надо говорить себе: «Играй-играй!», и сразу всё получится.

Мама посмотрела на Алю как-то странно и почему-то опять заплакала. Аля погладила её по голове и пошла чистить зубы. На следующий день Аля записалась на волейбол. Особых надежд на неё не возлагали, но через пару лет она внезапно изрослась, окрепла и теперь играет в городской сборной. А скоро, может, и в областную возьмут.

Игорь ЗОЛОТАРЁВ

Игорь Леонардович Золотарёв родился в 1963 году в городе Орле.

Член Союза российских писателей, кандидат филологических наук, литературовед, литературный критик, прозаик.

Автор четырёх книг для детей, последняя «Ласточкин дом» вышла в 2020 году. Автор пяти монографий, посвящённых концепции фантастического в русской классической литературе, в том числе «Тургенев и Мериме: реальное и фантастическое»; литературно-критических сборников: «Долгое прощание», «Параллели», «Русские идеалы», «Классики и современники», многочисленных статей, опубликованных в рецензируемых журналах Москвы, Санкт-Петербурга, Орла. Принимает участие в издании литературно-публицистического журнала «Русское поле» (заместитель главного редактора).

Куст хризантем

Накануне маминого дня рождения мы отправились на рынок выходного дня, чтобы купить продукты и цветы для мамы.

Мама родилась 19 октября и очень любит осенние цветы хризантемы. Их тут великое множество, всех цветов и размеров, выбор огромный. В этот раз мы сначала купили творога, мяса, яблок, затем подошли к цветам. Мы любовались всякими цветами: жёлтыми, белыми, фиолетовыми, синеватыми. И вдруг остановились как вкопанные перед огромным букетом некрупных хризантем удивительного малинового цвета, они горели так ярко, просто светились, сияли все изнутри. Это была такая красота: невозможно оторвать глаз. Мы бросились к этому букету – огромной охапке цветов, которую нужно было нести перед собой двумя руками. Женщина, продававшая цветы, попыталась охладить наш пыл, сказав, что этот букет не для вазы, а для посадки, он с корешками, и этот образец она не продаёт. Мы стали её уговаривать, она согласилась наконец, но повысила цену. Нас это не смутило, папа сказал: «За красоту надо платить!»

Довольные, мы вернулись домой и поставили цветы в вазу вместе с корешками, завёрнутыми в бумагу. Два следующих дня до маминого праздника мы начинали утро с того, что заходили в комнату, где стоял наш удивительный букет, и заряжались энергией на весь день.

День рождения прошёл весело. Приходили мамыны подруги, кузина Рая с внуком Мишей, мой друг Паша. После угощений мы пили ароматный чай с маминым яблочным пирогом. Кузина Рая называет его фирменным, наверное, потому, что он всегда получается вкусным.

Всем было хорошо: читали любимые стихи, папа спел романсы «В том саду, где мы с Вами встретились, мой любимый куст хризантем расцвёл»... и ещё «Уж давно отцвели хризантемы в саду»... Так наш букет стал участником праздника. А кузина Рая вдруг предложила нам посадить этот куст на нашей даче в Малоархангельске. Всем ужасно понравилась эта идея. Мама сразу оценила Раино предложение и сказала, где именно в саду нужно посадить хризан-

темы: под яблоней, где большой стол и где мы обычно сажаем герани. Куст этот впишется в ландшафт, и каждый день, проходя мимо него по дорожке, можно будет здороваться с ним, любоваться им и видеть, всё ли в порядке. Конечно, мы будем за ним ухаживать.

В первую же субботу после дня рождения мы поехали на дачу, благо, что на улице было тепло, светило солнце. Осень в этом году необычная: много солнечных дней, самое время сажать осенние цветы. Мы отвезли наш куст на дачу, посадили на выбранном месте, хорошенько полили, подкормили, пожелали ему хорошо перезимовать и ожидать нас весной. В нашем саду много цветов: есть тюльпаны, расцветающие ко Дню Победы, тут же нарциссы, любимые нами белые ландыши – «светлого мая привет». С середины лета до самой осени цветут разноцветные флоксы, в июне – роскошные пионы, а вот осенних цветов, сетует мама, нет. Теперь куст хризантем будет радовать глаз в сентябре и в октябре – на Покров. Мы любим этот большой праздник, а чуть позже, 19 октября, мамин день рождения. Этому дню А.С. Пушкин посвятил своё прекрасное стихотворение, так как 19 октября было открытие Царскосельского лицея, и стихотворение, посвящённое этому событию, известно почти каждому: «Друзья мои, прекрасен наш союз! Он, как душа, неразделим и вечен...» Поэт Анатолий Шилиев, наш сосед по дому, всегда приходил в этот день поздравить маму и прочитать это стихотворение. Мы его читаем в этот день каждый год. А 19 октября теперь в России день Лицея.

Домой мы вернулись радостные, украсив наш сад необыкновенно красивым кустом хризантем. Теперь, когда осенью в саду деревья надевают свои лучшие наряды, мы приезжаем сюда, чтобы увидеть красные гроздья рябины, которой, как в народной песне, всё никак не удаётся перебраться к жёлто-зелёному дубу, оказавшемуся в саду от неё на расстоянии. Не устаём любоваться одетой в золото берёзой перед нашим окном, любимыми мамиными клёнами, одетыми в багрец и золото (по календарю друидов мамино дерево – клён. Ну а куст хризантем, по словам мамы, как аленький цветок будет гореть теперь в нашем саду всю осень.

Елизавета Сергеевна Мартынова (Данилова) родилась в 1978 году. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета. Кандидат филологических наук. С 2008 года по настоящее время – главный редактор журнала «Волга – XXI век».

Публиковалась в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Нижний Новгород», «Волга – XXI век», «Луч», «Вайнах», «Введенская сторона», «Русское слово» (Чехия), «Подъём», «Русское эхо», «Новая Немига литературная», «Сура», «Гостинный двор», «Отчий дом», «Молоко», в альманахе «Новые писатели России», коллективном сборнике «Новые имена в поэзии» (Москва) и других изданиях.

Многочисленно участвовала в Форумах молодых писателей России (2006-2012). Лауреат премии им. Юрия Кузнецова от журнала «Наш современник» (2008), годовой премии журнала «Сура» (2013, 2019), межрегиональной премии Николая Благова (2017), сайта «Росписатель» (2017). Автор книг: «Письма другу» (2001), «На окраине века» (2006), «Свет в окне» (2009), «Собеседник» (2012), «Воздух дороги» (2017). Член Союза писателей России. Живёт в Саратове.

Видишь лица за дождливой синью

Кому любовь свою ни говори,
Слова опять истают до зари,
И снег смогает сумрачную пряжу,
И стаи птиц разрежут небеса,
Послышатся слепые голоса
Из прошлого, с которым я не слажу.

До крови ранит, но не рвётся нить,
И я не прекращаю вас любить,
Ушедших ни на миг не отставляю.
И снится мне окраина небес
И светлый сад, и тёмно-синий лес,
И дом, в котором ждут и умирают –

И снова ждут. И жизнь течёт сама,
И нету в ней ни горя, ни ума,
Легка-легка, как будто птичья стая.
А я во сне летаю тяжело
И разбиваю тёмное стекло
Меж адом жизни и небесным раем.

Там живы все. И мама, и друзья,
И бабушка, и те, кого нельзя
Увидеть, но забыть их невозможно.
Сиянье душ и отблески планет,
Их навсегда неуголимый свет –
И снег, летящий в мир неосторожно.

Я там жила, в завьюженной степи,
В ночном доме, где темнота спит
И где лучина освещает песню.
А выплечется песенка когда,
Тогда метель и горе – не беда,
В прошедшем сгину, в будущем воскресну.

Написать небесную Россию:
Облака, туманы и поля,
Сумерки её, дожди косые,
Свет, которым полнится земля.

Так, чтоб пело сердце благодатью
И страданьем, горечью живой –
Дом родной, далёкий написать бы
Тонко над речною синевою.

Ни пером, ни акварельной кистью,
Только словом: осень и окно,
А за ним уже роятся листья,
Небо между звёздами темно.

Написать, как жизнь светло и просто
Смотрит в нас и не отводит взгляд,
Если от рожденья до погоста
Только прочерк – журавли летят.

Не поймаешь их, не остановишь,
Только смотришь, смотришь в небеса,
Словно ждёшь томительную новость,
Слышишь дальних предков голоса.

Видишь лица за дождливой синью,
Перелётных ангелов житьё.
Тайную небесную Россию,
Горных обитателей её.

Я ТОЖЕ СТАНУ СТЕПЬЮ

Не вечен город. Здесь столетья степь
Лежала – неподвижная, глухая.
Звезды погибшей добирался свет
До золотой земли – и в травах таял.

Степь – это воздух, горький и густой,
Весенний, опалённый, неповинный
Ни в чём – и опьянённый высотой
И радугой, крылатой и наивной.

Стань детством, степь, воспоминаньем будь –
О девочке, на станции живущей.
Здесь будет город. Здесь намечен путь
Для молодых, безудержных, поющих.

Не страшно им, что призрачен барак,
Сквозящий на ветру войны великой,
Что слишком много выпало утрат
И в скорбных лицах проступают лики.

Играет девочка на пристальном ветру,
Дивится травяному благолепию
И говорит, что «если я умру,
То ничего – я тоже стану степью».

Владимир МАКАРЕНКОВ

Макаренков Владимир Викторович – поэт, публицист. Родился в 1960 году в Смоленске. Окончил МЭИ. Служил в армии, работал в НИИ и на заводе, служил в пенитенциарной системе, полковник внутренней службы в отставке. Автор восьми книг стихотворений, аудио-альбома «Я родом из шестидесятых» (радиопостановка поэмы «Таборная гора», стихи, песни), публицистической книги «Тюремные записки» и публикаций в периодике. Лауреат литературных премий им. А.Т. Твардовского, им. М.В. Исаковского, им. Н.И. Рыленкова (Смоленск и Тюнино Брянской области), «Навстречу дня» им. Б. Корнилова, Южно-Уральской литературной премии. Председатель Смоленского регионального отделения Союза российских писателей. Член Союза журналистов РФ, ответственный секретарь газеты 144-й гвардейской мотострелковой Ельнинской Краснознаменной, ордена Суворова дивизии. Главный редактор литературного альманаха «Под часами». Живёт в Смоленске.

Я для тебя срывал сирень в букет

Сказать нежданно нежные слова
Любимой и подумать осторожно,
Что жизнь непредсказуемо права
В желаниях, что счастье в ней возможно.

Простое счастье – быть самим собой.
Жить по душе, в миру – неопалимой.
И, слыша вечность, как морской прибой,
Принадлежать единственной любимой.

СИРЕНЬ

Я для тебя срывал сирень в букет,
Как факелы зелёной эстафеты,
На финише весны и старте лета,
Всё ярче распалюющего свет.

И вспоминал, как рвал сирень отец,
Любуясь каждой сорванной веткой,
И складывал в букет любви заветной
Для матери, а я смотрел, юнец.

Родителей уж нет, но всякий раз
На финише весны и старте лета
Мне не найти прекраснее букета
Сирени, что теперь цветёт для нас.

СОЛНЕЧНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Слушай! Слышишь – колокольцы?..
Это мартовское солнце!
По весне и свет звенит.
Заливает свет округу
И возносит жизнь по кругу
Прямо в солнечный зенит.

Вот везенье, вот веселье!
Звонко льётся свет весенний,
Брызжет радужно в меня.
И сияющий прохожий,
На искристый сноп похожий,
Ошарашен мощью дня.

Я лечу лучом к любимой,
К той, которую так зримо –
Просто, солнечно – люблю.
Озарю её приветом
И весенним звонким светом
Из ушата оболую!

Не нужно мне ни жалости пустой,
Ни общего дежурного участия,
Давно я понял истину, что счастье
В одном лишь: неразлучно быть с тобой.

Молитвенно прошу, родная, будь
Мне солнышком моим неугасимым,
Мир делаю и добрым, и красивым!..
И за земным пределом не забудь.

Жанне

Каштаны падают, как майские жуки.
И солнышко приветливо так, нежно.
И нет ещё осенней шелухи –
Листвы, летящей наземь безмятежно.

Но мы с тобой уже осознаём,
Что бабье лето – только утешенье.
Необратим свершившийся излом
Времени неотвратимого движенья.

И всё же мы об этом промолчим,
Переча подсознательно природе.
Ну что с того, что возраст так горчит,
Что жизнь без промедления проходит!

Зачем нам возвращение назад –
Немая встреча с юными годами?
Так вызревает яблоневый сад,
На землю сыплет зрелыми плодами.

Валерий ПРОТАСОВ

Адам и Ева

Вначале Бог сотворил Адама и сказал в сердце своём, что это хорошо. Но потом увидел, что человек не так далёк умом, груб, склонен к жестокости и вообще полон недостатков. И, чтобы исправить ошибку, добавил ему в пару Женщину с живым умом и отзывчивым характером, с её способностью к состраданию. Она стала матерью всех потомков Адама. Что стало бы с миром без неё? Скорее всего, Адам не вылез бы из звериной шкуры и долго жил бы в пещере, обросший диким волосом, сначала с дубиной, а потом с атомной бомбой в руках.

ПУТЬ ЖИЗНИ

Коротка или длинна наша жизнь, чтобы раскрыть заложенные в нас высшие способности? Весь наш путь – восхождение от одной ступеньки очищения, просветления и совершенствования к другой. Это называется в Православии «Лестница Святого Иоанна». С неё падают, обрываются, начинают путь сначала, но двигаются непрерывно. Даже самые простые люди это чувствуют, а люди мудрые понимают. Путь, отмеренный нам, короток, гораздо короче того, что необходимо, чтобы достигнуть высших ступенек. Для одних он обрывается уже в начале жизни, для других – в середине пути, для третьих – в глубокой старости. Но и в этом, последнем случае – слишком короток. Потенциал нашего духовного развития бесконечен, но время и смерть обрезают нить нашей жизни, и никто, даже самые глубокие мудрецы, не поднимается до тех вершин, на которые могли бы взойти, не прервись наше путешествие. Конечно, на этом пути мы набираемся соблазнов и грехов. И так, в колеблющемся равновесии высокого и низкого продолжается наше восхождение. Но всё же, какие горизонты открылись бы нам, продлись этот путь бесконечно долго!

ХУДОЖНИК СЛОВА

Смотрю на медленно плывущие по небу облака, то белые, как свежесыпавший снег, то нежно-кремовые, как сливочное мороженое «Пломбир», то покрытые тенью, сизо-дымчатые, грозящие перейти в дождевые, и думаю: а ведь я тоже художник. Со мной нет мольберта, подрамника, кисти, но я пишу словом. В нём – форма, цвет и звук, иногда целая картина вроде

«Половецких плясок» Александра Бородина или симфонии звуков пушкинского экспромта.

Я гуляю в парке. До дома минут пятнадцать ходьбы. А слова не терпят промедления, отсрочки. От нетерпения у меня начинают дрожать руки, как у человека, зависимого от алкоголя при воспоминании винных паров.

Таковы художники. Их опьяняет внезапно возникающая потребность выразиться в красках, звуках, формах. Счастливее всех в этом писатели и музыканты. Им не нужны холст, подрамник, палитра, кисти. Рождающиеся в душе слова, образы и звуки начертаны невидимым пером и могут храниться долгое время, пока питающий их дух не потеряет силу, истает. Вовремя не записанные, они исчезают, а при попытке восстановить почти утраченные образы – проваливаются в пустоту, как летящий самолёт в воздушную яму. На месте разрушенных, выпавших из кладки кирпичиков кладутся новые, но они есть то, что называют «новодел». Простак, может быть, не заметит подмены, но сам художник и близкий ему до духу человек тотчас почувствует фальшивую ноту, утрату, подмену оригинала, первообраза.

ОБЛАКА

Рассвет только-только занимался. Я подошёл к окну и взглянул на небо, в ту сторону, которая была свободна для обзора. Между громадами зданий открылся кусок пространства, поразивший меня причудливой архитектурой. От низу до верху одно на другом лежали тяжёлые, почти правильной формы, длинные, вытянутые поперёк облака. Они были похожи на этажи какого-то небесного здания. Тёмные, почти чёрные сменялись светлыми, как будто освещались

Валерий Владимирович Протасов родился в Москве 1 декабря 1939 года. С 1955 года живёт в Орле.

Окончил историко-филологический факультет Орловского государственного педагогического института. Преподавал русский язык и литературу в средней школе в деревне и в городе. Затем в течение почти 12 лет работал экскурсоводом, научным сотрудником в музее И.С. Тургенева и его филиалах, в том числе в Спасском-Лутовиново. Преподавал литературу в орловском институте культуры.

Первая книга лирической прозы «Была весна» увидела свет в 1992 году. Затем последовали книги стихов «В поздний час», «Дальняя дорога», прозы: «Зимний сад», «Колокольчик», «Последнее лето» (повесть о Тургеневе), роман «В поисках рая», сборник рассказов «Кукла без имени» и другие. Член Союза российских писателей.

изнутри лампами. Они лежали друг на друге каменными плитами, многотонные, как блоки оборонных сооружений, которых не в силах разрушить ни один ракетный снаряд. Впрочем, для заоблачного стратега это не составило бы труда. Он двигает сводами неба и скрепами земли с лёгкостью играющего в песок ребёнка. Так и случилось. Без грома и боя, без сокрушительных смерчей и ураганов часа через два небо изменило свой облик. Причудливое здание исчезло неведь куда. Облака остались, но утратили свою зловещую и таинственную форму, превратившись в сгустки газа и пара молочно-серого цвета, расплывшиеся по светящему небесному полю. Там затевалось что-то похожее на игру света и тени, формы и безначальной воздушной массы, управляемой неведомой силой.

ЗАГАДКА КРИВЫХ ЗЕРКАЛ

Есть люди, у которых в головах механизм всегда крутится не в ту сторону, всегда против часовой стрелки и против солнца. Всё, что естественно и правильно, им кажется пресным, а вот за чертой, как в царстве кривых зеркал, всё заманчиво и хорошо. От бедности ли это ума, от обделённости в жизни, от неполноты душевной, косности и боязни и неумения быть самими собой, или от лукавого? А может быть, от неуверенности и глубокой нелюбви к себе?

СВЕТ И ДОБРО

Можно ли всех сделать счастливыми? Можно ли всех воспитать разом? Конечно, нет. Как же быть? Не воспитывать, не желать счастья детям? Пустить всё на самотёк за полной бесполезностью добрых намерений? Но, во-первых, пусть не все из тех, кого вы воспитываете, станут добрыми и приятными в общении, всё же некоторые впитают то хорошее, что вы вложили в них. А одно слово одного хорошего человека немало значит в жизни. А если таких десятки и сотни? Во-вторых, из тех, кому вы пожелали счастья, кто-то действительно стал счастливым или приблизился к этому состоянию. А один счастливый, хорошо воспитанный человек может светить, как огонёк свечи в сумерках, для многих.

Так что не бесполезно наше желание делать добро и освещать дорогу идущим.

ДВА БАРАНА

Я даже голубям уступаю дорогу. Иногда они просто лежат, нежатся на солнышке. И тогда я обхожу их. Некоторые вспархивают, другие остаются на месте. Они первые заняли это кусочек суши. Если же наши курсы пересекаются, мы со взаимным уважением сторонимся, как два встретившихся пешехода. Обхожу, когда случается встретиться, жучков и букашек. Ни разу ни было так, чтобы про нас сказали: «На мосточке утром рано повстречались два барана» и столкнулись лба-

ми. А некоторые люди идут, как танки на противника, давя всё на своём пути.

Никогда не забуду, как я прихлопнул бегущего мимо лавочки в парке таракана. У меня к этим насекомым глубинное отвращение и страх, как и у многих людей. Женщина, сидевшая рядом со мной, так и ахнула:

– Зачем вы убили его? Он был такой весёлый.

Я стал оправдываться, что, дескать, тараканы – разносчики заразы, что жизнь – это борьба, а на душе у меня невидимые кошки скребли. И ведь действительно, он был такой весёлый. Бежал куда-то по своей надобности. Какое право имел я лишать его жизни?

Тараканов я и теперь не намерен терпеть в своей квартире, но на улице, где они никому не мешают, я их не трогаю.

Дети любят гонять голубей, поднимая в воздух целые стаи с кормёжки. На то они и дети. Для них это игра. И голуби, кажется, это понимают.

СТИХИ

Есть два, а может быть, три вида поэзии.

Стихи первого непонятны, как речь другого языка, и не должны нуждаться в объяснении. Объяснение, толкование – это перевод с языка созвездий на язык земли. Перевод – жидкая каша для младенца, не умеющего жевать. Стихи – это речь ангела, не помещающаяся в человеческом уме. Речь из иного мира, долетающая до земли на другом языке, в котором свои законы фонетики, грамматики и смысла. Это Манделштам.

И есть стихи вполне земные: благозвучные, понятные, льющиеся музыкой с кончика пера. Нам ближе и понятнее, конечно, стихи земные. Это Пушкин.

И есть ещё третий вид, в котором поэзия земная и небесная стремятся слиться. Это Фет, Маяковский.

ПОЛОВОДЬЕ СВЕТА

С утра сквозь закрытые веки океан солнечного света. Настоящее весеннее половодье. Всемирный потоп, в котором не страшно утонуть. Сердце так и плывёт по едва дышащей невесомой воздушной глади. Плывёт и не тонет. И так хочется, чтобы этот потоп не кончался. Как праотец Ной открывает заслонку ковчега, чтобы посмотреть на объятую водами землю, так и всё живое вокруг с лёгким трепетом обнимает всё затопленное пространство, доступное взору, и простирается дальше, к неведомым горизонтам без времени и границ.

Солнце то выплеснется наружу во всей своей ослепительной наготе, так что делается даже немного тревожно, то скроется за гуляющими поодаль тучами.

Всему есть время на земле: и солнцу погулять по небу, и туче – стражнику позвонить в колокольчик, чтобы не слишком зарывалось. Всё в таком устойчивом равновесии, соразмерности света и тени, как стопы классической греческой речи в благородном раз- мере стиха.

Виктория ТКАЧ

Поэт, переводчик французских поэтов-символистов. Заведующий Домом-музеем В.В. Вересаева, филиалом ГУК ТО «Тульское музейное объединение». Руководитель областного музейно-литературного объединения «Муза» при Доме-музее В.В. Вересаева. Член Союза российских писателей. Автор 10 сборников стихотворений. Лауреат литературной премии «Золотое перо Тулы» (2009). Дипломант Международного конкурса «Цветаяевская осень» (2011), Международного Тургеневского конкурса, посвящённого 200-летию И.С. Тургенева (2018); Третьего Международного конкурса «Бежин луг» (2020); VIII Международного литературного конкурса «Серебряный голос России – 2022» (Санкт-Петербург)... Награждена памятной медалью «Год Литературы. За особый вклад в книжное дело» (2016). Стихотворения переведены на польский и французский языки.

И становимся ближе друг другу

ФЕВРАЛЬ. ПОЭТИЧЕСКИЙ ТРИПТИХ

1.
Первый год
В этой жизни
Равен нулю.
Он подобен весам, тишине, февралю.
Когда всё – одноточие. Внутрь и вовне.
Когда тени, как бабочки, спят на стене.
Когда чувствуешь, дышишь, смеёшься, поёшь,
Ощущаешь в себе белокрылость и дождь
И тепло узнаваемых ласковых рук.
Только сердце спешит... перестук-перестук...
И от этого звука внутри всё больней.
Так приходит начало
Конечности дней.

2.
Год второй.
Непривычно.
Вперёд и вперёд.
Словно кто-то внутри чужеродный живёт.
Он находит на небе родную звезду
И ей шепчет во сне: «Я приду, я приду...»

...В колыбели людской и душа, и трава.
И уже прорастают земные слова.
И всё реже поётся о том, что есть дом –
Тот, который на небе в венце золотом...

И всё чаще и чаще в бездонной ночи
Сердце слышит во сне: «Не молчи, не молчи...»

3.
Третий год
И четвёртый...
И ей шепчет во сне: «Я приду, я приду...»
И привычен рефрен «Никогда, никогда...»
Ускоряется. Спешить. Перемалывать вдох.
Забывать. Забываться,
Скрывая итог.
Возвращаться к началу в конце февраля,
Заполняя безумием контур нуля.

И однажды понять, закрывая глаза,
Что рождённым

Остаться на свете
Нельзя...
И спускаясь к молчанию по тонкому льду,
Всё шептать: «Я иду.
Я иду.
Я иду...»

Так закончится путь. И начнётся другой.
И другая звезда будет звать за собой...

В голове тишина.
Не гоняются мысли по кругу.
Не звенит, не зудит
Раздражающий писк комара.
Мы молчим.
Мы молчим
И становимся ближе друг другу –
Я и небо.
И трепетно это храню до утра.

А потом,
А потом
Понесутся дела и заботы...
Не впервой,
Не впервой
Отбиваться от шквальных идей.
Я на небо смотрю,
Вспоминая мучительно:
«Кто ты?..»
И мне страшно за небо.
Но больше страшней –
За людей.

За людей –
Муравьёв,
По песчинкам сдвигающих горы.
На износ,
На надрыв
Завершающих круг бытия.
Небо смотрит в глаза
И боится признаться, что скоро
Среди этих бегущих
В толпе я узнаю
Себя....

Ольга СОКОВА

Ольга Сокова родилась 4 октября 1967 в Орле.
Окончила художественно-графический факультет ОГПИ в 1991 году. Преподавала в художественной школе. В настоящее время свободный художник, член Товарищества орловских художников. Бард.
Лауреат 1-го регионального конкурса исполнителей авторской песни им. В. Трахтенберга (2003).
Автор нескольких поэтических и прозаических книг. Член Союза российских писателей.

И волны листьев к берегу летят

Над – пари, как выдох – над
Суетой, познавшей ад,
Покрывалом голубым
Над ненастьем над любим,

Над поспешностью людской,
Над душою, где застой,
Над мечтой, что зажалась,
Над весной, что сеет грязь,

Над неведомостью той,
Что таится за чертой
Клоунады бытия,
Над раздробленностью «Я»...

И калейдоскопный взор
Сложит красоты узор:
Всё что в лад, и что не в лад –
На земле, как чудный клад...

ШТОРКИ

Погода меняется в мире –
То оттепель, то снегопад,
А у меня в квартире
Чудесные шторы висят.

Как бабочки, смотрят в окошко,
Порхая оборками над
Задумчивой уличной кошкой,
Барбосом, что скалиться рад,

Над спешкой упрямых прохожих,
Которым шутник-гололёд
Подножку мечтает, о Боже,
Подставить, смеясь во весь рот,

И манят: скорее взгляните
На третий... И ввысь от земли!
Где прошлые связи и нити
Танцуют в межзвездной пыли,

Где каждая сущность и сердце,
Ныряя в салют золотой,
Раскроет те ценные дверцы,
Что скрыты слепой суетой.

О, мир вечерний, сотнями огней
Сверкающий и вторящийся в лужах!

После дождя горят они сильней,
Что тишину разбуженных жемчужин.

Вот бриллиант бесплатный предо мной,
И отражение окна, как слиток –
Мир открывает в яркости земной
Меня – ту, что была доньше скрыта.

Я по вечерним улицам иду
Владелицей невиданного клада
И впитываю эту красоту,
Где нету ни войны, ни зла, ни ада...

ДВОРНИК

А я – художник, может вы забыли? –
Из листьев я рисую и из пыли
Картины удивительной метлой!
Я, словно Томас Сойер, кто за мной?

Кидать лопатой листьев пирамиды
В огромные мешки, как валуны,
Мести в чужом дворе, но очень милым,
Шуршащие барашки-шалуны.

Мне ветер помогает, будто морю,
И волны листьев к берегу летят,
Здесь жители, как сговорившись, кормят
Три раза на день кошек и котят!

А грабли ловят в зелени тернистой
Цветных мышей, попадавших с деревьев,
И солнце, улыбаясь, словно лев
В мультфильме, освещает мои мысли...

СУББОТНИК

Счищаю суету с асфальта,
Как талый снег –
Мельканье «мошек» пред глазами,
Молекул бег...

И в этих хлопотах весенних
И кутерьме –
Дыханье строчек, рифм спасенье
Приснится мне.

Ведь на бумажных тротуарах,
В машинный гром
Скребу лопатой недаром –
Почти пером!

Виктор ЛИВЦОВ,
*Доктор исторических наук, профессор, замдиректора Среднерусского института
управления (филиала РАНХиГС)
Заслуженный работник культуры России,
Член Общественного Совета РФ, Почётный гражданин Орловской области*

Судбищенская битва

Как известно, Иван IV Васильевич, прозванный Грозным (1530–1584), вступил на престол в 1533 году. Самостоятельно он стал править с 1543 г. В 1545 г. царь достиг совершеннолетия (15 лет), а в 1547 венчался на царство. После восстания в Москве с 1547 до 1560 г. Иван правил с участием круга приближённых лиц – «Избранной Рады».

Начав проводить активную внешнюю политику, Иван Васильевич захотел решить проблему восточных и южных границ своего государства. В 1552 г. он взял Казань, в 1554 – Астрахань (в 1556 г. сверг без боя марионеточного хана Дервиш-Али и окончательно подчинил ханство). К моменту Судбищенской битвы ему было 22 года, что не так уж мало по тем временам.

В попытке укрепления южных рубежей ему противостоял крымский хан Давлет (Девлет) I Гирей (Герай) (1512–1577). Он происходил из династии Гиреев, был чингизидом – потомком Чингис-Хана. Его предок Менгли Гирей после войны с Турцией в 1475 г. признал себя её вассалом. С 1478 г. Крымское ханство (Улуг Орда ве Дешт-и Кипчак) – стало протекторатом Турции.

Крымская Орда возникла после распада Золотой Орды и занимала территорию горного и степного Крыма (не побережья, где были генуэзские владения) и земли между Дунаем и Днепром, Приазовье и часть современного Краснодарского края. Это ханство считало себя прямым наследником всей Золотой Орды. Её ханы именовали себя ханами Великой Орды.

Давлет Гирей был внуком хана Менгли Гирея. В 1530–1532 гг. он был калги (наследником престола). Затем при хане Сахиба I Гирее несколько долгих лет просидел в темнице. После своего побега он уехал в Стамбул ко двору своего двоюродного брата по материнской линии Сулеймана Великолепного, с которым подружился.

В своём первом походе на Русь в 1552 г., в попытке поддержать Казанское ханство в битвах под Тулой и на р. Шиворонь, хан потерпел поражение. К моменту Судбищенской битвы ему было 43 года.

Весной 1555 г. Давлет Гирей, как сообщают источники, собрал 60-тысячное войско (по оценкам современных исследователей около 30-40 тысяч), получил от турецкого султана современную артиллерию, которой до этого у татар не было. Кроме того, татарской орде были приданы отряды турецких янычар, обученных для захвата инженерных сооружений и городов. При этом хан пошёл на хитрость и предпринял отвлекающий манёвр, якобы выступив в поход на пятигорских черкесов, которые приняли покровительство русского царя.

Узнав об этом, Грозный приказал воеводе И.В. Шереметьеву с войском выступить из Белёва. Муравской дорогой

к татарской крепости Перекоп в Мамаевы луга, чтобы отогнать стада ханские. Нападение Шереметьева должно было отвлечь хана от похода и заставить возвратиться в Крым.

13-тысячное русское войско вышло из Белёва, двигаясь через Чернь и Ливны тремя полками. Большим командовал старший воевода боярин Иван Васильевич Шереметев с окольным Львом Андреевичем Салтыковым. Передовой полк находился под руководством окольного Алексея Даниловича Басманова (в будущем одного из создателей и руководителей опричнины) и Бахтеяра Зюзина. Сторожевой вели Дмитрий Михайлович Плещеев и Стефан Сидоров.

Однако, достигнув Изюмского кургана, Гирей переправился через Северский Донец и, неожиданно переменяя направление, устремился по Изюмскому шляху на север к Туле.

Но переправа через Северский Донец была обнаружена И. Шереметьевым. Новость о движении крымского хана на Тулу застала И. Шереметьева в районе современной Харьковщины. Он уведомил об этом царя и с войском повернул обратно за ханом к Туле.

Царь выступил навстречу из Москвы (с князем Владимиром Андреевичем, казанским ханом Симеоном, боярами и воеводами) к Коломне, где стоял князь Иван Фёдорович Мстиславский с войском.

Из Коломны полки Ивана пошли на Каширу, где переправились через Оку и затем двинулись к Туле. К этому времени слух о походе войска Ивана из Коломны на Тулу распространился среди населения.

Узнав об этом, хан повернул орду назад и вдруг наткнулся на передовой отряд Шереметьева у с. Судбище (Сторожевое) на р. Любовша. Хан, не вступая в сражение, пошёл на юг, бросив обоз. В районе Кирпичного брода в Ливнах или севернее И. Шереметьевым был захвачен большой «кош» (обоз): 60 тысяч коней, 200 аргамаков (скакунов), 180 верблюдов. Надеясь на прибытие войска царя

Ивана, он отправил добычу во Мценск и Переяславль-Рязанский (Рязань) в сопровождении 6 тысяч воинов.

Однако хан узнал от двух пленных русских воинов о количестве войска у боярина на следующее утро, развернул свою конницу. Он надеялся на успех, имея 10-кратный перевес. Небольшое русское войско столкнулось с передовыми татарскими отрядами, которые были остановлены и понесли серьёзные потери.

25 июня, на второй день утром, русские атаковали татарский лагерь, но в ходе обстрела и контратаки подошедших основных сил не выдержали напора и побежали. В этой схватке воевода Иван Шереметьев был серьёзно ранен.

Хан трижды осуществлял «напуск» (штурм), обстреливал русских из пушек и пищалей, но все атаки были отражены, в том числе огнестрельным боем отряда стрельцов. Эта битва надолго запомнилась хану. В ней погибли двое его сыновей: калги (старший сын и наследник) Ахмед Пирей и Хаджи Гирей.

Не сумев быстро одолеть русских и боясь приближения царя, хан ушёл в степи.

Почти двухдневное сражение 24-25 июня 1555 года небольшого русского отряда и многократного превосходившего его татарского войска не позволило Девлет Гирею нанести значительный ущерб Московскому государству. Потери татар оцениваются до 15 тысяч, а потери русских в 5 тысяч. Благодаря несгибаемой воле и героизму русского отряда это сражение по праву стоит в одном ряду с битвой дружины Евпатия Коловрата и битвой на Куликовом поле.

В середине XVI в. на месте с. Судбищи находилось Вурочище («уреченная» местность) в Диком поле на Муравском шляхе, по которому шли грабительские отряды степняков. Вероятно, это была одна из их принятых остановок (в сообщении о Судбищенской битве оно упоминается впервые также, как и Муравский шлях). Граница Московского царства проходит в это время почти в 100 км севернее.

О том, что у Судбищ могло произойти известное по письменным источникам сражение, писали краеведы конца XIX – начала XX в. И.П. Сахаров и И.Ф. Афремов.

Сотрудники Орловского краеведческого музея в 2008 г. проводили здесь археологическую разведку, пытаясь найти место сражения, но безрезультатно.

Около с. Судбищи в 1995 г. был поставлен памятник. Сооружал его, воплощая идеи скульпторов Александра Савёлова и Станислава Давыдова, коллектив Орловского СНРП «Реставрация». Здесь были изображены две фигуры русских воинов, заслонивших кремлёвские стены. Доступ к ним декорирован большими камнями, собранными на местных полях. На стене «Кремля» укреплены мраморные плиты с кратким текстом, повествующим о сражении.

И вот, в апреле 2021 года, орловский клуб подводного плавания «ДИВО» под руководством Сергея Куликова проводил тренировочные погружения в р. Гоголь, в Новодеревеньковском районе Орловской области. Неожиданно на дне реки были обнаружены наконечники от стрел, копья и элементы конской упряжи.

Об открытии дайверы рассказали научному сотруднику отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН Олегу Александровичу Радюшу, начальнику Сейминско-Суджинской экспедиции, которая в последние 15 лет про-

водит ежегодные работы на территории области. Учёный атрибутировал артефакты как предметы позднесредневекового времени.

Дальнейшая совместная работа с археологами на реке Гоголь принесла ошеломительные результаты. Стало понятным, что речь идёт, видимо, о реликвиях Судбищенской битвы.

Вместе с артефактами, которые были найдены под водой, на данный момент количество находок: более 1500 (свыше 700 наконечников стрел разных типов, два наконечника копья, обломок втулки от копья, обломок наконечника копья, более 100 свинцовых пуль и картечин, пулелейка, замок от трутневой аркебузы, шомпол, обломок клинка сабли восточного типа, три бронзовых перекарестия от сабель, два колчанных крюка, поясные накладки и подпружные пряжки, подковные гвозди, обломки обувных и конских подков, три серебряных монеты Иоанна Васильевича, пластины от доспехов, куски кольчуг, свинцовое ядро).

Находки, сделанные археологами в 2021–2022 годах, и грядущие полномасштабные исследования с использованием новейших методик позволят узнать о том, что происходило у села Судбищи 24-25 июня 1555 года.

На территории сражения предполагается выявить участок основного боя, провести поиск места захоронения убитых и восстановление максимально полной картины двух драматических летних дней 1555 года. Работа экспедиций ИА РАН и Куликова поля будет продолжена на следующий год. Готовится документация к постановке памятника как «Достопримечательного места» на государственный учёт и охрану.

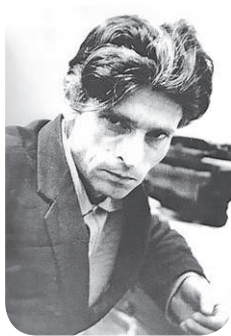
Место Судбищенского сражения является уникальным для России и позднесредневековой истории Европы. Большинство знаменитых древних и средневековых битв в России и за рубежом вообще не найдены. Не локализовано точное место Грюнвальдской битвы. Учёные спорят о месте битвы при Калке. Идёт поиск места Ледового побоища Александра Невского и т.д.

Несмотря на непродолжительное время исследований, по данным Института Археологии РАН, получены результаты, превосходящие итоги изучения большинства известных мест сражений в Восточной Европе. Кроме того, на местах древних битв нет такого количества находок, как на месте Судбищенской битвы. Это может объясняться тем, что оружие было дорогое и его всегда собирали. В случае Судбищенской битвы войско было малочисленно и измотано, и оружие, видимо, осталось в этом малозаселённом месте.

Поэтому в ближайшей перспективе необходима срочная музеефикация находок и места боя в виде создания здесь федерального музея-заповедника, что позволит сформировать туристический маршрут «Москва–Тула–Куликово поле–Судбищи–Орёл».

Память об этой героической битве, когда русская рать дала отпор неприятелю, который многократно превосходил её по количеству воинов и имел хорошее вооружение, является ярким примером стойкости и мужества наших великих предков. Подвиги героев прошлого – это пример для будущего и важное средство воспитания патриотизма у подрастающего поколения.

Николай ПЕРОВСКИЙ

Перовский Николай Михайлович (31.12.1934 – 13.09.2007) – поэт, прозаик. Автор более двадцати книг и множества публикаций в областных и центральных периодических изданиях.

Член Союза писателей СССР с 1964 года. При жизни Николай Перовский не был удостоен правительственных наград и престижных литературных премий.

Его награда – опубликованные книги и любовь читателей.

Гром гремел на голые деревья

КОРНИ И КРОНА

Увлечение прошлым –
без корней никуда,
потому что из почвы
поступает вода.

И листве достаётся –
изо всех своих сил
тянет соки из солнца,
создаёт хлорофилл.

Значит, корни и крона
для земли и страны
перед высшим законом
неизменно равны...

ХЛЕБ ДА СОЛЬ

*«Кто с мечом к нам войдёт,
От меча и погибнет!»*

Александр Невский

«Все флаги в гости будут к нам!»

Александр Пушкин

Гром гремел на голые деревья,
говорили – будет недород.
Древняя российская деревня,
как же ты жила из рода в род?!

Где вы, запредельные глаголы?..
Смертный пот отечественных войн:
«Бысть великий мор, чума да голод...
Грады, порастающи травой...»

Не года. Не годы. А години!
Но поди туристы докажи:
лебедю к высям лебединым
возносились Спасы да Кижы.

Воспаренье шло за разореньем,
но в любую непогодь и боль
зрение граничило с прозреньем:
«Гость – изволь! Найдётся хлеб да соль».

Небо и для нас осталось небом,
зимняя, суровая страна.
Недород – беда. Но будем с хлебом –
на Руси иные времена!

Есть на свете истины простые.
Не стереть истории печать:
«Хлеб да соль!» – на том стоит Россия.
Будем жить и гостя привечать.

ТЕАТР

Душа и разум знают цену
самим себе, но вот вопрос:
взойдя на жизненную сцену,
что принимать на ней всерьёз?

Где башмаки, а где котурны,
где языки, а где клинки?
А в добродетели дежурной
злодейства зреют ли ростки?

И если спрятался под маской,
то соответствовать изволь,
но знай, что жизнь не стала сказкой,
что роль – она и в жизни роль.

В порфире Лира или Кира,
держа Вселенную в горсти,
ты не забудь, владыка мира,
в канаве место припасти.

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ НАРОВЧАТОВА

Он не сдал человеческой вахты,
он всю жизнь простоял на часах.
Коктебельская Бухта-Барахты
родилась в белофинских снегах.

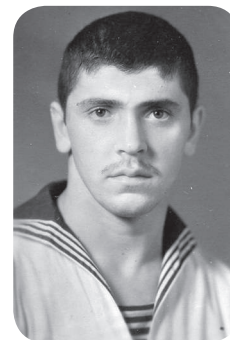
В подмосковных, в смоленских ли топях,
от поруганных вдов и от бомб,
в госпитальных палатах Европы
зарождался блуждающий трюмб.

Коммунист, он не ведал бесславья.
Трудный сын своей трудной земли
то размашисто жил, как Буслаев,
то копался в архивной пыли.

Никогда он не делал секретом,
что ни душу, ни дверь на засов,
был он крёстным отцом для поэтов,
потерявших на фронте отцов!

Дмитрий ПОРУШКЕВИЧ

Дмитрий Павлович Порушкевич родился 27 июля 1938 года в г. Мурманске. В Орле – с июня 1945 года. Окончил машиностроительный техникум, отслужил срочную на Черноморском флоте. Трудился конструктором. Заочно окончил Воронежский университет по специальности «журналист», работал в орловской молодёжной газете, на орловском телевидении, радио, а последние пятнадцать лет своего сорокалетнего журналистского стажа был главным редактором «Орловского вестника». В 2001 году был принят в Союз российских писателей. С 2001 по 2014 год избирался председателем Орловского регионального отделения СПП.

В твоих лесах боюсь забыть

Округа, крадучись, молчит,
боится выдать шорох лишней,
ты остановишься и слышишь –
твоя душа кричит в ночи,

она кричит, она – пуста,
она оставлена любовью,
и ты – наедине с собою,
и жизнь почти что прожита,

и видишь – быстрая звезда
вниз к горизонту устремилась,
и полыхнула ярким мигом,
и не оставила следа.

Набрело полнолуние
на мальчишкины сны,
он проснулся в полуночи,
не признавши луны.

Там, в окошке простуженном,
белый слон по снегам
шёл из сказки разбуженной
колдовство постигать.

Свет пронзительно-кварцевый
по квадрату стекла,
словно синий аквариум,
на подушку стекал.

И, опять засыпая,
мальчик видел с улыбкой:
звёзды выплыли стаей,
словно жёлтые рыбки.

Ещё вчера я был в неведенье,
весна казалась неведимкою,
но поутру она наведальась
так, что к полудню лес Медведецкий
покрылся розовой дымкой.

А я, заботами заверченный,
всё без толку, как воду в ступе,
толку дела с утра до вечера...
Май на носу, а всё не верится,
что наконец весна наступит.

Ворвётся в дверь, заполнит комнату
и, как когда-то ты, на память,
в том хрустале на подоконнике
оставит алые тюльпаны.

В АГУРСКОМ УЩЕЛЬЕ

Это сколько же надо амбиций,
чтобы на протяжении веков
вниз бросаться самоубийцей
на гранитные лбы валунов!

Но зато в нём такая отрада,
столько в нём искромётной игры!..
Чтоб низвергнуться водопаду,
надо горло реке перекрыть.

Ты, осень, чем опалена?
В твоих лесах боюсь забыть...
Рубиново возрождена,
рябина снова первобытна.
Стоит, пронзительно светла,
тысячелетняя ветла.

И ясен ясеневый лист,
и клён прозрачно-переливчат,
и щеголиный яростный свист,
в нём с давним детством переключка.
И непорочна красота,
как поздней женщины уста.

Её отчаянье спешит,
пылает гримом искусственным,
в ней память о весне дрожит,
как лист, к паденью предрешённый,
как лист, что отлетит на мох,
как диалектики намёк.

Алея лип стоит нагая.
Поклон вам, павшие листья.
Неторопливо под ногами
покров увядший шелестит.

Хоть ярко каждый лист окрашен,
всё гуще траурная рябь.
Пересмотрел надежды наши
охладевающий октябрь.

Дмитрий КОРЖОВ

Родился в 1971 году в Перми. Поэт, прозаик, литературный критик. Окончил истфак МГПИ (1995) и Литературный институт имени А. М. Горького (2002). Лауреат премии К. Баева – А. Подстаницкого. Составитель сборника фронтовой лирики «Была война...» (2004) и антологии. Создатель литературной группы «Соль!» (2005). Один из авторов биобиблиографического словаря «Русская литература XX века. Прозаики. Поэты. Драматурги» (М., 2006). Автор более десяти книг стихов и прозы, в том числе первого романа-трилогии о Мурманске «Мурманцы» (2008–2015).

Тот, кто зажигает свет...

(Отрывок из романа «Полюшко-поле»)

...Лампы горели блёкло – да что там, почти и не горели вовсе! Комната плыла сквозь вечер почти в полумраке, становясь, как ему иногда казалось, с каждым часом всё темнее и темнее... Но, может, и к лучшему, что так. В таком сереньком убывающем свете почти не видны были давно небелёный, в сырых разводах потолок, полинявшие старые стены, расшатанный скрипучий паркет – весь в ранах, похожих на утраченные зубы выбоинах, порезах и щелях.

Лев бывал здесь редко. А он – этот пожилой музыкант – приходил всегда. Строго в один и тот же неотменяемый день и час, назначенный кем-то далёким в ином, давно миновавшем времени. Приходил и зажигал свет. Был он не молод, но и не так, чтобы совсем стар. Находился в том важном возрасте, когда почти уже не меняешься, – по крайней мере, внешне. Невеликого роста, с белой головой, которую трудно было назвать седой, скорее, серебряной, с большими очками на крупном мясистом носу. Говорил он уверенно, но плохо, и не потому, что не умел, – мешал недостаток зубов. Не говорил даже, а шамкал. Впрочем, делал он это нисколько не смущаясь, легко, а порой и не без изящества. Причём, не только тогда, когда хотел донести до слушателей нечто исключительно важное, – всегда.

Эти вечерние штудии (где неустанно звучала музыка), которые вёл этот странный человек и куда его как-то привела сестра... Это было нечто вроде клуба. И где не только исполняли – и чужое, а иногда и своё... Здесь не только музыка звучала. В этом месте ещё и пытались всерьёз рассуждать о ней. Оценивали. Ругали и хвалили. Спорили не только об исполнении, но и о том, о чём она вообще. В чём её суть, и почему она, такая вроде бы невесомая на жизненных вселенских весах, внешне ничего не значащая, ни копейки не стоящая, а точнее, не имеющая базарной цены, так нужна. Не всем. Но хотя бы им – тем, кто сюда приходил: кто-то редко, а кто-то и почти всегда, когда зажигал здесь огонь пожилой музыкант.

– Вы, голубушка, вот здесь, знаете, не слишком хороши были... – говорил он какой-нибудь девушке с алым бантом в чёрных волосах, которая пришла сюда, влекомая желанием постигнуть тайны музыки (о хо-

зяние лачужки разное поговаривали, иные не без оснований почитали его как избранного, как своего рода хранителя подобных тайн и таинств). – Будто в сон или гипноз впали. А потому и исполняли всё как органчик механический – видели такие? Ноты-то вроде бы всё правильные и звучат вроде пристойно. А души-то нет. И бант у вас революционный, и всё такое. А душа? Она есть, есть, конечно. Но спит. Вы играете, хорошо играете, а она спит. Надеюсь, лишь на краткий срок прилегла. Вы прислушайтесь, дорогой мой человек, у автора ведь там сила на силу встает, молнии в полнеба сверкают, страсти мир вращают, люди плачут, пропадают. А у вас что?

Та, не зная, что ответить, только растерянно плечами пожимала.

– А у вас, моя дорогая... – он намеренно делал протяжную паузу, не торопясь итожить сказанное, чтобы ученица в ожидании приговора помучилась – пострадала, подольше не узнала, каким он будет. И только потом, видя её напряжение и муки, а потом уже и готовность принять казнь, – даже самую жестокую, иступлённо-кровавую, наконец, говорил: – А у вас, милочка, даже дворяжка не скулит.

Интересно, что формул картонности, степени преданности в игре механистичной, точной, но бездушной шарманки, в кармане его потёртого синего пиджачка имелось несколько. Все, конечно, обидные. Но не безжалостные. Ранили, конечно, но в меру. Не до безобразия. Били, но не наповал. Хотя девочек он подчас и до слёз с помощью таких иголок – фразочек колких доводил. Иные были помятче, и не сразу поймешь, о чём тебе сказать хотя: "Знаете, всё вроде бы хорошо. И правильно. И акценты верные. И всё как-то ровненько... Сплошные пятки вместе, носки врозь". Или: "Жабо накрахмалено. Торжественно. Нарядненько даже! Жабо накрахмалено, а рояль, бедняга, еле дышит... Не звучит. Не звучит!"

Обижались, конечно. Злились. Переставали приходиться. На какое-то, как правило, недолгое время. А потом возвращались. Чтобы снова играть. И говорить, и слышать об игре, её вроде бы всеобщем, но далеко не всем понятном языке, её очевидностях и загадках.

Бывали дни, когда сюда, в эту не склонную к ремонтам и новой светлой жизни лачужку в тот самый, не нами назначенный, но из года в год десятилетиями строго соблюдаемый час, никто не приходил. И лампы горели, и дверь была открыта, и плыл куда-то мимо по неотложным делам Город, не делая перерыва на те час–полтора, что находился тут этот человек. Тот самый, что зажигал здесь свет. О чём он думал в такие минуты? О том, возможно, что всё, что он делает много лет, никому не нужно. Может быть, совсем никому. И такое, конечно, случалось. Но чаще всё же он ни о чём подобном не помышлял. Одиночество – вот такое, внешнее, когда рядом ни одной живой души, было для него нормой. Но оно никогда не было полным. Кто-то – или из мёртвых, или из живых, а порой по завету древних и из тех, кто в море, – всё равно непрестанно был рядом с ним, пусть незримо, пусть где-то в неразличимой человеческим глазом дали, но был. А потом, мы ведь далеко не всегда видим, что кто-то следит за нами. А уж думает, – это и вовсе неуловимо, даже технически невозможно. Но ведь следят. И думают!

Много позже, когда он прочитал "Маленького принца" и полюбил эту простую и глубокую книгу, в главке про фонарщика Льву всё время мерещился старый учитель его юности, и представлялся тот именно таким, каким он его помнил, – честным и точным, одиноким и, несмотря на это и прочие суровые частности жизни, беспечальным. Планета, на которой жил фонарщик, была такой маленькой, что кроме него и его фонаря на ней больше никто не помещался. Но тот каждый день зажигал, а когда наступала ночь, гасил свой фонарь. Ни для кого, а потому, что таким был уговор. С кем? Почему? Для чего? Ответа ни на один из этих вопросов не было. Опять же, сказать, что не для кого, несмотря на отсутствие других людей на планете, никто бы не смог – при всём желании. По-

тому, что в конце концов был Маленький принц и его мысли о фонарщике и его фонаре. И другие, кто хоть раз бывал на этой самой пятой планете или пролетал мимо неё и помнил о ней и её единственном жителе. Мысль о фонаре не важнее ли подчас самого фонаря? Фонарщик, впрочем, об этом и не задумывался. Он зажигал и гасил свой фонарь. Оставался верен уговору. День за днём. Без отмены.

"Как хорошо чувствовать себя таким фонарщиком... Быть им! – порой думал Лев. – Хотя бы иногда". Понимая при том, что иногда подобная жизнь невозможна. Потому, что если иногда, то никогда. Жизнь фонарщика – жизнь без поддавок и скидок самому себе. Таков уговор. Хоть и сказано в той же доброй книге, что можно быть верным слову и всё-таки ленивым. Ему очень хотелось верить последнему, но всё никак не удавалось.

Маленьким принц, если помните, мечтал о том, чтобы стать фонарщику другом, как он, Лев, когда-то хотел стать другом старому музыканту. С фонарщиком это было делом несбыточным, уж очень мала была его крохотная планета. Не планета – планетка! И тут никаких загадок не имелось, всё просто. Фонарщик всегда одинок. Рядом с ним, огнетворцем, если и есть место, то исключительно для его фонаря. Чужие, даже если они друзья, здесь не нужны, они могут лишь помешать зажигать фонарь или – заслонить его, вольно или невольно помешав творящемуся здесь свету.

– Важно, чтобы был человек, – как-то сказал им музыкант из лачужки. – Куда без человека? Без человека ничего не будет. Ничего не вырастет. Вообще. Даже под солнцем и в хорошей земле. Сколь ни удобряй.

Да, важно, чтобы был человек. Тот, кто зажигает свет. Даже когда он, этот свет, никому не нужен. Или только кажется таковым.

О ЛИТЕРАТУРЕ

Писатель должен обладать чувством времени. Когда он лишается этого чувства – он лишается всего, как продырявленный аэростат.

Понимающих литературу так же мало, как понимающих музыку, но предметом литературы часто бывает жизнь, которую все интересуются и потому читают и судят жизнь, воображая, что они судят литературу.

Главное горе портретной фотографии – это что люди стремятся изобразить собой, что они «снимаются». А в литературе этому точно соответствует, когда писатели «сочиняют». Пошлее этого сочинительства нет ничего на свете.

Крупные русские писатели не пером пишут, а плугом пахут по бумаге, пробивая её, вывёртывая на белое чёрную землю. Вот почему лёгкое писание, беллетристика русскому кажется пошлостью,

Цитаты М.М. Пришвина

и русский писатель кончает свой путь непременно той или другой формой учительства и объявляет дело всей своей прошлой жизни «художественной болтовнёй».

Достоевский и Гоголь – писатели с воображением, Пушкин, Толстой, Тургенев исходили от натуры. Я пишу исключительно о своём опыте, у меня нет никакого воображения.

Причёсывание произведений литературных вошло в повадку, и каждая редакция стала похожа на парикмахерскую.

Сила писателя в его писании, но «как человек» он слабее даже всякого самого маленького лейтенанта. Вот почему всякая женщина непременно делает писателя своей собственностью и в лучшем случае относится к нему, как к своему ребёнку, и защищает его, как курица.

Владимир ЕРМАКОВ

Между будущим и грядущим

рассуждение вообще

Что-то сны не в руку и дела одолели... Инфляция возросла, а рейтинг снизился... Давление среды всё поднимается, а индекс Доу-Джонса (*знать бы, что это такое*) падает... Погадай мне, вещая цыганка, скажи всю правду про жизнь мою неудельную! Что было – не надо, сам знаю. Что будет – тоже опусти, доживу, так и так узнаю. Подскажи мне лучше, прожжённая и прокурённая, на чём сердце успокоится в эти тёмные времена. Научи меня уверенности и безмятежности, и я от щедрот позолочу твою загребушую ручку. Не можешь? Ну так вот тебе неразменный рубль, и оставь меня в тревоге...

Нет, видно и впрямь сердце успокоится только на смертном одре. Смертельно уставший реаниматор проследит безупречно прямую кардиограмму на дисплее, щёлкнет тумблером и скажет медсестре: «Ну всё, этот отмутился...» А до тех пор, чтобы худо-бедно довести жизнь до логического конца, нужно быть в тонусе.

Я не про физическое состояние. И тем более не про материальное. Тут я мало что понимаю. Будучи фаталистом, я плыву по течению жизни, стараясь по возможности не налетать на крупные неприятности и не садиться на финансовые мели. Я о другом. О жизни вообще и о том, что из неё следует. Тут уж одним покорством судьбе и послушанием властям не обойдёшься, тут хочешь – не хочешь, а нет-нет, да и поневоле задумаешься. Конечно, какое-то представление о мире есть у каждого. Но в любом *мировоззрении* – от первобытного анимизма до логического позитивизма – есть нечто более важное, стоящее за теорией и предстоящее всякому анализу: *мироощущение*. Как нам быть в этом мире, чтобы ему соответствовать? Вернее, кем надо быть в общем смысле, чтобы в конкретном плане быть собой?

В рабочем состоянии сознания можно выделить два противоположных по знаку модуса: оптимистический и пессимистический. Они кардинально различаются в исходной оценке основной телеологической характеристики наличного бытия: устремлена ли естественная последовательность событий к лучшему или направлена к худшему? Знать бы, что день грядущий нам готовит...

В русском языке для обозначения темпоральной пер-

спективы есть два параллельных понятия: будущее и грядущее. Два почти синонима, означающих наступающие времена. Или, если формулировать строже, – последующее состояние сущего. Но однозначны ли эти слова? А если нет, как поделена между ними семантическая ниша?

Будущее – производное от повелительного наклонения глагола *быть*. Будь! Так Бог творит мироздание. Да будет свет! И стал свет. Концепция будущего – манифестация креативного начала, присущего чистому разуму, и тем самым провозглашение власти сознания над действительностью. То, что станет с миром, мыслится как результат наших действий. Короче говоря, будущее – экстраполяция наших надежд по оси времени. А грядущее – проекция наших страхов. В этом концептуальном понятии предположена сдача разумом господствующей над временем позиции окружающему враждебному хаосу. Грядущее – производное от глагола *грядуть*. В словаре Даля его содержание раскрыто через *идти, близиться, приходить*, но уточнено через *набегать, налетать, наскокаивать, накидываться; ударить*. Если будущее мы запасаем заблаговременно, то грядущее сваливается на нас как гром среди ясного неба. А пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Наскоро воцерковившись после шоковой терапии, мы стали креститься налево и направо, на всякий несчастный случай. Однако... От всех чертей не открестись.

Выбор между будущим и грядущим отражает волевое отношение сознания к бытию. Будущее – это оптимистический сценарий предстоящего времени, а грядущее – пессимистический. Что до настоящего, то его переживание всегда обосновано предшествующим и обусловлено последующим. В общем застолье, на пиру во время чумы, когда поминали почивший в бозе социализм, мы поднимали скорбную чашу с разными чувствами. Всем вроде бы налили поровну, но, будучи в хорошем расположении духа, оптимист считал, что его стакан наполовину полон, а пессимист, исходя из своего мрачного настроения, полагал, что его стакан наполовину пуст. Такой вот специфически русский тест на крепость духа. Старая шутка, подчёркивающая несущественность нашего от-

Поэт, эссеист. Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат Горьковской литературной премии в номинации «Несвоевременные мысли» и Всероссийского конкурса СМИ «Золотой гонг».

Родился 6 июня 1949 года на станции Петушки Владимирской области. С 1967 года живёт в Орле. В 1971 году окончил исторический факультет Орловского пединститута. До и после него работал грузчиком на заводе, архивистом, библиографом, воспитателем в СПТУ. С 1975 до 2000 года – научный сотрудник Орловского краеведческого музея.

С 2001 года постоянный участник Яснополянских международных писательских встреч. В 2007-2008 вёл мастер-классы по прозе на Форуме молодых писателей в Липках (от журнала «Дружба народов»).

ношения к реальности, для самой реальности сводит драматическую тяжбу между пессимизмом и оптимизмом к грамматической игре. Однако в ней верно схвачена суть.

Вроде бы всё, сказанное выше, подталкивает к выводу, что оптимизм – это хорошо, а пессимизм – плохо. Так принято думать. Но соглашаться с общепринятым не обязательно, если к аргументам разума не лежит душа. Лично я – пессимист, и убежденность в том, что естественный ход событий неминуемо ведёт всё сущее к исчезновению, считаю основой всякого разумного мировоззрения. В этом рассуждении мне хотелось бы обосновать и защитить моральную ценность и социальную значимость пессимизма.

В философском плане пессимизм более продуктивен, чем оптимизм. Успех успокаивает мысль, а неудача понуждает к мышлению. Достигнутая цель всегда оказывается ложной, и об этот экзистенциальный парадокс спотыкается логика оптимизма. В житейском опыте оптимизм делает ставку на счастливый случай, а пессимизм – на устойчивость к несчастью. Пессимизм не рассчитывает на предпочтения, а просчитывает все вероятные риски. Он готовится к худшему, и потому его дух крепче.

Вопреки веским доводам рассудка, надежда нелегально проживает в хижинах, а дворцы, воздвигнутые джинном наживы, исподволь зарастают страхом, словно незримой плесенью. Богатые тоже плачут, и утешить их, кроме обещания смерти, нечем. Только волевое усилие способно удержать напор ужаса, которым неизбежность проникает в сознание. Пессимизм закаливает волю в ледяной воде отчаянья, и привычная к мысли о смерти душа легче переносит житейские испытания. В то время как душу, настроенную на ожидание счастья, несчастье застаёт врасплох и опустошает до доньшка.

Поэт Георгий Иванов, злой арлекин Серебряного века, продираясь сквозь тернии времени, оставил на шипах несчастий ключья своего циничного шутовства и пришёл к потомкам совсем другим – нагим и нищим, печальным и мудрым. То есть пессимистом.

*За столько лет такого маянья
По городам чужой земли
Есть отчего прийти в отчаянье,
И мы в отчаянье пришли, –
В отчаянье, в приют последний,
Как будто мы пришли зимой
С вечерни в церковке соседней
По снегу русскому домой.*

Как странно и дивно! – печаль поэта не тяжелит, а как бы облегчает нашу участь.

Как же нам, нечаянно случившимся в этом мире, очевидно не рассчитанном на человека, обустроить своё бытие? Быть оптимистом трудно, а пессимистом – тяжко. В православной традиции добродетелью считалось смирение. Так учил старец Силуан Афонский: *держи ум свой во аде – и не отчаивайся.* (Поэт Георгий Иванов своей охватывающей метафорой сказал по сути о том же). В то время как исторический материализм, высосанный из указательного пальца Гегеля, переориентировал массовое

сознание на пафосное ожидание лучшего. Революция отняла счастье у одних, но не смогла надеть им всех поровну. Хотя твёрдо пообещала, положив декларативный тезис на бравурную музыку: *Будет людям счастье, счастье на века, – // У советской власти сила велика...*

Ну да, конечно... сила есть, ума не надо. Хорошо темпированный оптимизм стал официальной идеологией. Видимо, партийное руководство твёрдо рассчитывало найти в метафизической глубине русской земли неисчерпаемые залежи счастья – не меньшие, чем нефти и газа. Вот уж в той пятилетке... Но все сроки поставок радостей жизни переносились или срывались. Простой советский человек, поверивший в светлое будущее, разочаровался и озлобился, застоявшись в очереди к нему. И, выйдя из ступора, повернул по оси времени в обратную сторону. И махнул на всё рукой, – прощаясь с уходящей надеждой...

Я тоже волей-неволей вышел из той бесконечной очереди. С тех пор мне никто ничего в качестве компенсации утраченного времени так и не посулил. Наше время не имеет позитивной социальной тенденции. Экономическую перспективу – может быть. А о социальной стратегии не говорится ничего, кроме неразборчивых общих слов. А если кто в ходе избирательной кампании обещает хорошее впредь, я не верю. Бывают дни, а порой и годы, когда родина кажется чужой и чуждой. (*Есть отчего прийти в отчаянье... см. выше*). Разве это – Россия?! Мистический сосуд, вплоть до недостижимого горизонта налитый божьей благодатью, обетованная духу большая земля – где ты? Нет её. И не было. Но что-то было. Неспроста же и не втуне корчилась в родовых муках русская душа! Кесарево сечение революции способствовало появлению на свет недоношенной утопии. Утопии, лучше которой в теории не задумывалось. Утопии, хуже которой в истории не замешивалось. Тогда началась гражданская война между оптимистами и пессимистами. Иначе сказать, между праведной душой и скорбным разумом. К несчастью нашему, в идеальном плане верх взяли низменные административные инстинкты.

В период репрессий в интеллигентной среде родилась мрачная шутка о прении пессимиста и оптимиста.

– *Хуже быть не может...* – делает вывод пессимист, удручённый неприглядной действительностью.

– *Может! Очень даже может!* – утверждает оптимист, загрузивший рассудок диалектикой исторического материализма.

В шестидесятые годы минувшего века недалёким романтикам казалось, что грандиозный проект коммунизма уже наполовину исполнен. В то время как трезвые скептики понимали, что концепт реального социализма, профанированный администраторами и идеологами, уже наполовину пуст. А те, кто могли сказать многое в его оправдание, слова в споре не имели. Тем более не имели влияния на общественное мнение. Реальная власть была у фанатиков и циников. Применительно к теме я бы определил фанатизм как патологический оптимизм, а цинизм – как злокачественный пессимизм. И то, и другое для живого дела истории губительно, а для духа – смертельно.

В начале этого века был проведён международный

проект-опрос, своего рода проба народов на качество жизни. Оказалось, что самый большой процент несчастных людей – в России, а счастливых – ... в Индии! Значит, суть не в уровне потребления. Всё-таки в большинстве случаев нашему народу живётся полегче. Суть именно в мироощущении. Буддизм и индуизм по своей онтологической окраске весьма мрачные вероучения. Индуистский ад жутче нашего, и угодить в него намного легче. А возвышенная истина, провозглашённая Буддой, состоит в том, что мир неизбежно погружён в страдание, и мучение является естественным состоянием связанного желанием ума. Путь к блаженству лежит через отказ от личности и отрешение от мира. Более мизантропический постулат трудно сформулировать, однако парадоксальным выводом из буддизма стало скорбное сочувствие всему живому – всему, что обречено на страдание. Пессимизм оказался лучшей закваской для духа, чем оптимизм.

И в этом плане православие, если из религии оно не станет идеологией, обещает тем, кто верит в лучшее и страдает от несовершенства данного мира – общего и собственного – надежду на мир иной. Это не обетование райской жизни на седьмом небе, это обязательство взять тяжесть жизни на свою душу. Ибо сказано в Евангелии от Луки (17; 21): *Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть. Имеющий уши да услышит: Не – будет, а – есть!*

Внутренний мир каждого человека в любой момент его жизни подобен тому стакану из иронической притчи – он наполовину полон, а наполовину пуст. И в воле человека направить процесс саморазвития в сторону воз-

растания или убывания собственного смысла. Особенно важно самоопределиться в тех исторических ситуациях, когда человек призван временем к ответу о себе. Сказать конкретнее? Можно и конкретнее: всегда. Быть ему пессимистом – и тогда предъявлять к себе те же строгие критерии, что и к окружающей неблагоприятной действительности, или быть оптимистом – и впасть в сладострастное самодовольство. В первом случае ему открывается нелёгкая дорога в царствие божие, что спрятано в глубине его самости. Во втором случае... Второй случай отражается в зеркале, если человек не решается быть первым.

Трагическая матрица разума – знание конечности всего сущего. Однако тяжесть этого знания может лежать камнем на душе или служить краеугольным камнем личности. И то, и другое равно возможно. Ибо человек – фикция, питающаяся иллюзиями. В неевклидовом виртуальном пространстве между будущим и грядущим есть некая метафизически обусловленная точка, в которой сходятся все наши параллельные земные пути. Все мы там будем – и оптимисты, и пессимисты...

В конечном счёте важна не сила, не скорость и даже (страшно сказать!) не направление течения времени, а его способность утолить жажду жизни. Всё, что я знаю о мире, я почерпнул из реальности, данной мне в ощущениях. Мой стакан невелик, но я пью из своего стакана. А уж насколько он полон или пуст – в метафизическом плане вопрос некорректный. Что и требовалось доказать. Хотя бы самому себе.

О ЖИЗНИ

Первое трудное дело в жизни – это жениться счастливо, второе, ещё более трудное – счастливо умереть.

Начинается жизнь радостью и кончается унынием смерти. Есть люди, которые нарочно мучают себя всю жизнь, чтобы достигнуть смерти, как радости избавления от мучений жизни.

Всё разрушается, всё падает, но ничто не умирает, и если даже умрёт, тут же переходит в другое.

Нужно, чтобы каждый человек нашёл для себя лично возможность жить жизнью высшей среди скромной и неизбежной действительности каждого дня.

Стремление к простоте жизни является у сложнейших душ, а всё простое стремится к сложности.

О СЧАСТЬЕ

Да, конечно, счастье необходимо, но какое? Есть счастье – случай, – это бог с ним. Хотелось бы, чтобы счастье пришло, как заслуга.

Ябыл счастлив, и единственно, чего мне ещё не хватало, это – чтобы счастливы, как я, были все.

Удача – это мера счастья в ширину, а неудача – есть проба на счастье в глубину.

Нельзя поставить себе целью счастье: невозможно на земле личное счастье как цель. Счастье даётся совсем даром тому, кто ставит какую-нибудь цель и достигает её после большого труда.

Цитаты М.М. Пришвина

Мужчина должен быть властелином своего чувства, женщина должна отдаться, – на этом построена вся человеческая жизнь.

Мелочи человеческой жизни преодолеваются великодушием.

Жизнь состоит из двух сил, называемых в общем любовью; одна сила – это любовь рождающая (родовая сила), другая – любовь образующая (сила личности). На одной стороне – роды, на другой – смерть: роды в смерть и смерть в бессмертие.

Долгая жизнь при здоровом сознании позволяет на себя самого поглядеть со стороны и подивиться переменам в себе самом.

Препятствия делают жизнь.

Цитаты М.М. Пришвина

Не робеть во дворце после хижины, не стесняться хижины после дворца – это всё пустяки. Но быть убеждённым во всюдности жизни, в том, что нигде ты не будешь один, везде одинаково явится к тебе равный человек, – это завоевание, это счастье человеческое. И я им обладаю.

Счастье умного человека есть глупость, те немногие минуты, когда умный человек был в глупом состоянии, и вспоминает потом как счастье. Из этого, впрочем, не следует, что глупость и счастье одно и то же: счастье существует само по себе, но легче всего оно даётся дуракам.

Юрий СТЕФАНОВ

Юрий Николаевич Стефанов (26 июня 1939, Орёл – 28 июня 2001, Москва) – культуролог, поэт, прозаик, переводчик. Писать стихи и прозу, а также переводить, начал со школьных лет. Был участником популярных в 1960-е гг. поэтических чтений на пл. Маяковского. Свои стихотворения начинающий поэт зачастую объединял в рукописные сборники с собственными иллюстрациями: «Юрий Северянин. Руны Мрака (1956–1957)», «Bras de fer» (1956–1958), «Стихи 1957–1967 года», «Медузы и крабы» (1959), «Камни и звёзды» (1961), которые раздавал друзьям. Два его поэтических сборника «Конь осьминог» и «Заклинания» вышли в Москве (изд. Елены Пахомовой). Переводы, в основном французской литературы, публиковались с начала 1970-х гг. В 1980 Стефанов получил премию издательства «Художественная литература» «Золотое перо» в номинации «переводы». Стефанов пользовался признанием, как выдающийся знаток эзотерической литературы и мирового фольклора, открывший российскому читателю целый пласт западноевропейской культуры. Большая часть книг опубликована уже посмертно. В Орловском объединённом государственном литературном музее им. Тургенева создан личный фонд Ю. Стефанова № 162.

В том моя судьба, а не твоя вина

МАМА

Я тяжело болен – так и наяву.
 Все средства перебрав, велит мне мама
 Лечь на пригорок, в жухлую траву.
 Лежу, как мёртвый – грузно, тихо, прямо.
 Но страшно мне. Дыханье затая,
 Сквозь сомкнутые веки ясно вижу:
 В руках у мамы чёрная змея
 Плывёт среди травы – всё ближе, ближе,
 И вот уже холодный лижет лоб,
 Целует в губы ртом своим безгубым,
 И я боюсь пошевелинуться, чтоб
 Не испугать её своим движеньем грубым, –
 Тогда она ужалит. Я мертвей
 Вех мёртвых на земле и под землёю.
 Где мама? Где змея? Ни матерей,
 Ни змей. Одна земля передо мною.
 Я сам – земля. Подобием хвоща
 Кустится из меня колючий, хилый
 Росток болезни. Корень зла ища,
 Змея раздулась – и рванула с силой.
 Не поддаётся – надо ей помочь,
 И вот, весь в комьях мертвешей плоти,
 Исторгнут корень и отброшен прочь,
 И тут же забываюсь я в дремоте.
 Не нужно ни лекарств, ни докторов.
 Уже не больно, мама,
 Я здоров.

ИСПЫТАНИЕ ПУСТОТОЙ

Сухой любви щепоть – не выкормит она
 Ни голубой цветок, ни куст чертополоха,
 В том моя судьба, а не твоя вина:
 Винарова, признай, нам и без них неплохо.

Забудем синих птиц с их райским языком,
 Синицу бы в руках, не журавля на блюде.
 Сдавила горло пясть, и в нём не грусти ком,
 А навей кости сласть – моли её о чуде.

Я вырастил её как ветку бузины
 И дудку смастерил из пустоты и смерти.
 Винарова, побудь со мной: ничьей вины
 Нет в нотах тишины на костяном концерте.

А впрочем, всё равно: твою целую грудь
 Во сне, когда ты спишь в другом углу столицы,
 Я обжигаю рот о пустоту и жуть:
 Ты, я и поцелуй – кому всё это снится?

* * *

Моя дневная жизнь – довесок
 К тому, что называют сном,
 Лишайник, мшаник и подлесок
 В немыслимом бору ночном.

О, это сумрачное чудо,
 Сомкнувшееся надо мной!
 Не возвращаться бы оттуда
 На жалкий уровень дневной!

Не рвать бы в том лесу священном
 Диковинных цветов и трав,
 Что неизменно станут тленом,
 Отраву дня в себя впитав.

Но как силён соблазн жестокий
 Сберечь ночную красоту,
 Вложив её в пустые строки
 На суетном дневном свету.

PRO DOMO MEA

Сестре Лиле

А что могли мы взять у жизни пресловутой,
 Явившись в эту жизнь до и в разгар войны?
 Войну, само собой. Мир, пахнувший закутой
 Свиной в шестую часть земной величины.

Барсучью нищету. Тягучую конфету
 Из хлипкого ларька, из липкого кулька.
 Ну и – спасибо маме, Бунину и Фету –
 Орловский диалект родного языка.

Анастасия ЕРМАКОВА (г. Орёл, 14 лет)

КОТЁНОК

Дети нашли на улице котёнка. Он был маленький и беспомощный: глазки у него уже открылись, но зубки ещё не прорезались. Котёнок жалобно пищал и всем своим маленьким тельцем дрожал от холода.

В тот год весна была поздняя. Несмотря на то, что уже пришёл май, ночью ещё бывали заморозки, а днём дул пронизывающий ветер, шёл дождь, иногда вперемешку с мокрым снегом. Затем вдруг резко потеплело: зазеленела молоденькая травка, распустились в палисадниках нарциссы и тюльпаны, разлился в воздухе аромат цветущих деревьев: яблонь, груш, вишен. Когда же, наконец, и черемуха, словно стыдливая невеста, укуталась в белоснежное покрывало из душистых лепестков, снова наступили холода и пошли дожди.

Котёнок пытался укрыться от падающих на него капель дождя. Сначала ему удалось встать и сделать несколько довольно неуклюжих шагов, но вскоре он потерял равновесие, и ему пришлось лечь на живот и ползти, помогая себе передними лапками. Тут-то его и нашли дети.

Детей было трое. Старшая девочка, Даша, училась в четвёртом классе. Двое других детей, помладше, во всём слушались её.

Сморщив узенький лобик, Даша напряжённо думала, как бы ей поступить. Родители не разрешили бы ей забрать котёнка домой, и теперь она боялась, как бы кто другой не взял его себе.

Наконец Даша сказала:

— Котёнка нашли мы троём, значит он наш общий. Чтобы никому не было обидно, мы будем играть с ним все вместе, а чтобы его никто не украл, мы его спрячем в кустах.

— А если он убежит? — спросил шестилетний Миша. Ему тоже очень понравился котёнок, и он уже представлял себе, как он будет учить котёнка маршировать и другим армейским трюкам.

— А чтобы он не убежал, мы посадим котёнка в коробку, а коробку плотно закроем крышкой.

Так и поступили. Младшая девочка, Маша, принесла из дома коробку и постельку для куклы. На дно коробки постелили матрасик, сверху простынку, на простынку положили подушку. Затем посадили в коробку котёнка и накрыли его кукольным одеяльцем. Котёнок очень устал и почти не сопротивлялся, только еле слышно мяукал. Коробку закрыли крышкой, в которой предусмотрительно вырезали отверстия для того, чтобы котёнок не задохнулся. После этого спрятали коробку в кустах за домом.

На другой день Маша, увидев, как мама кормит из бутылочки её младшего братика Андрюшку, додумалась, что котёнка тоже надо покормить. Она взяла блюдечко из кукольной посуды, налила туда немного молока и пошла во двор.

Как это часто бывает в мае, погода резко изменилась, на улице стало тепло, и котёнок согрелся и выспался в своей коробке. Несмотря на то, что котёнок был очень голоден, он ещё не умел лакать из блюдечка, и поэтому, понюхав молоко, он вскоре отполз от него. Маша взяла котёнка за шкурку, подтащила к блюдечку и ткнула носом прямо в молоко. Котёнок облизал нос, но из блюдечка пить не стал. Тогда Маша снова ткнула его носом в молоко, котёнок опять облизал нос и отполз от блюдечка. «Захочет — поест», — вспомнила Маша слова, которые повторяла её мама каждый раз, когда Андрюшка капризничал за едой. «Захочешь — поешь!» — с грозной маминой интонацией повторила она, сердито смотря на котёнка.

Даша и Миша ещё были в школе, и Маша решила поиграть с котёнком в дочки-матери. Она завернула его в старую пелёнку, посадила в кукольную коляску и с важным видом стала прохаживаться по двору.

Скоро её игра привлекла внимание местных хулиганов, Серёжки и Сашки, которые вместо того, чтобы быть в школе, с самого утра с унылыми лицами сидели на детской площадке и щёлкали семечки. Разглядев, что в коляске не кукла, а котёнок, мальчишки сразу же повеселели. Нарочито медленным шагом они подошли к Маше и завели с ней не лишённый остроумия, по их мнению, разговор.

— Здравствуйте, мамаша! А кто это у Вас в колясочке? Ваша дочка? А почему у Вашей дочки грязные щёчки, мохнатые лапы и усы, как у папы? Может быть, это обезьянка? А не хочет Ваша обезьянка выступить в нашем цирке? Мы можем выстрелить ей из пушки, можем заставить её прыгать через огненное кольцо или, может быть, она хочет выступить с летающими акробатами?

Мимо шла из магазина соседка Марья Васильевна. Она слышала всё, что сказал Серёжка, более того, она прекрасно помнила, как год назад эти ребята поймали где-то кошку учительницы Зои Ивановны, спалили ей усы, облили краской и для пущего эффекта привязали к её хвосту старую консервную банку. После этой истории кошка больше не показывалась на улице, а Зоя Ивановна сразу после экзаменов ушла на давно заслуженный отдых.

— Здрасьте, Марья Васильевна! Как ваше ничего? — развязно процедил Сашка, смотря на неё с наглым прищуром.

Буркнув себе под нос что-то про тяжёлые сумки, Марья Васильевна поспешила укрыться в подъезде.

Но Серёжка с Сашкой уже потеряли к котёнку всякий интерес.

Ближе к вечеру во дворе стали собираться дети. Даше не хотелось уходить с детской площадки, чтобы поиграть с котёнком, поэтому было решено принести его во двор и играть с ним всем вместе. Сначала играли в больничку, потом в школу (ох, и смеху-то было, когда к доске учительница вызвала котёнка), затем качали котёнка на качелях и катали его с горки.

Через несколько дней Марья Васильевна встретила на улице Зою Ивановну. Обсудили погоду, рассаду, пенсию и напоследок решили обсудить молодёжь. Так Зоя Ивановна впервые узнала о котёнке.

Днём она встретила у дома Дашу, попыталась объяснить ей, что котёнок маленький, за ним нужно ухаживать, может быть, показать врачу. Даша сначала отпиралась, говорила, что не знает ни про какого котёнка, а потом сообразила сказать, что котёнок сбежал от детей.

Теперь коробку с котёнком больше не приносили во двор, играли с ним за гаражами.

Зоя Ивановна пыталась ещё раз поговорить с детьми, но все как один твердили, что котёнок убежал. Тогда она пошла к их родителям.

Дашина мама долго не могла понять, что хочет от неё старая учительница. А когда поняла, отмахнулась:

— Вы, Зой Иванна, как на пенсию вышли, совсем не знаете, чем заняться? Ну, играют дети с котёнком, и что тут такого? Вы лучше рассадой своей займитесь вместо того, чтобы к детям приставать!

Точно также ответили ей и другие родители, среди которых встречались и её бывшие ученики.

Ещё через несколько дней в квартире Зои Ивановны раздался звонок. Зоя Ивановна открыла дверь и увидела заплаканную Машу. В руках у Маши была коробка.

...Прошёл год. Сложно было узнать в пушистом рыжем коте того исхудавшего умирающего котёнка,

которого всё-таки решилась отдать старой учительнице одна из девочек. Игривый, но ласковый, он стал любимцем всего двора, и Зоя Ивановна всерьёз опасалась, как бы он не заболел от всех перепадавших ему угощений.

В один из душевных летних дней, какие бывают только в июле и только в преддверии грозы, Марья Васильевна услышала в подъезде громкое мяуканье. Она вышла из своей квартиры и спустилась на первый этаж. Под дверью Зои Ивановны сидел её кот.

Марья Васильевна легонько толкнула дверь, и та отворилась. Не решаясь войти, женщина растерянно стояла у входа в квартиру, а кот, обвиваясь хвостом вокруг её ног, мяукал ещё громче и ещё жалобнее. Наконец Марья Васильевна переступила порог и прошла внутрь. Всё, что было потом, она помнила смутно, но знала, что действовала чётко и без промедлений.

— Ещё минут пять-десять, и не спасти бы нам вашу соседку, — обстоятельно докладывал Марье Васильевне молодой вежливый доктор с большими усами, — ей очень повезло, что Вы среди дня решили к ней заглянуть...

А Марья Васильевна внимательно слушала доктора и думала про себя о том, что если даже животные умеют любить, быть преданными и благодарными, то может быть когда-нибудь и люди научатся жить, прислушиваясь к своей совести, и отвечать добром за добро.

Илья БОРОДИН (с. Тельче Мценского района Орловской области, 15 лет)

Цапля

Был серый сентябрьский день. После православного каस्याновского праздника Никития в округе наступало затишье: не было слышно гула тракторов и комбайнов, не чувствовалось деревенской суеты. Шумно было только возле школы, и то на переменах. Поля вокруг деревни были пусты и чернели между перелесками. Деревья готовились скинуть с себя яркий багряный наряд и до весны остаться темнеющими пятнами на фоне серого неба. Домашний скот ещё выгоняли на пастбища, но трава уже пожухла и была рыжей от мелких дождей. Ночами было прохладно.

Вот в такой день я в школе услышал от хвощёвских ребят, что они, когда утром шли в школу, с хвощёвской стороны видели возле ручья, в низине между Капустниками и слободской стороной, цаплю. Она стояла и глядела под свои ноги, надеясь за заметить лягушку. Цапля не испугалась шумной детворы и, пока дети перешли ручей на каस्याновскую сторону, так и осталась на своём месте, не меняя позы.

Ребята немного постояли на каस्याновском бугре, наблюдав за грациозной одинокой птицей, и отправились в школу.

Услышав их рассказ о цапле, я решил после школы сходить на то место и посмотреть на цаплю, но, к моему сожалению, птицу я так и не увидел. Да и время, как назло, тянулось долго. Лишь после пятого урока, не заходя домой, я отправился на то место.

Унылая пора подействовала на меня удручающе. Дети из школы ещё не возвращались домой, поэтому я с надеждой добрался до ручья, надеясь увидеть цаплю. Но увы! Цапли нигде не было. Я перешёл ручей, взобрался на хвощёвскую сторону, огляделся кругом — цапли нигде не было. «Значит, улетела», — с сожалением подумал я.

Ветра не было, но по-прежнему вокруг расплескалась тишина, даже верхушки деревьев не колыхались. На них ещё держались жёлтые листочки, а на слободской стороне сквозь берёзки просвечивались зелёные ёлочки.

В тишине слышен только стрекот кузнечиков. И журчание ручья. Ручей тёк от плотины, а потом вливался в широкий ручей, что бежал от Слободки. Когда шёл сильный дождь или весной ручей становился широким, и перейти его было уже непросто, даже в резиновых сапогах, осенние и весенние каникулы начинались именно в это время.

С хвощёвской стороны была видна деревня Касьяново. Её извилистая улица тянулась вдоль дороги, что медленно спускалась в конце деревни, а потом несколькими домиками взбегала на бугорок. Маленькие домики, крытые соломой, находились по одной стороне улицы, но окна почти каждого дома смотрели на восток, поэтому и восход солнца и заход отражались в их окнах.

Деревушка наша была маленькая, со всех сторон окружённая небольшими распаханнами полями между перелесками. Я перешёл на хвощёвскую сторону, огляделся. Нет, цапли нигде не было видно: улетела.

Рядом деревушки — Слободка, Хвощёво, Калинее-

во — удивительно все похожи одна на другую. Домов в каждой из этих деревень не более двадцати. Дорога проходила почти рядом с домами. По шуму с улицы можно было из дома определить, что проезжает по улице: то ли телега с возом, то ли трактор и очень редко — машина. Жили здесь все как одна семья: дружно, мирно. Праздники отмечали всей деревней. Нешумные деревушки с красивой природой летом привлекали к себе отпускников обилием грибов, ягод и своей неповторимой тишиной.

Я не раз осмотрелся вокруг. Тишина. Только журчанье ручейка немного нарушало покой.

Вдруг на слободской стороне застрекотала сорока. Я ещё раз осмотрелся и увидел её, цаплю. Я стоял на хво-

щёвской стороне, а цапля — в ручье. Я просто стоял и смотрел на неё, даже затаил дыхание.

Цапля зашевелилась. Подобрала под себя ноги. Взмахнула крыльями и медленно-медленно полетела над Капустниками к бывшему барскому саду.

Я молча стоял и смотрел на эту величавую птицу. «Почему она одна?» — подумал я. Лишь только когда птица скрылась с поля зрения, я спустился с бугра и направился домой.

Наутро азаровские ребята рассказывали, что они утром, по дороге из Азарово в школу, видели одинокую цаплю возле глинского пруда. Я промолчал и никому не рассказывал о своей встрече с птицей.

После этого я больше никогда не видел цапель.

Виктория НИКОЛАЕВА (г. Мценск, Орловская область, 14 лет)

Щука Пенелопа

В далёкой заброшенной деревушке, где воздух особенно чист и свеж, среди искрящихся утренней росой деревьев, где сороки устраивают словесную перестрелку между собой, а пауки плетут не тронутое людьми кружево паутины на листьях камышей, в речке Сомовке жила-поживала щука Пенелопа. Когда-то во время удачной рыбалки один шустрый рыбакочок поспешил закинуть Пенелопу в лодку, но не тут-то было. Юркая щука сделала сальто в воздухе и звонко плюхнулась в реку. А с руки рыбака соскользнуло золотое кольцо, обрадовав Пенелопу. Она забрала трофей себе и сделала золотой зуб. Она очень гордилась ослепительной улыбкой и хвалилась речным обитателям, что ещё ни одному рыбаку не удалось поймать её за хвост. Водные жители Сомовки окрестили её за это речной царицей.

Пенелопа любила вести двойную охоту, вернее, двойную рыбалку. Как только к реке приходил рыбак, она подплывала поближе, ожидая, когда к наживке приблизится рыба, и хватала её зубами. Рыбак оставался без добычи, а довольная и сытая Пенелопа пускалась под водой в пляс. Её улыбка сверкала золотом в лучах солнца.

Пенелопа так возгордилась собой, что стала смотреть с высоты на всех речных обитателей. Щука постоянно любовалась на своё отражение в речке. Она даже заказала раку смастерить для неё корону из ракушек, как у царицы. Пенелопа перестала здороваться с соседями.

«Совсем зазналась, глупая!» — говорили жители Сомовки у неё за спиной.

И вот однажды в деревню приехали незнакомцы. Они расставили сети, желая поймать как можно больше рыбы. Речная выдра заметила их из зарослей камыша и поспешила предупредить всех соседей. Пенелопа видела оживлённую суету, но была слишком горда, чтобы подплыть поближе и послушать, о чём ведётся речь. Она весь день охотилась, причём весьма успешно. После охоты и сытного обеда Пенелопа разнежилась под тёплыми лучами солнышка, проникавшими сквозь речную гладь. Она даже начала дремать. Щуке снился дивный сон, как она плыла

на карете, запряжённой тремя большими сомами. Вместо веера она обмахивалась плоскими листьями кувшинок и подгоняла сомов.

И вдруг... Пенелопа сквозь сон услышала резкие звуки и людские голоса. Она очнулась и с ужасом обнаружила, что попала в сети незнакомцев. «Этого не может быть! Это, наверное, страшный сон!» — щука в панике забилась, затрепыхалась.

Но это была горькая правда. Речная царица угодила в плен. Ей грозила участь попасть в уху.

«Помогите, помогите!» — закричала Пенелопа, но её никто не слышал. Она повторила ещё громче. Но жители речки уплыли подальше от этого опасного места. Ответом бедной Пенелопе была тишина. Щука начала вспоминать, как в последнее время она относилась к друзьям, как высокомерно вела себя с ними. Пенелопа поняла, что никто не придёт к ней на помощь. Горькое отчаяние охватило её.

Вдруг в небе появилась белобокая сорока. Она увидела, что Пенелопа трепыхается в сетях, и застрекотала: «Пенелопа попала в беду! Пенелопа погибает! Спасите!»

Сорока пролетела вдоль левого берега реки, потом вдоль правого, надеясь, что кто-нибудь услышит её стрекотание. Маленький бобрёнок спохватился, разбудил старого деда, уснувшего у коряги. Старый бобр поплыл к выдре, шустрая выдра разнесла новость всем соседям. Никто не стал вспоминать плохое. Собралась дружная команда речных обитателей. Они вооружились острыми раковинами, зубами, камушками и поспешили на помощь Пенелопе.

Когда щука была спасена, все увидели людей на моторной лодке, плывущих за добычей.

— Уф! Вовремя! — выдохнула Пенелопа. — Спасибо вам огромное! Простите меня! Я больше никогда не буду вас обижать! Если бы не вы... даже страшно подумать.

— Мы же друзья! Должны помогать друг другу и уметь прощать! — засмеялась речная выдра.

Пенелопа водрузила ей на голову корону из ракушек, а старому бобру подарила свой золотой зуб в знак благодарности.

— Я теперь столько плотов построю с таким царским зубом! — засмеялся бобр.

Но это уже совсем другая история!

Арсений АШИХМИН (г. Орёл, 12 лет)

Я нужен!

Привет, я кофейная чашечка, меня зовут Чип! Я живу в маленькой кофейне маленького города. В нашу кофейню приходит много разных людей: взрослые, пришедшие обдумать свои проблемы, друзья, которые пришли просто поговорить и попить кофе, и старики, пришедшие погреться с улицы и вспомнить молодость.

К сожалению, многие из них уходили в слезах. Взрослые из-за того, что не могли справиться со сложностями проблем, друзья плакали потому, что теряли дружбу, а старики понимали, что их годы уже не вернуть. Мне самому иногда хотелось плакать от того, что для кофе всегда брали кого-то из моих друзей, а я пылился на полке, ведь не был идеально-белоснежным, как они. Я был совершенно другим — пёстрым, как лето. Я ненавидел себя из-за того, что я был другим, за то, что остальные были одинаково-прекрасными, а я... я всех отпугивал необычностью.

Однажды в самый непогожий день в нашу кофейню пришёл очень весёлый парень. У него не было друзей, но ему одному было хорошо, он не думал о проблемах и был молод, просто счастливо жил. Он отличался от всех. Парень взял необычный кофе и — не поверите — попросил подать кофе во мне. А после смог упросить бариста купить меня. Я поверить не мог, что кому-то нужен.

Дома он расположил меня на самом видном месте. Тарелки и ложки аплодировали мне стоя, а вилки сходили с ума при виде меня, и только одна вещь не любила меня — его прежняя чашка. Мне казалось, что это не столь важно, но однажды она столкнула меня с полки, и я... разбился.

Я подумал, что снова никому не нужен. Ждал вечера. Меня мучил вопрос: «Что сделает мой хозяин?» Он пришёл и, к великому счастью, склеил меня. Оставил как сувенир. Тут я убедился: «Я нужен, я не такой как все, но я нужен! Я не самый лучший, но я нужен! Все мы нужны! Все мы разные, но все мы по-своему прекрасны!»

Альбина ВОВЧИК (с. Тельчье, Мценского района Орловской области, 13 лет)

Моя берёза

Под окном дома, где я провела всё своё детство и юность, растёт высокая берёза. Наша берёза. Тихая подружка моего детства.

В эту многоэтажку семья заселилась ещё до моего рождения. Новый микрорайон был заложен в чистом поле, где от горизонта до горизонта, сколько хватало глаз — ни рощицы, ни зарослей кустарника, ни даже одинокого деревца. К самым домам подходили засеянные поля да раскинулись луга, поросшие жёсткой травой и скромными цветами: розовым и белым клевером-кашкой, весёлыми ромашками, голубым высоким цикорием и скромным жёлтым львиным зевом. Сами же новостройки стояли на земле, где, казалось, никогда бы не пробилась даже самая неприхотливая травка. Серая сыпучая почва перемешана с остатками необработанного строительного мусора.

Но вновь заселившиеся жильцы, немного обустроившись, бодро и весело стали строить планы по благоустройству дома. Они так хотели, чтобы вокруг было много зелени! Чтобы было просторно, светло — прямо по прищвинскому рассказу: «...каким деревьям лучше всего, кому жизнь — не жизнь, а сплошная масленица, — это тем, кто стоит на опушке. У тех деревьев ветки всегда купаются в свете, и у них даже задние ветки повернулись сюда, протянулись к свету, как руки...»

Трудности их не смущали. Места было много: автострада пролетала в нескольких десятках метров. Решили засадить всю южную сторону деревьями, а промежутки кое-где разбавить кустарником.

Сказано — сделано. Тогда, в конце шестидесятых,

особую популярность приобрели американские клёны, с которыми не было ни забот, ни хлопот: воткнул веточку, вот она и выросла. В зелёном хозяйстве своих заводов выпросили саженцы, и работа бодро закипела. Тут и там появлялись свежесажённые тонкие прутики.

Но моей бабушке совсем не нравились клёны: в них она не чувствовала ни красоты, ни поэзии, ни радости. Ей же хотелось, чтобы было: «Как не пойти туда на золотую полянку, а на полянке этой чего только нет! До того затягивает лес в свою глубину, что кажется, будто кто-то идёт впереди тебя и заманивает. Бывает: прямо в глазах перед тобой веточка внизу сама качается. Не может же быть, чтобы, правда, сама качалась от себя ветка в полном безветрии, и не ясно ли, что раз ветка всё качается, то, значит, кто-то впереди тебя тоже идёт...»

И постепенно перед бабушкой предстала ясная картина: за окном она посадит своё собственное дерево — и это будет обязательно белая берёза.

Она предвкушала, как будет весной гулять, наблюдая за тем, как распускаются юные берёзовые листочки. Как это у Пришвина: «...весной, когда листья развёртываются, кажется, будто берёзы из тёмного леса выходят на опушку...»

«Так и будет», — представляла бабушка: берёзовые серёжки ласково шевелит весенний ветер, и клейкие крошечные листочки, блестя, словно политые тёплым дождём, радостно шепчут, празднуя пробуждение природы.

И вот, выбрав подходящий день, они вдвоём с моей мамой, которая тогда ещё мамой не была, посадили ту самую берёзку под окном. Удивительно, но безжизненную землю к весне уже покрывала нежная изумрудно-зелёная травка, и даже сплошным ковром желтели

одуванчики. Мама с бабушкой вырыли ямку, аккуратно прикопали корешки, принесли из дома ведро воды и от души полили.

Молоденькое деревце казалось очень трогательно-нежным и выглядело совершенно беззащитным. Ранним утром бабушка, едва поднявшись и первым делом поставив на плиту чайник, раздёргивала занавески, чтобы посмотреть: как там её красавица? Всё ли в порядке? Не обидел ли кто? В жару бабушка понемногу поливала берёзку, которая, ей казалось, без присмотра пропадёт.

Постепенно новая рощица у дома становилась выше, гуще, а клёны, обильно роняя семена, давали новые деревца — их приходилось каждый год срезать. Появились совсем заросшие уголки: там царили настоящие сумерки. Это уже был почти настоящий лес.

А берёзка стояла среди клёнов, словно объятая светом: тонкий ствол с белоснежной корой, изящные чёрные изгибы веток. По весне, когда деревья ещё голые, на берёзке появлялись серёжки — и вновь вспоминалось бабушке из пришвинских «Вре́мён года»: «...берёзы цветут и золотистые серёжки скрывают от нас наверху уже раскрытые маленькие листья, внизу на молодых везде видишь ярко-зелёные листики величиной с дождевую каплю, но всё-таки весь лес ещё серый или шоколадный...»

Однажды произошла с берёзкой беда. Как обычно поутру проснувшись и открыв занавески, бабушка обомлела. На белом стволе зияла чёрная широкая рана. Кто-то, может, из озорства, а может, просто от скуки вырезал большой кусок коры.

Бабушка вышла посмотреть, велик ли урон дереву. Обошла берёзку вокруг. Слава Богу, береста была снята не круговую, иначе бы деревце было не спасти. Но в некоторых местах срез был глубже — обнажилась розоватая древесина. Надо было что-то делать, и срочно. Бабушка, поспрашив знатоков, достала где-то садовый

вар. Затем, прихватив меня с собой, отправилась лечить любимицу. Берёзка словно притихла — казалось, ей было по-настоящему больно. Бабушка нежно погладила раненую кору, густо замазала ствол варом и аккуратно забинтовала.

За операцией этой с балконов следили соседи и сошлись во мнении, что Лукиничне нечем заняться, вот она и тетёшкается со своей берёзой, точно ей внуков мало. Впрочем, их мнение насчёт берёзы бабушке было неинтересно. Берёза оправилась от раны, но чёрная проплешина, конечно, осталась видна, хотя и затянулась.

После этого события бабушка думала было посадить вокруг берёзы какие-нибудь цветы, чтобы никому неподвадно было ходить, но потом передумала: под деревом мы с ней устроили себе летнее место отдыха.

Мы часто и подолгу гуляли в той рощице с бабушкой — я, маленькая, любила слушать её воспоминания о старых временах, а иногда она рассказывала об истории нашей семьи, дома... Читали мы с ней много: и не только сказки она выбирала для меня, но и серьёзные произведения, не по возрасту. Летом, в жаркие дни, мы устраивались под нашей берёзой на пледе, и часы неторопливо текли, пока мы погружались в повествование, забывая обо всём.

Давно уже нет со мной бабушки, да и сама я покинула тот дом моего детства. Но вот какая странность: проезжая мимо, я высматриваю не окна квартиры, где жила когда-то и была очень счастлива — нет, глаза ищут мою берёзу. Она стоит — теперь очень высокая, выше пятого этажа, — и листья её всё также слабо трепещут под дуновением ветра.

И я вспоминаю, как подходила к ней в юности, как прикладывала руки к стволу и неподвижно стояла, словно ожидая, что получу от дерева помощь, поддержку, какой-то совет, который развеет сомнения. И понимаю: сейчас мне так не хватает любимой берёзки...

Валерия МАКСИМОВА (д. Новый Синец Болховского района Орловской области, 15 лет)

ЯБЛОКИ НА СНЕГУ

Однажды осенью мы с бабушкой собирали в саду яблоки. Они были красные и спелые. Бабушка Шура взяла яблоко, долго смотрела на него, а потом сказала: «Внученька, послушай, какую печальную историю я знаю.

Подходила к концу зима сорок третьего года — лютая, голодная. Ленинград сжимали железные тиски блокады. Голодные, истощённые, измученные люди работали для фронта, для Победы — изготавливали оружие.

У одной из женщин, работавших на заводе, была маленькая дочурка. Дом находился рядом с заводом, и мать прибегала изредка в комнату с наглухо зашторенными окнами, освещаемую фитильком коптильни. Жизнь едва теплилась в исхудавшем тельце девочки. Каждый раз в руке женщины был маленький кусочек хлеба. Девочка отказывалась брать «мамин» кусочек, ведь ей надо было работать на заводе. Мать видела, как с каждым днём

слабее дочка, видела каждую складочку на её бледном личике и недетский взгляд больших запавших глаз, обведённых тёмными кругами.

Как-то, еле шевеля губами, Алёна произнесла: «Хочу яблока...». «Яблока, яблока...» — эхом отозвались её слова в сознании матери. Где же сейчас в голодном городе достать яблоко!? Она рассказала о просьбе дочери в цехе. И яблоко принесли. Трудно представить, как его раздобыли в то суровое время!

В руках матери было драгоценное яблоко. Она бежит домой. «Алёнушка! — зовёт девочку с порога. — Яблоко, Алёнушка...»

Похоронили девочку на местном кладбище. Соседи еле выходили бедную мать. Голова её поседела. Шли годы. Каждую зиму люди видели седую женщину, которая на кладбище клала на снег красные яблоки у могилы дочери. И долго-долго стояла молча. Со стороны казалось: не яблоко лежит на снегу, а материнское живое сердце.

Надежда УСКОВА (г. Орёл, 14 лет)

По новой

Лучи солнца ласково ложились на траву и слегка покачивающиеся деревья. Каждый листик на них танцевал свой танец, подначиваемый непостоянством ветра. Прохлада, исходящая от него, напоминала о минувшем лете и начале осени. О том, что скоро листья эти окажутся оторваны, скинуты на землю и, возможно, кем-то растоптаны, каждый листик рано или поздно найдёт свой конец.

...На травянистом холме стояла женщина в белом платье. Взгляд её карих глаз был направлен куда-то вдаль. На заросшую травой поляну? На лес, стеной возвышающийся где-то вдалеке? На облака, похожие на вату, или светло-голубое небо? Нет. Она смотрела дальше. Мимо. И пальцы, лежащие на спинке стоящей рядом инвалидной коляски, невольно сжимались.

...Они заворожённо смотрели на сцену — единственное, что ярко освещалось несколькими прожекторами и одной звёздочкой на просцениуме. Звездой выступала женщина в алом платье, чьи светло-русые волосы отливали не менее ярким цветом благодаря прожекторам. Лишь нежная улыбка оставалась ослепительно белой, а глаза, уверенно смотрящие на зрителей, — карими, глубокими. Немного расчётливыми и хитрыми, когда она оглядывала зрителей. Заигрывающими, когда взгляд останавливался на конкретном человеке. Чёрная перчатка потянула пышную юбку, и алая, словно сделанная из страусиных перьев, одежда мягко приземлилась на пол. Цокая каблуками, она ходила по сцене, пока звучал её мелодичный голос, пока с руки не слетела одна перчатка, вторая... и выступление прекратилось. Женщина ушла за кулисы, оставив после себя громкое рукоплескание зрителей и ощущение чистого восторга. Свет погас. Скоро должна была выйти новая актриса, но все знали: она не повторит успех предыдущей.

Так София Булатова проводила почти каждый день в «Lady and Burlesque». Сцена, аплодисменты, направленные на неё взгляды и полное раскрепощение — это то, к чему Софья стремилась с самого детства. Ощущение крыльев за спиной, когда выходишь на сцену... Ради этого стоило сидеть и часами шить ту чёртову юбку! Девушка положила локоть на барную стойку, пододвигая бокал бармену и махнув рукой, мол «налей ещё!», после чего принялась наматывать прядь волос на пальчик. Туфля двигалась в такт играющей в баре мелодии.

«Так откровенно пялиться — ну просто некрасиво!» — мысль была адресована мужчине в костюме, сидящему через несколько барных стульев от неё. Повернув в его сторону голову, Софья бросила кокетливую улыбочку. Неожиданно тот смутился и торопливо отвёл взгляд. Качнув головой, девушка поднесла стакан к губам и закрыла глаза: «Знакомое лицо».

...Поздний вечер уже переходит порог, оборачивается ночью. Свет полумесяца падает на землю. Выступление проходит под открытым небом. Не очень большая сцена и несколько рядов стульев спереди — все места заняты. Приятные разговоры и ненавязчивая музыка разносятся ветром далеко, далеко...

Но вдруг — тишина. Десятки взглядов направлены на

сцену. Цоканье каблуков... Мужчина, сидящий в первом ряду, пододвинул стул поближе. София выходит на сцену и становится прямо, окидывая взглядом всех присутствующих и дожидаясь, когда зазвучит музыка.

Наконец из колонок начинает доноситься мелодия. Девушка поднимает веера из белых страусиных перьев, начинает свой танец, что в такт мелодии становится всё более ярким. Словно ручеек, её тело плавно изгибается, приковывая к себе взгляды, а ветер, подыгрывающий выступлению, развивает пышную белоснежную юбку. Невероятно нежного и тонкого, как тающий в начале весны лёд, голоса в этот день не было слышно. Она танцевала.

Человек в первом ряду не сводил с неё глаз всё это время. Мужчина в чёрном деловом костюме прожигал сцену своими зелёными глазами. Она послала преданному наблюдателю воздушный поцелуй и, стянув с руки длинную перчатку, кинула её зрителю.

...Порой ей было интересно, как бы повернулась жизнь, не сделай она этого. Если бы просто продолжила танцевать... Бросив тяжёлый взгляд на человека в коляске, женщина покачала головой. Попробуй предугадать, какие выкрутасы решит совершить судьба... даже если в судьбу ты не веришь.

...Трудно сказать, оказалась ли жизнь девушки повернута на все сто восемьдесят уже после того, как симпатичный мужчина подошёл к ней после выступления с роскошным букетом белых роз. И ведь первой мыслью было: «Где, а главное когда он успел раздобыть цветы?»

Воспринимая жизнь как игру или шутку, она так же несерьёзно дала ему шанс, хотя стоящий перед ней брюнет и казался слишком скромным, что яркой Софье совсем не подходило. По крайней мере, выглядел он солидно... А что является одним из главных приоритетов в жизни такой особы, как она? Конечно, деньги! Начала она с верой в то, что их внезапный роман быстро завянет, как любой живой цветок.

А их времяпровождение действительно можно было назвать живым и наполненным, на удивление блондинки. Ведь перед ней раскрылся весёлый, самодостаточный мужчина, готовый чуть ли не к любым авантюрам, поражающий порой своей щедростью. Софье долго думалось, что это просто интрижка, пока опустошались бокалы, мерцали свечами вечера и бессонные ночи, пока они полностью забывались в своих эмоциях.

А когда брюнет впервые вместо модных, слишком шумных мест предложил сходить в парк, оказалось, у этих двоих есть ещё один общий интерес. Даже звездам порой нужен отдых, и на время они затухают, пряча свой свет от земли. Пусть могло показаться, что пристанище Софьи — бесконечные танцы, роскошь и чужое внимание, жить так круглые сутки на деле вряд ли кто сможет. Вот и девушка отдых нашла в природе.

...Вечерний сумрак окутывает безлюдный лес, где смешиваются зелёные деревья с золотистыми кронами. Листья постепенно приобретают яркую осеннюю окраску, заполняя лесное пространство тёплыми оттенками жёлтого, оранжевого и красного цвета. Через низкорослые кустарники и камыш, куда проникают последние лучи заката, вырисовывается контуры таинственных теней и форм.

Холодный воздух наполняется запахами грибов, ягод и лесных трав. Душевный покой и тишина этого места нарушаются только звуками животных, которые где-то далеко кричат друг другу.

Молодые люди сидели на траве и первое время в полной тишине рассматривали окружающую их красоту. Повисшее между ними молчание могло показаться загадочным.

— В это время здесь непривычно пусто. Людей вообще нет, — брюнет не поворачивал голову, продолжая задумчиво смотреть вперёд.

Ох, это белка! Милый зверёк выбежал в сопровождении звона листьев. За стройным тельцем подтянулся и пушистый хвост, мелькая на фоне зелёной, ещё не высохшей травы. Ловкими и быстрыми движениями белка сократила расстояние, остановившись и начав что-то вынюхивать. Девушка выпрямилась, понимая, что люди для зверька пока остались незамеченными. Рыжее пятнышко подняло что-то с земли, огляделось и побежало дальше по своим, белчиным делам, так и не догадавшись о скрытом наблюдателе.

Брюнет же был сосредоточен на другом: наблюдал за стрекозой. Воздушное создание сверкало на свету своими крылышками, заставляя их переливаться всеми оттенками золота. Стрекоза словно играла в забавную игру с ветром, которому она неизменно подчиняется. Лёгкость и маневренность летящего создания просто поражали! Мужчина почувствовал заинтересованный взгляд Софьи и улыбнулся.

...Так, постепенно, сами не замечая этого, они сближались. Он для неё становился кем-то стабильным и надёжным. Тем, на кого действительно можно положиться. Нет, ничего серьёзного, просто всё больше откровений они могли себе позволить. Нет, это ненадолго... просто они съехались и живут вместе уже два месяца. Ничего... но вот уже Софья прекратила танцевать, отдав предпочтение более тихой жизни. Однако помнила, что в любой момент может вернуться на сцену.

...А ведь этот человек действительно открыл ей много нового! Нереально разносторонний человек. «С ним просто интересно, вот и всё».

...Но время для таких людей, как Софья, двигалось невероятно быстро. Годы пролетали перед глазами за миг, а она оставалась такой же девочкой. Несерьёзной, может, немного наивной. Некоторые люди действительно не меняются. И до поры не замечают изменений в окружающих их людях. Не сразу и она заметила, что брюнет начинал забывать элементарные вещи, путаться в словах. Может, виноват стресс на работе? Тем не менее, мужчина никогда не срывался на Софью.

И вот его компания распалась. Тогда у Софьи впервые возникла мысль уйти от него.

Эта ситуация породила безысходные настроения у обоих. Первой начала срываться Софья, уже зависимая от кого-то другого как душевно, так и материально, но продолжая себя обманывать, оттого становясь только более раздражённой. А он просто молчал. Обычно, когда люди попадают в безвыходные, на их взгляд, ситуации, они начинают искать всевозможные способы создать иллюзию мимолётного удовольствия, забыться, заглушить появля-

ющуюся пустоту и тревогу... Но от него исходило чуть ли не ледяное молчание. Пожалуй, единственное, что он делал — это всё чаще выходил в холодную погоду, надевая любимое пальто, приходя с красным носом и обветренными щеками. С такой миной от любовницы не уходят, так что подозрений у Софьи не возникало. Или она слишком ему доверяет?

В последнюю такую прогулку он умудрился принести домой огромный букет белых роз. В тот момент женщина решила отчитать брюнета за трату денег на такие пустяки, но втайне не смогла сдержать улыбку. В противовес всем предыдущим думам в голове возник вопрос: «Ну как можно бросить этого мужчину?»

А потом у него случился первый инсульт. Невозможно описать чувства, испытанные Софьей, когда она нашла его без сознания.

Он спал в соседней комнате, пока Софья обдумывала возможность уйти, сидя на кухне за чашкой кофе. Но вспомнила взгляд, которым брюнет посмотрел на неё после того, как пришёл в себя... Нет, сейчас она не может это сделать. Ей нужно подумать ещё.

...Он потерял возможность свободно двигаться и ходить, с трудом двигал губами, чтобы промочить несколько слов. Ему требовалась постоянная помощь, и это страшно утомляло. Софью будто окунули в холодную воду после нескольких лет проведённых в чудесном сне. Она бесчисленное количество раз задавалась вопросом «почему?», когда ей приходилось вместе с ним делать базовые, такие простые вещи, так и не найдя ответа. А потом он начал впадать в беспамятство.

...Отпустив спинку инвалидной коляски, Софья думала, что ей делать дальше. Она приведёт его домой, покормит, и... сколько это будет продолжаться? Когда окидываешь взглядом сидящего рядом мужчину, невольно ужасаешься от осознания, что смотришь на куклу. От измученного болезнью лица не исходила энергия жизни. Он просто смотрел на некогда любимые пейзажи стеклянными зелёными глазами, не выражая ни восхищения, ни наслаждения.

Женщина медленно двигала коляску по направлению к дому, а в её памяти всё чаще всплывали те беззаботные будни, когда она ещё танцевала и шила костюмы... Её никто не удерживал, ею все восхищались. Она была свободна. Так же, как ветерок, развивающий её светлые волосы.

Накинув лёгкую курточку на плечи, Софья нащупала в кармане бумажку: они с новым соседом обменялись номерами. И ведь ещё не всё потеряно: когда-то она обещала себе, что в любой момент может вернуться к прежней жизни. Она всё ещё привлекательна, достаточно молода и ...

Неожиданно послышался какой-то звук. Блондинка обошла коляску, наклонившись к мужчине, который, кажется, пытался произнести что-то. В один момент его взгляд прояснился, а дрожащая рука с трудом тянулась к её ладони. На лице брюнета засветилось выражение безграничной нежности, когда он произнёс её имя: «Софья...»

Направленный на женщину взгляд впервые за многие дни казался таким чистым и туманным одновременно. Он будто увидел ту девушку, что несколько лет назад танцевала на сцене под открытым небом, и прошептал: "Ты ангел..."

Она медленно опустилась на землю прямо перед ним.

Ангел в белоснежном платье, стоящий с букетом алых роз, улыбающийся так беззаботно, по-детски... Так сейчас улыбался и он, всё же дотянувшись до лица Софьи, вытирая с её щеки жемчужные блики слёз!

...Даже если ты в конце концов всё забудешь и разум твой канет в небытие, если мне когда-нибудь придётся попрощаться с тобой навсегда, я буду хранить тебя в своём сердце до своей кончины. Прости, что осознала свою лю-

Мария КУРКИНА (г. Орёл, 13 лет)

Эта сказка учит...

Михаил Пришвин — русский писатель, описывающий в своём творчестве человека и природу в их взаимосвязи, представивший вопросы судьбы человека, его бытия, смысла жизни, религии, сделавший огромный вклад в отечественную литературу.

Тему добра в творчестве М.М. Пришвина мне хотелось бы раскрыть, анализируя содержание сказки-были «Кладовая солнца», которая, на мой взгляд, является одним из самых ярких произведений писателя, так как это кладёзь интересной и поучительной информации.

Мы видим, как в сказке автор любит красоту родного края, показывает взаимоотношения людей между собой, а также отношение человека к природе.

Героями истории являются брат и сестра — Настя и Митраша, осиротевшие во время Великой Отечественной войны. Все заботы о хозяйстве легли на их хрупкие детские плечи. Однако дети не опускают руки и берутся за работу.

Пришвин тем самым учит нас, что не нужно бояться трудностей, даже если очень сложно, всё равно всё получится. Однажды дети пошли в лес за клюквой, но, когда нужно было сделать выбор: идти по проторённой тропинке или по скрытой, главный герой произведения, мальчик Митраша, упрямится и не хочет туда, куда ходят все, потому что ягоду, по его мнению, в том месте не будет.

Сестра главного героя — Настя, наоборот, боится потеряться в незнакомом месте. Ребята расходятся. И в итоге Митраша из-за своего упрямства попал в болото.

Мальчику повезло в том, что собака Травка, у которой умер хозяин, жила в лесу и почуяла человеческую беду. Она помогла Митраше выбраться из болота. Но если бы дети сразу договорились друг с другом, то и не случилось бы беды. Пришвин хочет убедить нас в том, что нужно уметь во всём находить компромисс, стараться прислушиваться друг к другу, и тогда можно будет избежать многих проблем. Мы, конечно же, понимаем, что дети — это всего лишь навсегда дети, им трудно удержаться от азарта и не сделать вид, что они знают всё лучше всех. Ведь даже взрослые иногда забываются и начинают спорить. Но Пришвин показывает в своей сказке на примере Насти и Митраши, что нужно всегда стараться сохранять ясность мысли, иначе можно угодить в беду.

Герои тем не менее проявили смекалку, что помогло выпутаться из беды. Собака Травка приняла мальчика за юного Антипыча, её прежнего хозяина, и Митраша успешно этим воспользовался. Мы видим, что Антипыч относился к животному по-доброму на протяжении многих лет, и даже после того, как его не стало, собака искала его

быв к тебе слишком поздно. Вряд ли теперь я смогу донести это до тебя и по-человечески извиниться.

Может, жизнь тех листиков и подходит к концу, тем не менее, они почувствовали летнее тепло и успеют станцевать свой последний танец с непостоянным, прохладным, но таким приятным осенним ветром.

Я рада, что станцевала этот танец именно с тобой. Спасибо и прости, дорогой Пётр.

в каждом человеке. Животное привыкло всегда помогать людям и поэтому сразу почуяло беду, когда мальчик угодил в болото. Совершенно очевидно, что нужно стараться относиться к животным и к природе бережно, и тогда они ответят нам тем же. Этому нас учит сказка-быль Пришвина.

Нам, городским жителям, очень интересно и познавательно читать такие истории. Мы видим лося и змею, путешествуем по лесу в поисках ягод. Пришвин так подробно описывает лес, деревья, которые растут там, поведение животных, что нам хочется тоже оказаться на месте героев и вдохнуть чистый лесной таёжный воздух. Пришвин пытается передать нам свою любовь к природе и хочет, чтобы мы тоже прониклись этим чувством и старались относиться бережнее к окружающей нас среде.

Эта сказка учит нескольким важным вещам: во-первых, она показывает всю важность заботы о природе. Очень чётко в произведении показано правило: природа относится к людям так, как они к ней. Настя и Митраша, например, заботились о животных и хорошо вели себя в тайге, поэтому с ними ничего не случилось, даже наоборот, ребята смогли остаться целыми и невредимыми. По моему мнению, природа оберегала детей, посылая ушастого помощника, потому что заяц всегда приходил в самый нужный момент: то Травка учуяла зверька, побежала за ним и так нашла Настю. То собака снова побежала за зайцем и спасла Митрашу. То младший брат, решив подстрелить зверька, случайно попал в Серого помещика (волка) и тем самым спас и себя, и сестру, и всю деревню тоже.

Более того, в сказке показаны не только хорошие взаимоотношения человека и природы, но и плохие. Например, до облавы на волков, которую совершили жители деревни, Серый помещик не был таким злым и кровожадным, но в произведении он пугал всю округу. Таким образом автор показал, что, если не любить и не ценить природу, в ответ тоже не стоит ждать хорошего отношения к себе.

Во-вторых, эта сказка учит тому, как важна семья. Мать Насти и Митрашки умерла от болезни, отец погиб на Великой Отечественной войне. Только они были друг у друга, только на себя дети могли надеяться. Когда самые близкие на свете люди поссорились, из этого не вышло ничего хорошего: младший брат чуть не утонул в трясине, пока старшая сестра собирала клюкву. Девочка чуть не забыла о Митрашке, увлекшись своим занятием. После того, как все закончилось, Настя поняла, что неправильно поступила, и отдала все собранные ягоды детям, эвакуированным из Ленинграда. Автор хотел донести до читателей, что очень важно заботиться о своих родных, всегда помогать им, что ссоры не должны портить отношения

между людьми и мешать достижению общих целей.

Таким образом, сказка-быль Михаила Михайловича Пришвина «Кладовая солнца» научила меня заботиться

Кирилл ЦУКАНОВ (г. Орёл, 11 лет)

Весна начинается...

Посвящается моему дедушке

Машина прыгала и качалась, на скользкой деревенской распутице современный автомобиль вёл себя неуверенно. Мне даже казалось, что иногда он превращался в корабль, и тогда мы плавно плыли по мокрой колее, то виляя килем, то взгромождаясь на очередную колею-волну.

Мы ехали в родную деревню моего дедушки. Её странное название, Окунёвы Горы, будило в моём детском воображении странные картины. Мне казалось, что в месте с таким загадочным названием должны обязательно жить сказочные жители... Я представлял огромных окуней, которые почему-то жили на вершине огромных гор.

Машина остановилась. Дедушка вышел из машины и сказал: «Смотри, весна начинается в Окунёвых горах».

Я вышел из машины. Перед нами открывался прекрасный вид на реку. Весеннее половодье было в самом разгаре. Льдины, громоздясь одна на другую, как будто спешили покинуть открытое место, хорошо прогреваемое солнцем. Я запомнил ощущение, когда чистый, как будто его промыли в той самой реке, воздух наполнил лёгкие. Даже голова немного закружилась. Где-то на пригорках ещё оставались небольшие островки белого снега. Лучи солнца как будто играли с каждой снежинкой, казалось, что, если присмотреться, можно увидеть, как прямо на глазах тает снег. Вдалеке виднелся пролесок. Несмотря на то, что на деревьях ещё не было листвы, всем своим видом они показывали, что зимний сон прошёл и они готовы к пробуждению и встрече весны.

В деревушке, расположенной на холмистой местности, было совсем немного домов. Некоторые из них уже покоились от времени. Мне всё казалось, что где-то всё-таки должны жить сказочные жители.

Мы подъехали к небольшой хатке, стоящей неподалёку от дороги.

Дедушка почему-то ласково назвал её Марьюшка. Он подошёл и ласково приложил руку к стене. На минуту мне показалось, что они как будто поздоровались друг с другом, словно старые приятели. Он обнял меня и стал рассказывать про своё детство.

Мой дедушка родился в послевоенное время и вырос в деревне. Родители много трудились, мать и отец просыпались ещё до рассвета, стараясь успеть сделать дела по дому, а затем уходили в поле. Дети, мой дедушка и его брат, оставались дома. За работу родителям ставили трудодень. Такое странное и непонятное детям слово. Дедушка рассказал, что в детстве он думал, что это какие-то палочки, которые его мать обменивала на продукты. Его отец был трактористом, ему был положен хороший паёк, на который, собственно, и жила семья.

Дедушка показал вдаль и рассказал, что в его детстве

о природе, уважать её, искать в любом деле только положительные стороны. Ещё она показала важность семейных отношений и любви к близким.

там было поле. Летом оно колосилось посевами. Колосья развевались на ветру, казалось, что в это время прямо посреди деревни разливается огромное море. Мать рассказывала детям удивительные истории о русалках и других сказочных существах, которые живут там, в глубине поля, и могут заманить в свои сети зазевавшегося путника. Дети верили и не ходили со двора, дожидаясь, пока родители не вернутся с полевых работ.

Уходя, мать обнимала детей и говорила: «До вечера, а за вами присмотрит Марьюшка».

Так вот почему дедушка назвал деревенский домик по имени!

Годы берут своё. И Марьюшка уже не такая белоснежная, как была раньше. Её стены немного покосились, но Марьюшка всё ещё бережно хранила теплоту родительского дома, запах хлеба из печи и детский смех.

Я вспомнил детскую фотографию своего дедушки. Мальчик с открытым лицом, каким-то не по годам взрослым, острым взглядом, который так и норовил прикрыть кудрявый чуб. Мать ласково звала его Витей, в деревне мальчишку со строгим мужским взглядом звали Виктором, ну а на самом же деле его зовут Виталий. Вот такая интересная игра с именем.

Я задумался. Мой дедушка рос в трудное время. Не всегда хватало еды, одежды, даже было время, когда у них с братом были одни сапоги на двоих. Но с какой теплотой и любовью он вспоминает о своём детстве. Наверное, что бы ни было, а для человека его детство будет самым счастливым временем жизни, когда мир кажется огромным и хочется взять и победить этих русалок в пшеничном море!

Вопрос о странном названии деревни не давал мне покоя, и я спросил, откуда оно взялось.

Дедушка почесал затылок: «Знаешь, а ведь, и правда, интересный вопрос... Во-о-о-н в том доме когда-то жил дед Михей. По вечерам он рассказывал ребятишкам разные истории. Много выдумывал, наверное. Так вот он говорил, что когда-то у деревни было другое название, по фамилии помещиков, которые тут жили — Костромитино или Костромитина. После революции название поменяли. Долго не думали. Смотри, деревня расположена на склоне горы. Под горой протекает река Сосна. Когда-то в реке водилось очень много рыбы, в том числе и окунь. Отсюда и название деревни — Окунёвы Горы».

Я смотрел по сторонам. Повсюду были признаки некогда богатой деревенской жизни. Вот там — заброшенный клуб. Чуть подалее — старые колхозные склады... Около заброшенных домов — сады и постройки...

Сейчас в деревне мало жилых домов. Но всё же есть ещё люди, хранящие верность деревенской жизни. А есть такие, как мой дедушка, который приезжает сюда каждую весну подышать родным воздухом и поздороваться с Марьюшкой.

Я никогда раньше не был в деревне. Но побывав в русской деревне один раз, хочу вернуться сюда снова и увидеть, как в Окунёвых Горах начинается весна.

